

200 ЛЕТ ТАЙНЫ

Ярослав Кивалин

ПРОЛОГ
и ВСЁ НАЧАЛО

СЛОВА ГОЛКУ
ИГОРЕВЬЕ
открытия и

ПОЛНОЦЕННЫЙ
ПЕРЕВОД

впервые

Я.А.Кивалин

СЛОВО
ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*объёмно-проникающее расследование,
раскрытия, открытия и перевод
ПРОЛОГА и НАЧАЛА*

СВЕТ

Книга издается в авторской редакции

Кивалин Я.А. ПРОЛОГ и всё НАЧАЛО «Слова о полку Игореве», Новосибирск: Свет, 2004. 200 с.

Это итог фундаментальной работы. Обилие результатов налицо. Небольшое «Слово о полку Игореве» и французская «Песнь о Роланде» — знаменитейшие произведения европейского Средневековья. Но «Слово», обращённое к животрепещущему событию его современности, художественно сложнее и загадочнее. ПРОЛОГ — особенно загадочная часть «Слова о полку Игореве». В данной книге впервые даётся полноценное раскрытие ПРОЛОГА и всего НАЧАЛА произведения. Читатель впервые услышит действительную поэтическую интонацию древнего автора, искарамую ныне в научных, и, ещё более, в «поэтических» переводах. Книга написана так, чтобы быть понятной ученику школы, желанной учителю словесности и студенту-филологу, интересной каждому ценителю русского слова.

Рассмотрение ПРОЛОГА и НАЧАЛА привело к некоторым открытиям в области древнерусского языка. Многочисленные «исправления» древнерусского текста, внесённые за 200 лет его толкования, оказались на поверхку неверными.

©Кивалин Я.А., 2004

Содержание

Вступление

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

ПОЧИН

ПРЕДДВЕРИЕ

НАЧАЛО: Выход в поход

В половецком поле

Экскурс в историю (два взгляда)

Совместно ДРЕВНОСТЬ и ПЕРЕВОД

Послесловие

Читаю «СЛОВО».
Вслушиваюсь
далёкого в речь
двенадцатого
века.

Смысл ускользает.
И хочу привлечь,
прослышать интонацию
поэта.

Прослышать музыку
прочувствовать движений его слов
их связное теченье,
или доверие к поэту поборов,
услышать в строе слов
несовмещенья.

Речь древняя
мне слышится живьём:
богата смыслом,
интонацией,
игрою,
она течёт не трепетом-ручьём,
а зрею
упругою
рекою.

Грамматика — лишь малым не сходна
с грамматикою нынешнего дня.
А смыслы слов — лишь малым не сход
со смыслами, что пользуемся мы.
Но в купе чувств её,
грамматики и речи
меня сегодняшнего
чудятся
предтечи.

Итак: в глубинное мышленье ухожу,
далёких лет
перехожу
между.

*Анастасии Георгиевне Жирковой
светоносной
дочери якутского
и эвенкийского народа,
светоносной и животворной*

ВВЕДЕНИЕ

Небольшое древнерусское «Слово о полку Игореве», занимавшее в прозаическом написании всего лишь 3–5 обычных листа книги, является для славянских народов таким же предметом гордости, как «Песнь о Роланде» для романских народов, как «Песнь о Нibelунгах» для германских народов, как «Витязь в тигровой шкуре» для грузин.

До открытия этого произведения царило представление, что до 18 века русской литературы не было; что Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков явились первыми её зачинателями; что лишь к концу 18 века русская словесность окрепла настолько, что породила Державина и Фонвизина; что лишь с началом XIX века появляются «настоящие» российские поэты, писатели и драматурги, с Пушкиным, Грибоедовым и Иваном Крыловым во главе.

Каково было удивление современников, когда в конце 18 века среди русских древностей обнаружили «Слово о полку Игореве», произведение поразительно поэтичное и с невероятной высоты воззвавшее на неудачный поход малоизвестного князя. Знаменитый историк Карамзин по ознакомлении с этим произведением успел оповестить о нём Европу через гамбургский журнал (1797), а литератор Херасков чуть раньше Карамзина сообщил о нём русскому читателю в примечании при издании своих «Творений» (1797).

С тех пор прошло два столетия. К «Слову о полку Игореве» обращались все лучшие знатоки древнерусского языка, древней русской истории и литературы, ибо оно

200 лет тайны

поставило перед исследователями много вопросов самого разного смысла. Неослабно приковывая к себе внимание, «Слово» гнало исследователей к всестороннему пополнению наших знаний о далёком прошлом. Ныне уже в основном прояснилось то, что первым исследователям и читателям представлялось в «Слове» тёмным или загадочным.

Казалось бы, что произведение, написанное языком, по существу понятным также нынешнему читателю, нетрудно переложить на современный русский язык без грубой потери его поэтических достоинств. Однако действительность оказалась иной. Все переводы не оставляют впечатления той художественной высоты, которая чарует при ознакомлении с древнерусским подлинником даже при неуволвлении смысла отдельных слов и фраз.

В первую очередь это относится к самому началу произведения. Оно не содержит таких загадок, которые потребовали бы исторической или географической расшифровки прежде перевода. Тем не менее, именно вступительная часть «Слова» до сих пор вызывает в умах исследователей настоящую панику.

В данной книге впервые полноценно раскрывается, на основе тщательного следования древнерусскому тексту, художественный смысл вступления «Слова о полку Игореве», являющегося композиционно целым и названного мною ПРОЛОГОМ; даётся перевод также всего НАЧАЛА «Слова», следующего за ПРОЛОГОМ. Исторический очерк показывает два взгляда на ситуацию, отражённую в «Слове о полку Игореве»; коротко сказано о предполагаемом авторе произведения.

Часть I. Вступление

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ПУБЛИКАЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В 1721 году Пётр I упразднил патриаршество в русской православной церкви. Русской церковью стал управлять Синод — коллегиальный орган, составленный из высших лиц духовенства. «Присматривать» за его деятельностью назначалось светскому человеку. Так появилась одна из высших должностей государства: «обер-прокурор Синода»*.

20 лет спустя, свергнув годовалого «императора» Ивана VI Антоновича, на трон взошла петрова дочь, 32-летняя Елизавета. Ещё 20 лет спустя, согласно завещанию Елизаветы Петровны, на трон взошёл 34-летний петров внук (по дочери Анне), Пётр III. На четвёртом месяце его царствия жена его, София-Августа-Фредерика-Ангалт-Цербская, (в православии принявшая имя «Екатерина Алексеевна»), родила второго сына, но не от царственного мужа, а от 27-летнего дворянина Григория Орлова. Ещё через два месяца братья Орловы, Григорий и Алексей, подсадили «Екатерину Алексеевну» на престол, а её мужа заточили в Шлиссельбургскую крепость. Недельки через три по приказу жены Пётр III был убит**.

Через два года по приказу Екатерины Алексеевны, ставшей императрицей Екатериной II, был убит другой бывший «император» — выросший в Шлиссельбурге 24-летний Иван VI Антонович.

По восшествии Софии-Августы-Фредерики-Ангалт-Цербской на русский престол Европа сначала усомнилась в её монарших правах. Но «Екатерина Алексеевна» блеснула такими просветительскими жуирами, что все сомнели восторгом. Правда, затем по неизвестным причинам Российскую империю охватил пожар крестьянской войны («Пугачёвский бунт»). Екатерина его так напугалась, что по усмирении «бунта» приказала своим

* После 200-летнего перерыва патриаршество было восстановлено в ноябре 1917 года.

** Павлу, единственному сыну Петра III, было в это время почти 8 лет. Очевидно, давно не видя папы, он спросил маменьку: «А где папа?» — «Уехал.» — «А он скоро приедет?»

200 лет тайны

канцеляриям впредь не рассматривать жалоб крестьян. Ропот Радищева был пресечён смертным ему приговором, который «Екатерина Великая» милостиво заменила 10-летним сибирским острогом. В конце концов, Екатерина умилостивила всех: французских «просвещенцев» — щедрыми подарками, русское дворянство — дарованием «жалованной грамоты», Германию — привлечением немцев на добротной договорной основе к колонизации российских пространств.

Григорий Орлов по прошествии 8 лет уступил место близ «Екатерины Великой» младшему сопернику Григорию Потёмкину, а ещё через два года попал Екатерине в немилость. По сейму слушаю его адъютант, 28-летний артиллерийский офицер Алексей Иванович Мусин-Пушкин, уволился со службы и уехал лицезреть Европу. Изрядно образованный, Мусин-Пушкин три года провёл в путешествиях, посетив Германию, Голландию, Францию, Италию. Вернулся в Россию, полный впечатлений и планов. Его интересом стали коллекционирование и древняя русская история. По возвращении он — церемониймейстер императорского двора. Но уже через 10 лет — почётный член Академии Художеств. Ещё через 4 года — действительный член Академии Наук.

«Слово о полку Игореве, Игоря Святославля внука Ольгова», было приобретено Мусиным-Пушкиным в конце 1780-ых годов. Отвечая на вопрос, где была найдена рукопись «Слова о полку Игореве», он так рассказывал своему биографу (*К.Ф.Калайдович*):

До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял онym архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожению штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому слушаю комиссionер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве».

Современные исследователи много труда потратили на уточнение обстоятельств приобретения «Слова о полку Игореве», но окончной ясности в этом нет.

Мусин-Пушкин в сотрудничестве со своим многолетним другом, выдающимся историком И.Н.Болтиным и при участии историка И.П.Елагина как смогли переложили «Слово» на современный русский язык. В начале 1791 года Мусин-Пушкин подарил писарскую копию древнерусского оригинала, с переводом и примечаниями, Екатерине II. 62-летняя императрица проявила интерес к содержащимся в «Слове» историческим сведениям. В частности, её заинтересовала личность Ярославны, и она устано-

Вступление

вила, что Ярославна была дочерью Галицкого князя Ярослава Владимировича и что звали её Ефросиньей. В том же 1791 году Мусин-Пушкин был назначен императрицей Екатериной обер-прокурором Синода, притом указом Екатерины II ему давалось право выявлять в церквях и монастырях древние рукописи, касающиеся русской истории, и привозить их в Петербург.

Болтин при участии Мусина-Пушкина в 1792 году очень тщательно, «буква в букву», издал древнерусский текст принадлежавшей Мусину-Пушкину «Русской правды». Издана была Мусиным-Пушкиным также «Лаврентьевская летопись» и «Поучение Владимира Мономаха». Издание «Слова о полку Игореве» задерживалось, но для людей своего круга Мусин-Пушкин не делал тайны из находки: перевод «Слова о полку Игореве» расходился всё более и интересовал «читающую публику».

В 1792 году умер Болтин. В 1796 году умерла 67-летняя Екатерина II. По восшествии на престол новый император, 42-летний Павел, ненавидевший свою венценосную матушку, немедля провозгласил «Положение о престолонаследии», которым исключалась на будущее возможность дворцовых переворотов жёнами императоров. Павел изгнал всех приспешников «Екатерины Великой», но Мусина-Пушкина не тронул. Более того: пожаловал его графским титулом. Только в 1799 году Мусин-Пушкин был уволен со своих должностей. Тогда он переехал в Москву. Впоследствии А.И.Мусин-Пушкин так писал о своей работе над «Словом о полку Игореве»:

Во время службы моей в Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оные песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать её было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов*, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было её разделить на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, — и хотя всё было уже разобрано, но я, не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки, подобной кн. Щербатова, который, разбирая грамоту новгородцев к Ярославу, напечатал в оной, между прочим: «почто отъял еси поле Заячь и Миловцы?» (вместо: «заячьими ловцы»). По переезде же моём в Москву увидел я у А.Ф.Малиновского, к удивлению моему, перевод мой в очень неисправной переписке и, по убедительному совету его и друга моего Н.Н.Бантыш-Каменского, решился, обще с ними, сверить

* В рукописи «Слова о полку Игореве», приобретённой Мусиным-Пушкиным, не было разделения на отдельные слова, но было разделение на группы слов.

200 лет тайны

переложение с подлинником и, исправя, с общего совета, что следовало, отдать в печать.

Н.Н.Бантыш-Каменский и А.Ф.Малиновский не были для Мусина-Пушкина «первыми встречными». Бантыш-Каменский управлял Московским архивом Коллегии иностранных дел. По отзыву учёных-архивистов, публикации древнерусских документов и описание архивных материалов, осуществлённые Н.Н.Бантыш-Каменским, являются образцовыми. А.Ф.Малиновский был опытный сотрудник-архивист Бантыш-Каменского*.

Выверив перевод Мусина-Пушкина, древнерусский текст и примечания, три издателя приступили к изданию. Типограф-щик А.С.Селивановский затем так рассказывал:

Корректуру держали А.Ф.Малиновский, Н.Н.Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые правки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру.

Во второй половине 1800 года «Слово» увидело свет под названием

«Ирическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писаная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

Тираж был — 1200 экземпляров. Итак, прошло 12 лет от приобретения Мусиным-Пушкиным «Слова о полку Игореве» до его опубликования. А ещё через 12 лет, во время пожара Москвы в 1812 году, древнерусская рукопись «Слова» пропала**. Мусину-Пушкину, теперь уже старому графу, пришлось выслушать немало горького в свой адрес. Однако ни до московского пожара, ни после он ни словом не обмолвился о той писарской копии древнерусского текста, что была дарена им императрице. В 1817 году, 73-х лет, граф умер. А писарская копия «Слова», поднесенная им Екатерине II, была случайно обнаружена в бумагах императрицы почти полвека спустя и опубликована в 1864 году (*Пекарским П.П.*).

* Василий Фёдорович Малиновский, родной брат А.Ф.Малиновского, был первым директором Царскосельского лицея, в первом наборе которого учился А.С.Пушкин.

** По некоторым сведениям, дом Мусина-Пушкина во время пожара Москвы не горел. Оставшиеся в доме старинные рукописи, наряду с коллекционными ценностями, были Мусиным-Пушкиным запрятаны. Сам он выехал из Москвы задолго до вступления в неё французов. Для охраны дома оставался в Москве только его слуга. Этот слуга непроизвольно выдал французам тайну клада и, возможно, французы овладели всею коллекцией. Из Москвы они вышли с огромным обозом награбленного. Но при бегстве из России потеряли все свои обозы.

В 19 веке ещё имели надежду разыскать другие древнерусские экземпляры «Слова». На почве этой надежды были попытки подделок, на одну из которых «клонул» даже опытный А.Ф.Малиновский. В настоящее время такая надежда уже призрачна. «Слово о полку Игореве» — далеко не единственный случай, когда важная древнерусская рукопись дошла до нового времени в единственном экземпляре, а затем пропала. Сейчас нет многих рукописей, на которые ссылались историки 18 века (Татищев, Щербатов, Болтин, Карамзин). В единственном экземпляре дошло до нас и сохранилось «Поучение Мономаха».

ОТКЛИК ПУШКИНА НА ПУБЛИКАЦИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Издание «Слова о полку Игореве» сразу вызвало устойчивый интерес к этому произведению. Предлагались «поэтические пересказы», варианты перевода «тёмных мест», которых оказалось немало. Писателями и поэтами усваивались образы «Слова». Знаменитый историк Н.М.Карамзин поместил в третьем томе своей «Истории государства Российского» (1816) художественно-удачный прозаический пересказ «Слова». Поэт Василий Жуковский в это время (1816–17 годы) создаёт поэтический пересказ. Правда, он его не публикует, а в 1833 году передаёт А.С.Пушкину, в бумагах которого был найден через полстолетия и издан в 1882 году (*Барсовым Е.В.*).

Пушкин в последние годы своей жизни внимательно изучал «Слово о полку Игореве» и литературу вокруг него. Вот вывод, к которому он пришёл:

Некоторые писатели усомнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей не знающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Cowlay; Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолов, ни А.Х.Востоков, ни Ходаковский никогда не сомневались в подлинности Песни о Полку Игореве. Великий скептик Шлётцер*, не видев ещё Слова о Полку Игореве, резко назвал оное подлогом; но, прочитав, признал подлинно древнее произведение, и не почёл даже за нужное приводить только доказательства: так очевидна казалась ему истина!

* Август Людвиг Шлётцер. Немецкий историк. Автор трудов по русской истории, языку, летописанию. С 1760 по 1765 годы жил в России. Ознакомившись с Первым изданием «Слова о полку Игореве», Шлётцер написал на него рецензию, в которой признал его «творением в поэтической прозе, древним и даже подлинным». Именно на эти слова Шлётцера ссылается Пушкин.

Другого доказательства нет, как слова самого стихотворца. Подлинность же самой Песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в XIX веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плане её, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет Песни тёмный поход неизвестного Князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей Песни словами, открытыми в других славянских наречиях, где ещё сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал — неужто таковая смесь естественная? Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним..., но в Ломоносовских [одах] не найдёте ни Польских, ни Сербских, ни Иллирийских, ни Болгарских, ни Малорусских и других наречий Славянских.

Первые издатели приложили к ней (к Песне о полку Игореве) перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но хотя в изысканиях такового рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно учёные, всё ещё остаётся лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своеобразными поправками и догадками, ни на чём не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей истории, мимоходом, разрешил некоторые загадочные места*.

Итак, Пушкин признал несомненную древность «Слова о полку Игореве», незаурядные поэтические достоинства этого произведения и дал высокую оценку труду первых его издателей.

ДАТИРОВКА РУКОПИСИ, ПРИОБРЕТЁННОЙ МУСИНИМ-ПУШКИНЫМ

Оригинального древнерусского текста «Слова о полку Игореве», что был приобретён Мусиным-Пушкиным, не сохранилось. В древнерусском же тексте издания 1800 года и в Екатерининской писарской копии не была воспроизведена орфография монастырской рукописи, хотя после того, как рукопись пропала, Малиновский подчёркивал, что воспроизводили её предельно точно, «буква в букву». Историк Карамзин, сверявшись с древнерусским текстом в издании 1800 года с исходной рукописью, тоже

* Текст Пушкина дан без сокращений.

указал, что качество воспроизведения явилось настолько высоким, что ему удалось найти всего лишь две ошибки*.

Тем не менее, выражение «буква в букву» требует уточнения. Исходно в кириллице** насчитывалось 44 буквы (48 с вариантами)***.

Древнерусская «кириллица» просуществовала до языковой реформы Петра I в 1708–10 гг. Эта реформа упразднила буквы, вышедшие из употребления, а также дублирующие и сложного написания. В ходе реформы и после неё появились новые буквы: Э, Я, Й, Ё****.

Екатерининская писарская копия и издание 1800 года следовали новому правописанию.

Теперь окончательно признано высокое качество воспроизведения рукописи «Слова» первыми её издателями. Но следование их реформе Петра I сильно увеличило последующим исследователям работу по датировке рукописи на основе издания 1800 года и Екатерининской копии. Сейчас вполне доказано, что правописание в рукописи «Слова», приобретённой Мусиным-Пушкиным, соответствует правописанию последней четверти 15 века (Л.П.Жуковская).

СОДЕРЖАНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Событие, описанное автором в «Слове о полку Игореве», относится к последним десятилетиям «Киевской Руси». Весною 1185 года новгород-северский князь Игорь Святославич выступил в военный поход против половцев, степного народа, южных соседей Руси. В его походе приняли участие брат Всеялод, племянник Святослав Ольгович, 12-летний сын Игоря Владимир. Дружина Игоря была уже в походе, когда стала свидетелем солнеч-

* На самом деле «ошибки», указываемые Карамзиным, явились следствием его толкования, а не недосмотра издателей.

** Кирилл и Мефодий были авторами *глаголицы*. «Кириллица» же была создана примерно на пол-столетия позже, предположительно при дворе болгарского царя Симеона. В основу «кириллицы» было положено торжественное греческое письмо X века.

*** Из этих букв 24 было взято из греческого алфавита. Но так как в славянском языке есть звуки, которых нет в греческом (например: Ж, Щ, Ч, Ш, ІІ), а также по другим причинам, 20 букв было изобретено новых.

**** Однако осталось два «и» («и» и «ї») и два «е» («е» и «ѧть»). В конце всех слов, оканчивающихся на твёрдый согласный, сохранился «ъ». Языковая реформа 1918 года упразднила буквы «ї», «ѧть» и «ъ». Но затем «ъ» был признан как разделительный (например, в словах «объяснение», «объём», «разъезд»). До петровской реформы буквы использовались также для обозначения чисел. По реформе Петра было введено цифровое, современное, обозначение чисел.

200 лет тайны

ногого затмения, которое считалось плохим предзнаменованием. Возвращаться было недоблестно, и поход продолжился. Первая стычка с половцами принесла богатую добычу. Однако на следующее утро князья увидели против себя несметные половецкие войска. Начался упорный бой. Русское войско было полностью разгромлено половцами, а князья пленены. Следом русская земля подверглась тяжкому половецкому набегу.

«Слово о полку Игореве» написано по живым следам этих событий. Отдавая должное мужеству Игоря и Всеволода, автор в то же время преисполнится решимости открыто указать на то, что низвело былое могущество русских, — на стяжательство князей, порождающее их неуёмные распри между собой. Эта причина, замалчиваемая в славословиях прикняжеских певцов, нeliцеприятно выговаривается народной молвой.

«Слово о полку Игореве» состоит из трёх частей. Первая: выступление Игоря в поход на половцев, битва, последствия разгрома Игорева войска. Вторая: призывание великого киевского князя Святослава русских князей к дружному отпору степнякам. Призыв Святослава перетекает в собственный укоряющий и призывающий голос автора. Третья: плач Ярославны, жены Игоря, на городской стене Путивля; откликом на этот плач удачное бегство Игоря из плена и появление его в Киеве. Заканчивается «Слово о полку Игореве» здравицами Игорю, Всеволоду и молодому Владимиру Игоревичу. В этой здравице не упомянут четвёртый участник похода — Святослав Ольгович, племянник князя Игоря. То ли он погиб к моменту написания «Слова», то ли автор возложил на него какую-то вину. Существуют оба предположения.

«Слово» начинается **ПРОЛОГОМ**, состоящим из **ЗАЧИНА**, **ПОЧИНА** и **ПРЕДДВЕРИЯ**. Вразумительный перевод **ПРОЛОГА** оказался делом неподъёмным для переводчиков. Последующее изложение посвящено, в первую очередь, раскрытию загадок и полноценному переводу **ПРОЛОГА**.

Часть II. Первые два предложения «Слова о полку Игореве»

ПЕРЕВОД ПЕРВЫМИ ИЗДАТЕЛЯМИ ПЕРВЫХ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

К числу фраз, которые остались «темны или вовсе невразумительны», Пушкин отнёс уже самое начало «Слова». Вот оно по изданию 1800 года:

Не леполи ны бяшетьъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повестий о плъку Игореве, Игоря Святъславлича (.) Начати же ся тъи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню.

Здесь «плъку» читается как «полку», «Святъславлича» как «Святославлича», «тъи» как «той». В дальнейшем при цитировании древнерусского текста буду «ъ» заменять буквой по звуковому соответствию, например, вместо «плъку» будет «полку» и т. д.*

Разбивку текста мусин-пушкинской рукописи на слова произвели издатели. В первом предложении только «леполи» было отвергнуто позднейшими исследователями, которые в исходном буквосочетании «нелеполи» увидели «не лепо ли».

Расстановка Первыми издателями знаков препинания** кажется несомненной: этот текст состоит из двух предложений (конец первого после «Святославлича»), запятыми выделено обращение «братие», поставлены запятые после «Игореве» и перед противительным союзом «а».

Своему «не леполи» издатели придали смысл «приятно» (хорошо). «Ны» — это старая форма «нам», «бяшетьъ» (в других

* Сейчас не пишут «ъ» в конце слов, заканчивающихся твёрдым согласным. Поэтому в дальнейшем при цитировании древнерусского текста Первого издания такие «ъ» могут опускаться.

В древнерусском не было буквы «й». Так что в оригинале вместо «повестий» было «повестии», вместо «тъи» было «тъи». Букву «й» вносили в древнерусский текст Первые издатели. В дальнейшем древнерусский текст Первых издателей будет цитироваться без «й».

** В древнерусских рукописях не было нынешних знаков препинания, так что их расстановка целиком на совести толкователей и переводчиков.

200 лет тайны

случаях написано «бяшеть») — прошедшее время от глагола «быти» (быть). В результате пословный перевод:

Приятно (хорошо) нам было, братие, начать старыми словами трудных повестей о полку Игореве, Игоря Святославича. Начаться же той песни по былинам сего времени, а не по замышлению Боянову.

Стремясь протолковать этот малопонятный текст, Первые издатели перевели:

Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святославова. Начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым.

То есть, согласно Первым издателям, автор собирается

- а) начать *прискорбную повесть*;
- б) *древним слогом*;
- в) следовать *реальностям*, а не вымыслам.

Зададимся вопросом: какими средствами удалось первым издателям внести смысл в невнятный текст пословного перевода? — Оказывается, за счёт нескольких отклонений от оригинала: прошлое время первого предложения они переделали в настоящее, «трудных повестей» переделали в винительный падеж и единственное число (стало: «трудную повесть»), «той» переделали в «сей», «трудную» протолковали как «прискорбную», «по замышлению» протолковали как «по вымыслам».

Современный исследователь О.В.Творогов отмечает, что первых издателей при работе над рукописью больше всего затрудняло не прочтение слов, а понимание смысла текста, точность и правильность его перевода.

ВЗГЛЯД ПУШКИНА НА ПЕРЕВОДЫ ПЕРВЫХ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Замечания Пушкина на «Слово о полку Игореве» относятся к 1834 году. Поводом стали «поэтический перевод» Василия Жуковского, принесённый им Пушкину для обсуждения, и «поэтический перевод» А.Ф.Вельтмана. Обозревая переводы всевозможными авторами первого предложения «Слова», Пушкин констатирует следующее единомыслие:

Все, занимавшиеся толкованием «Слова о полку Игореве», перевели: «*Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, другие, братия, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?*»

ПРОЛОГ: Первые два предложения

Из этого замечания Пушкина видно, что переводчики дружно отказались от «леполи» первых издателей в пользу «лепо ли». Действительно, слова «леполи» нет в современном языке, не обнаруживается оно и в древнерусском. В то же время древнерусское «*не лепо ли*» — обычная вопросительная конструкция на основе древнерусского слова «лепо», означавшего «хорошо» (вспомним слова «великолепно», «нелепо», диалектное «лепота»). «Не лепо ли» («не хорошо ли»)* преобразует первое предложение из повествовательного в *вопросительное*:

Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестии о полку Игореве, Игоря Святославича?

Пушкин так отзывался об общем смысле переводов этого вопросительного предложения:

По мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре *по-старому*?

то есть перевод выражения «*старыми словесы*» выражениями «древним складом», «старым слогом», «древним языком» и т.п. Пушкин назвал объединённо: «*по-старому*».

Второе предложение «Слова» («Начати же ся тои песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню») Пушкин протолковал так:

Поэт говорит... «Начнём же петь по былинам *сего* времени (**то есть по-новому**), а не по замышлению Бояню (**то есть не по-старому**).»

Почему Пушкин решил, что «по замышлению Бояню» означает «*по-старому*»? Потому, что немного далее автор «Слова» называет Бояна «*соловьём старого времени*» (О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия полки ущекотал...»).

Сопоставляя смысл первого предложения со смыслом второго, Пушкин восклицает: **«Явное противоречие!»**. Вот фраза Пушкина целиком:

По мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре *по-старому*?» Начнём же петь по былинам *сего* времени (**то есть по-новому**), а не по замышлению Бояню (**то есть не по-старому**). **Явное противоречие!**

Читателю может показаться неясным, в чём увидел Пушкин **«явное противоречие»**. Приведённую фразу Пушкина часто цитируют, но не рассматривают по существу. Поэтому сущность

* Когда я впервые пытался самостоятельно понять смысл первых двух предложений «Слова о полку Игореве», то такие переводы слов «не лепо ли» как «не пристало ли», «не следовало ли», «не прилично ли» — совершенно сбивали с толку. Книга о «Слове» Г.Ф.Карпунина (1983г) помогла мне тем, что он ясно сказал: «лепо» это «хорошо».

200 лет тайны

того, на чём основан вывод Пушкина («Явное противоречие!») остаётся как бы в тумане.

А Пушкин исходил вот из чего: по форме второе предложение является решительным подхватом того намерения, о котором задан предположительный вопрос-запрос. Иначе говоря, на вопрос-предложение «Не воспеть ли об Игоре по-старому?» ответ-подхват должен быть такой: «Начнём же петь по-старому!». Однако автор на свой вопрос-запрос «Не воспеть ли об Игоре по-старому?» отвечает *в виде подхвата*: «Начнём же петь по-новому!» Такой ответ-подхват — это явная несуразица, противоречие стилистическим законам русской речи.

Чему приписать обнаруженное противоречие: недосмотру автора «Слова», древним переписчикам авторского текста или переводчикам древнерусского текста? Пушкин отказался от мысли приписать обнаруженное им противоречие автору «Слова» или его переписчикам. Следовательно, перед ним предсталась задача найти ошибку в переводе. Он ею занялся.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПУШКИНА ПО ПЕРЕВОДУ ПЕРВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итак, Пушкин решил, что автор во втором предложении провозглашает, что начинает «по былинам *сего* времени», а не по за-мыщлению «соловья *старого* времени». Эта соображение стало для Пушкина краеугольным. Оно согласовывалось с тем его впечатлением, что «Слово о полку Игореве» — это не стилизация под «древность», а непосредственно древнее произведение, написанное *действительным языком своей эпохи*. Укрепляло Пушкина в его позиции также психологическое соображение:

Стихотворцы никогда не любили упрёка в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна.

Вопрос о том, как понимать первые два предложения «Слова», в эпоху Пушкина вызывало острый литературно-полемический интерес. Опираясь на выражение «*старыми словесы*» в первом предложении, сторонники поздней датировки произведения (даже 18 веком) видели в нём стилизацию под древность и настаивали на отсутствии высокой литературной культуры в Древней Руси (*Каченовский М.Ф.*). С другой стороны, Пушкин и его единомышленники вели в то время полемику о литературном языке с «консерваторами»: А.С.Шишковым и его кружком.

ПРОЛОГ: Первые два предложения

В примечании к словам, что автор «Слова» намерен «петь по былинам сего времени», Пушкин пишет запальчиво:

Очень понимаем, почему А.С.Шишков не отступил от того же мнения. Ему, сочинителю «Рассуждения о старом и новом слоге» было бы неприятно видеть, что и *во времена сочинителя Слова о полку Игореве* предпочитали былины *своего времени* старым словесам.

Итак, Пушкину предстояло найти ошибку, допускаемую всеми при переводе первых двух предложений. Смысл второго предложения Пушкину показался ясным и именно следующим:

«Начнём же петь по-новому, а не по-старому».

Поскольку второе предложение по форме является подтверждительным подхватом мысли первого предложения, то отсюда следует: в первом предложении автор должен проводить ту же мысль, а именно: что он *не собирается петь по-старому*. Ища возможную ошибку толкования в первом предложении, Пушкин заметил, что буквосочетание «**нелеполи**» можно разбить не только на «*не лепо ли*», но также на «*нелено ли*». Тогда, если закрыть глаза на присутствие частицы «ли», первое предложение получает желаемый смысл: «**Нелепо начать по-старому...**». Пушкин:

Если же признаем, что частица «ли» смысла вопросительного не даёт, то выйдет: **Неприлично, братя, начать старинным слогом** печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песне по былинам *сего времени*, а не по вымыслам Бояна.

Вникая далее в структуру первого предложения, Пушкин отмечает, что «бяшет» — *прошедшее время* от «быти» (быть), и отмечает дополнительно, что это не правильная форма («бяше»), а форма:

с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях.

Чем вызвана эта «неправильность в склонении», Пушкин не знает, но в переводе ему хочется написать «было бы»:

Глагол бяшет... употреблён в прошедшем времени... и предполагает Conditionalную частицу «Неприлично было бы».

Откуда взять частицу «бы»? На роль «бы» Пушкин прочит частицу «ли» древнерусского текста, хотя заговаривает об этом вскользь и смутно.

Частице «ли», присутствие которой грозило низвергнуть идею его перевода, Пушкин уделил огромное внимание:

В древнем Славянском языке частица *ли* не всегда даёт смысл вопросительный, подобно латинскому *ne*. Иногда *ли* значит

200 лет тайны

только, иногда бы, иногда же; доныне в Сербском языке сохраняет она сии знаменования. В Русском, частица ли есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное не. В песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры, так же как и частицы: и, что, а, как уж, уж как (замечание Тредьяковского).

В другом месте Слова о Полку Игореве ли поставлено так же, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Читая далее в древнерусском тексте «Слова» фразу «луце ж бы потяту быти, неже полонёну быти», Пушкин вновь возвращается к мыслям о частице «ли»:

В Русском языке сохранилось одно слово, где ли после не — не имеет силы вопросительной: *Нежели*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о полку Игореве*: луце-ж и т.д.

Итак, в конструкции «не лепо ли», частица «ли» имеет смысл вопросительный. Пушкин в этом не сомневается. В конструкции «нелепо ли» частица «ли» тоже, конечно, имеет смысл вопросительный. Но Пушкин, крайне заинтересованный своим толкованием первых двух предложений, всеми силами ищет способа уклониться от вопросительного смысла частицы «ли». В противном случае склонен полагать наличие частицы «ли» ошибкой переписчика.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПЕРВЫХ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Не пошли переводчики за Пушкиным с его «нелепо ли», как до того не пошли за издателями 1800 года с их «не леполи». Слишком очевидной явилась для всех необходимость разбиения буквосочетания «нелеполи» на «не лепо ли». Не решился также никто выбросить частицу «ли», хотя на всевозможные «исправления» древнерусского текста «Слова» исследователи не были скучны. Но как же тогда поступили последующие исследователи с отмеченным Пушкиным «явным противоречием»?

Один из таких «поступков» лежал непосредственно перед Пушкиным в виде перевода **Василия Жуковского**:

Не прилично ли будет нам, братие,
начать древним складом
печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же той песни

ПРОЛОГ: Первые два предложения

по былинам сего времени,
а не по вымыслам Бояновым.

Восклицательный знак, поставленный Жуковским в конце первого предложения, кажется несведущему человеку мелкой формальностью. На деле же этот символ у Жуковского указывает, что он не пожелал видеть первое предложение вопросительным, в противоположность Пушкину, который при принятии варианта «не лепо ли» безоговорочно разумел вопросительный смысл первого предложения. В конце второго предложения Жуковским поставлена точка, а не восклицательный знак. Это тоже знаменательно. Вас. Жуковский не захотел видеть во втором предложении *ответ-подхват* на намерение, высказанное в первом предложении. Можно отметить, что в понимании законов русской речи Жуковский явно не дотягивал до пушкинского уровня. Такая нечёткость понимания позволила Жуковскому удовлетвориться ложным выходом из затруднения, отмеченного Пушкиным. Смыслы первого и второго предложений Жуковский не пожелал видеть в одной связке, а пожелал слагать из смыслов *отдельно первого и отдельно второго* предложений. В понимании первых двух предложений Жуковский последовал за издателями 1800 года: автор «Слова», мол, хочет начать «печальную песнь» «древним слогом» и по подлинным сведениям (не по вымыслам).

Обратимся к другому авторитетному переводу 19 века, который преподавали детям до самой революции 1917 года, — М.А.Максимовича:

Не хорошо ли нам было бы, братья,
начать старыми словами
печальную повесть о походе Игоря,
Игоря Святославича!
А начаться той песни —
по былинам сего времени,
а не по вымыслам Бояновым.

Опять восклицательный знак в конце первого предложения. Но так как при чтении первое предложение всё равно воспринимается вопросительным, а не восклицательным, то Максимович, настаивая на своём восклицательном знаке, произвольно вводит перед вторым предложением противительный союз «а». Этого союза нет у автора «Слова». В понимании смысла Максимович последовал за издателями 1800 года: автор, мол, собирается начать «печальную повесть» «старыми словами» и по подлинным сведениям (не по вымыслам).

200 лет тайны

20-й век. Перевод академика А.С.Орлова:

Не следовало ли нам, братья,
начать старинными словами
печальную повесть о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть же начнётся та песнь
по (действительным) событиям этого времени,
а не по замыщлению Боянову.

В этом переводе не отринут вопросительный знак, перед вторым предложением ничего не вставлено, но тем не менее смысл двух предложений академик решил сложить из смыслов *отдельно первого и отдельно второго предложений*:

Не начать ли старинными словами? — Пусть же начнётся по действительным событиям.

Такой перевод точно соответствует поговорке

В огороде бузина, а в Киеве дядька.

В понимании смысла Орлов последовал за издателями 1800 года: автор, мол, собирается начать «печальную повесть» «старыми словами» *и по подлинным...*

Перевод более позднего академика — Н.К.Гудзия:

Не пристало ли бы нам, братья,
начать старыми словами ратных повестей
о походе Игоревом, Игоря Святославича?

Но пусть начнётся эта песнь
по правдивым сказаниям сего времени,
а не по замыщлению Боянову.

Читая очередной перевод, думаешь: как неустанно развивается наука! Вот пример: перевод словосочетания «не лепо ли» всё уточняется и уточняется: от «*не прилично ли*» он дорос до «*не следовало ли*», от «*не следовало ли*» он дорос, наконец, до «*не пристало ли*». И ещё большой сдвиг, свидетельствующий о не угасающей работе мысли: «трудных повестей» покинуло, наконец, унылое обличье «*печальной повести*» и принарядилось в «*ратные повести*». Перед вторым предложением академик вставил возражающий автору «Слова» противительный союз «но» и оказался похвально верен фундаменту, то есть издателям 1800 года: автор, мол, собирается начать «старыми словами» *и по подлинным...*

Объяснительный перевод популярного академика Д.С.Лихачёва:

Не пристало ли нам, братья,
начать старинными выражениями
горестное повествование о походе Игоревом,

ПРОЛОГ: Первые два предложения

Игоря Святославича?

(*Nem*), начать эту песнь надо,

следуя за действительными событиями нашего времени,
а не по (старинному) замыслению (способу, плану, приёму)
Бояна.

У Лихачёва в объяснительном переводе перед вторым предложением вставлено в скобках скромненькое «нет», отменяющее автора «Слова». У того не только не подразумевается этого «нет», но наоборот: слышится несомненное, торжественное «да!».

Какова же трактовка Лихачёвым смысла первых двух предложений? Такая: автор, мол, собирается начать *не «старыми словами», а по подлинным...* Это что-то новенькое. «Не старыми словами» — от Пушкина, «по подлинным» — от издателей 1800 года. Без ложной скромности: перевод Лихачёва «вобрал в себя всё лучшее» и притом невероятно скромным средством: *подразумеванием* слова «нет» перед вторым предложением «Слова». Одной из последних академических версий является перевод доктора О.В.Творогова:

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами ратных повестей
о походе Игоревом, Игоря Святославича?

Начаться же этой песни
по былям нашего времени,
а не по обычаю Боянову.

Выражению «не пристало ли» впору пожелать долголетия в качестве перевода «не лепо ли». «Ратные повести» на месте «горестного повествования» опять порадовали глаз. Для оценки смысла перевода Творогова выделим остав этого перевода:

Не начать ли старыми словами? — Начаться же по былям нашего времени!

То есть получается:

Не растёт ли в огороде бузина? — Да, живёт в Киеве дядька!

ВВЕДЕНИЕ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПЕРВЫХ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ «СЛОВА»

Можно констатировать, что Первые издатели и Пушкин сознавали в качестве непререкаемого закона, что при вопросительной форме первого предложения, задаваемого словосочетанием «не лепо ли», смысл первого и смысл второго предложений должны рассматриваться в одной связке. В этой связке второе

200 лет тайны

предложение отвечает подтверждением-подхватом на вопрос-предложение.

На этом пути они обнаружили противоречие между смыслом первого вопросительного и второго подтвердительного предложений. Тогда они попытались поэкспериментировать с буквосочетанием «нелеполи». Эта попытка не удалась. Последующие переводчики отказались толковать «нелеполи» иначе, чем «*не лепо ли*» и тем самым утвердились на вопросительной форме первого предложения. В этом случае смысл первого и второго предложений должен быть един. Однако все переводчики приходили неизменно к решению разъединить смыслы первого и второго предложений, несмотря на риторически-вопросительную форму первого предложения и подтвердительную форму второго. Идя этим противозаконным в языковом отношении путём, никто не сумел добиться внятного, вразумительного перевода первых двух предложений «Слова».

200 лет безуспешного перевода двух предложений, в которых каждое слово знакомо и не понятен только целостный смысл, хотя якобы понятен каждый обрывок смысла, — в чём загадка этой непостижимости?!

Переходя к самостоятельному рассмотрению смысла первых двух предложений «Слова о полку Игореве», повторю древнерусский текст первых двух предложений:

*Не лепо ли ны бяшет, братие,
начати старыми словесы трудных повестии о полку Игореве,
Игоря Святославича?
Начати же ся той песни по былинам сего времени,
а не по замышлению Бояню.*

Пословный «перевод» его невероятно прост. Стоит только осовременить правописание и заменить «лепо» на соответствующее ему по смыслу и эмоционально нейтральное «хорошо», как «перевод» готов:

*Не хорошо ли нам было, братие,
начать старыми словами трудных повестей
о полку Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же той песни по былинам сего времени,
а не по замышлению Боянову.*

Задача заключается «всего навсего» в том, чтобы понять смысл этого «перевода».

Приступим. Освободим эти два предложения от всех нагрузок и оставим только их остатки:

Не хорошо ли начать...? — Начаться же..!

ПРОЛОГ: Первые два предложения

В этих пределах всё оказывается ясным, и при «*не лепо ли*» Пушкин именно так видел смысловое отношение первого и второго предложений. Теперь несколько расширим:

Не хорошо ли нам было, братие, начать... о полку Игореве? —
Начаться же той песни..!

Из-за перевода «*бяшет*» словом «*было*» возникает смысловой дискомфорт. Получается так, что автор однажды уже начинал перед этой же самой «братией» эту же самую «песнь». Из-за этой нелепицы Пушкин, несмотря на собственное замечание, что «*бяше-т*» это прошедшее время от «*быти*», уклонился от применения прошедшего времени в своём переводе первого предложения.

Смысловой дискомфорт исчезает, если «*бяшет начати*» перевести словами «*было бы начать*»:

Не хорошо ли нам было бы, братие, начать... о полку Игореве? — Начаться же той песни..!

Такое начало звучит естественно, но получается, что в данном случае «*бяшет*» — **условное наклонение от «быти»**. Если заглянем в учебники по грамматике древнерусского языка, что увидим, что там не различают значений «*бяше*» и «*бяшет*», а также аналогичные формы других глаголов. Всё же заменим в «пословном» переводе «*было*» на «*было бы*», как это уже давно по интуиции сделано:

Не хорошо ли нам было бы, братие,
начать старыми словами трудных повестей
о полку Игоревом,
Игоря Святославича?

Начаться же той песни по былинам сего времени,
а не по замышлению Боянову!

Текст перевода здесь в полном соответствии с древнерусским текстом. Вопрос, следовательно, только в том, можно ли его понимание довести до ясности?

«СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ТРУДНЫХ ПОВЕСТИЙ» = = «ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ»

Если мы хотим постигнуть ход собственных мыслей автора, то способ один — проследовать точным грамматическим путём прежде какого бы то ни было толкования. «*Трудных повестей*» — это родительный падеж множественного числа и дополнением к глаголу «*начати*» быть не может. «*Трудных повес-*

200 лет тайны

тий» — это дополнение к «старыми словесы»: «старыми словесы трудных повестий».

Теперь пойдёт речь о ключевом моменте. Автор «Слова» чётко провёл линию риторического вопроса и последующего подтверждения:

Не лепо ли начати «старыми словесы...»?

Начати же ся той песни..!

Ещё иначе:

Не начать ли «старыми словесы трудных повестий»?

Начаться же «той песни по былинам сего времени»!

Нет средства, которое не было бы использовано автором ради того, чтобы показать, что первое и второе предложения находятся в соотношении вопроса и следующего за ним подтверждения. Здесь и усиительная частица «же», и ссылка во втором предложении на первое («*той песни*»), и постановка глагола во втором предложении на первое место, что означает не только подтверждение, но и ёщё знак восклицания при подтверждении. И всё же охотники ринулась искать во втором предложении не подтверждения первому, не повторения в нём смысла первого (только иными словами), а дополнения первого предложения качественно новым смыслом. Чтобы направить этих охотников на правильный путь, автор «Слова» применил последнее и самое решительное средство: *употребил в риторическом вопросе и в следующем подтверждении один и тот же глагол «начати»*. Синонимичность (одинаковость смыслов) выражений, стоящих после одного и того же глагола в вопросе и в следующем за ним подтверждении, — азбука языка.

Таковы средства, которыми автор «Слова» предупредил всех, кто пожелал бы понять его неправильно. Но ничто не помогло. Итак:

**«старыми словесы трудных повестий» =
= «по былинам сего времени».**

Заметим, что приравнивание

«старыми словесы» = «по былинам сего времени»

является ошибкой, так как в древнерусском тексте «старыми словесы» существует не отдельно, а в составе словосочетания «старыми словесы трудных повестий».

Указанную ошибку допустил Пушкин, разделивший общее поветрие по переделке «трудных повестий» из родительного падежа множественного числа в винительный падеж единственного числа (ради перевода «трудных повестий» выражением «печальную повесть»). Такой «перевод» разорвал единое словосочетание.

ПРОЛОГ: Первые два предложения

тание «старыми словесы трудных повестий» на две грамматически самостоятельные части. «Старыми словесы» в результате такого перевода лишилось своего органического продолжения.

Гудзий и Творогов перевели «старыми словесы трудных повестей» выражением «старыми словами ратных повестей» и тем восстановили грамматическое единство словосочетания «старыми словесы трудных повестей». Однако, как и другие, они оказались далеки от последовательного грамматического анализа текста. Пушкинский вывод, что при вопросительной форме первого предложения смысл первого и смысл второго предложений вступают в явное противоречие, владел ими, как и поголовно другими, в виде непререкаемой догмы. Поэтому они, вопреки очевидности авторского текста, суеверно отказались видеть первые два предложения как риторический вопрос и ответ-подтверждение. **ТЕМ САМЫМ ОНИ ОБРЕЗАЛИ СЕБЕ** возможность объективного рассмотрения текста и выхода к истине перевода.

Рассмотрим равенство:

$$\begin{aligned} \text{«старыми словесы трудных повестий»} &= \\ &= \text{«по былинам сего времени»}. \end{aligned}$$

Здесь:

- a) «трудные повести» = «былины сего времени»,
- б) «старые словесы» = язык «былин сего времени»,
- в) «старые словесы» = язык «трудных повестей».

Если бы Пушкин не увлёкся азартом полемики, а остынувшее, вникновенное остановился на всех грамматических особенностях первых двух предложений, результат его анализа, думается, мог оказаться намного ценнее. Однако простые и чистые решения не только никогда не приходят сразу, а требуют удивительно долгого процесса переориентации мысли.

«ТРУДНЫЕ ПОВЕСТИ» = «БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ»

Пушкин приравнял:

$$\text{«старыми словесы»} = \text{«по былинам сего времени»}.$$

Выражение «старыми словесы» он в соответствии с общепринятым пониманием («древним складом», «старым слогом», «древним языком») протолковал как «по-старому», а выражение «по былинам сего времени» как «по-новому». У него получилось:

Не начать ли по-старому? — Начаться же по-новому!

200 лет тайны

И Пушкин воскликнул:

Явное противоречие!

В действительности же выражение «*былины сего времени*» следует приравнять не выражению «старыми словесы», а выражению «*трудные повести*». То есть «былины сего времени» являли собою «трудные повести».

Рассмотрим теперь толкование выражения: «трудных повестей». Одни слово «трудных» переводят как «печальных», другие как «ратных». Обратимся к автору. Он везде, где ныне сказали бы «печаль», употребляет слово «туга»:

«тugoю взыдоша по руской земли»
(печалью взошла по русской земле),

«а дерево с тugoю к земле преклонилось»
(а дерево с печалью к земле преклонилось),

«уже, княже, туга умь полонила»
(уже, князь, печаль ум полонила),

«туга и тоска сыну Глебову»
(печаль и тоска сыну Глебову),

«тugoю им тули затче»
(печалью им тулы [колчаны] закрыло).

В современном русском языке нет существительного «туга», но сохранился соответствующий ему глагол «тужить». В языке 19 века словами, близкими словам «туга» и «тужить», были слова «кручиня» и «кручиниться». Сейчас и они стали неупотребительны. Но понимание этих слов ещё сохраняется. Поэтому слово «туга» лучше переводить как «кручиня», нежели как «печаль». По отношению к слову «печаль» Пушкин мог сказать: «печаль моя светла». По отношению к словам «туга» и «кручиня» подобное высказывание недопустимо.

В обоснование перевода «трудных повестей» словами «*ратных повестей*» ак-к Б.А.Рыбаков указывает, что «трудовыник» означало «воин», «ратник». Но разве это обоснование? Ведь «ратная повесть» по-древнерусски должна тогда писаться как «*трудовыная повесть*», а не как «*трудная*». Перевод словосочетания «трудных повестей» словами «*ратных повестей*» является не более, чем досужим вымыслом.

Чтобы разобраться с переводом слова «трудный», прибегнем к самому надёжному способу: обратимся к автору «Слова». Слово «*трудный*» он употребил только один раз — в рассматривае-

ПРОЛОГ: Первые два предложения

мом выражении «трудных повестий». Однако помимо этого употребил ещё слово «*труд*» единожды:

А Святослав мутен сон виде в Киеве на горах.
«Си ночь с вечера одевахуть мя, — рече, —
чёрною паполомою на кроваты тисове;
черпахуть ми синее вино, с *трудом* смешено;
сыпахуть ми тощими тулы поганых тльковин
великий женчуг на лоно
и негуют мя.

Очевидно, что здесь «труд» означает горечь как неприятный привкус. Примечательно, что следом бояре объясняют князю его сон:

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила...»
(И сказали бояре князю: «Уже, княже, кручинा ум полонила...»).

Итак, «*трудных повестей*» следует переводить не как «печальных повестей» и не как «ратных повестей», а как «*горьких повестей*» (но отнюдь не «горестных»!). Это соответствует словоупотреблению автора. «Былины сего времени» повествовали о горьких событиях и были этой горечью пропитаны.

«ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ»= =«НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНЮ»

Автор «Слова» говорит:

по былинам сего времени, а не по замышлению Боянью.

Выражение «не по замышлению Боянью» Первые издатели и вслед за ними Жуковский, Пушкин, Максимович перевели как «не по вымыслам Бояновым». Отсюда выражение «по былинам сего времени» они в противопоставление «вымыслам» протолковали как «по действительным событиям» (Пушкин, как мы видели, взглянул на дело несколько иначе).

Последующие переводчики (Орлов, Гудзий, Лихачёв, Творогов) отказались переводить «по замышлению Боянью» как «по вымыслам Бояновым». Действительно, о каких вымыслах Бояновых в отношении похода Игоря может быть речь, если Боян жил задолго до этого похода (согласно «Слову», Боян жил во времена Олега, деда князя Игоря)? Новые переводчики стали понимать «по замышлению Боянью» как «по плану (способу, приёму) Боянову». Но тогда выражение «по былинам сего времени» уже негодно понимать как «по действительным событиям». Ведь «действительность» может быть противопоставлена «вымыслам», но не «плану, способу, приёму». И всё же перевод «по бы-

200 лет тайны

линам сего времени» словами «по действительным событиям» сохранился незыблемо также у новых переводчиков.

Как мы выше выяснили, автор говорит, что «былины сего времени» являли собою «горькие повести». Именно в этом качестве он противопоставляет «былины сего времени» «замышлению Бояню», которого называет в последующем «соловию старого времени», то есть **парадным песнопевцем**.

«СТАРЫЕ СЛОВЕСЫ» = = ЯЗЫК «БЫЛИН СЕГО ВРЕМЕНИ» = = ЯЗЫК «ТРУДНЫХ ПОВЕСТИЙ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Автор «Слова» спрашивает: не начать ли *«старыми словесы трудных повестий»*? Выражение *«трудных повестий»* выше разъяснилось: *«горьких повестей»*. Получается: не начать ли *«старыми словесы горьких повестей»*? Выражение это подобно таким как: *«писать языком 18 века»*, *«говорить языком крестьянина»* и т.п. В данном случае: не начать ли **языком** *«горьких повестей»*?

Теперь перейдём к основному вопросу. Автор «Слова» не просто говорит, что он хочет начать **языком** *«горьких повестей о походе Игоревом»* (начать **языком** *«былин сего времени»*). Он этот язык (язык горьких повестей о походе Игоревом) **противопоставляет** *«замышлению Бояню»* как *«старые словесы»*, то есть как **язык, предшествовавший** языку *«замышления Бояню»*.

Это как раз тот факт, который отказался принять Пушкин. Но что же означает *«по замышлению Бояню»*? Это выражение сначала понимали как *«по вымыслам бояновым»*, затем как *«по способу (плану, приёму) Бояна»*. Носителем *«вымыслов бояновых»* мог подразумеваться сам Боян. Носителем *«способов (планов, приёмов) бояновых»* может подразумеваться любой последователь Бояна. Так о ком речь в словах *«по замышлению Бояню»* — о Бояне или о его последователях? Если бы речь шла о принадлежности *«замышления»* Бояну, то автор написал бы *«Боянови»*. Форма *«Бояню»* означает принадлежность не Бояну, а традиции, идущей от Бояна. Это существенное обстоятельство прошло мимо внимания Пушкина. Правильный перевод слов *«а не по замышлению Бояню»* это: *«а не по замышлению в духе бояновом»*. Перевод слова *«Бояню»* выражением *«в духе бояновом»* (*«в традиции бояновой»*) требует написания слова *«бояню»* с малой буквы (сравним: *«в пушкинской традиции»*, *«в толстовском духе»*).

ПРОЛОГ: Первые два предложения

Нетрудно догадаться теперь, что выражение «старые словесы» означает у автора «первоначальный язык», «язык непосредственного народного отклика», а язык «замышления бояню» — это язык последующий о тех же событиях, исходящий от прикняжеских боянов. Черниговского князя Олега, родного деда князя Игоря, автор «Слова о полку Игореве» поминает в дальнейшем недобрым словом («той бо Олег мечём крамолу коваше и стрелы по земли сеяше»). Боян же был одопевцем — любимцем этого князя. Заботой Бояна было преобразование исторической памяти в интересах своего князя. Автор возражает наследникам Бояна, певцам Ольговичей, и говорит, что он в своей песни не намерен следовать их замышлениям, а будет опираться непосредственно на народную память о произошедших событиях, то есть опираться на «былины сего времени», которые суть «трудные», «горькие» повести.

Слово «былина» ныне воспринимается как повествование о чём-то древне-старом или же «старинным» языком. Автор «Слова» употребляет выражение «былина» в смысле «рассказ». Однако, видимо, всё же нельзя толковать его выражение «былина» просто как *рассказ о событии*. В связи с этим хочу привести отзыв Н.С.Лескова, русского писателя 19 века, на пятый том «Войны и мира» Л.Н.Толстого. Лесков так пишет об отражении времени Отечественной войны 1812 года Львом Толстым:

В этой характеристикике времени чувствуется большая правда. Каждому из нас, до кого путём *семейных преданий* дошли простые, не подкрашенные подогретым заносчивостью патриотическим задором, рассказы о событиях 1812 года, более или менее всегда были известны многие детали этой эпохи не в том *подценченном виде*, в каком представляли их военные историки, реляции и *тенденциозные романисты*, а в той простоте, в какой рисует их нынче во всей их совокупности автор «Войны и мира».

Со стороны этих специалистов (военных) сделаны графу Толстому наибольшие и наичувствительнейшие укоризны... Им, этим критикам, показалось оскорбительным, что граф Толстой больше верит *«старым памятям»*, чем авторитетным, по мнению критиков, записям [здесь примечание Лескова: Странная претензия за внимание к *старым памятям!*] Что можно было бы сделать без них для того, чтобы воспроизвести очерки лиц, представленных сухими и подцензурными историками и реляторами, вполне зависимыми от тех, о ком они доносили и писали? Можно ли, например, по печатным источникам нарисовать сколько-нибудь похожий портрет Аракчеева или фельдмаршала графа Каменского, если не черпнуть живой струи из новгородских *памятей* о первом, который желал доказать императору Александру Павловичу, что военные поселения благоденствуют, и, показывая государю избы поселенцев, персыкал из одной из-

200 лет тайны

бы в другую одного и того же жареного гуся... Семейные предания и старые памяти тут единственный материал.].

Обратите внимание, как удивительно совпали у Лескова и у автора «Слова» не только мысли, но даже сами выражения:

Лесков: «старые памяти», «семейные предания»;
автор «Слова»: «былины сего времени», «старыми словесы».

Лесков: «тенденциозные романисты», «подцвеченный вид»;
автор «Слова»: «замышление боянью», «О Боянью, соловию...».

Как видим, противоборство между «былинами сего времени» и «замышлениями в духе Бояна» постоянно сопутствует истории.

Последнее. Переводить слово «полк» или не переводить? В нынешнем языке «полк» — войсковое формирование. Переводчики «Слова» то оставляют выражение «о полку» без перевода, то переводят словом «поход». А как автор? Вот:

«наведе свои храбрые полки»

«Игорь полки заворачает»

«А поганого Кобяка из луку моря,
от железных великих полков половецких,
яко вихрь, выторже»,

«подпер горы Угорскии своими железными полки»,

«А Игорева храброго полку не кресити!»,
(*А Игорева храброго войска не воскресить!*).)

Здесь везде под словом «полк» разумеется войско. Не укладывается в это словоупотребление:

«То было в те рати и в ты **полки**, а сицей рати не слышано!»
(То было в те битвы и в те походы, а о такой битве не слыхано!)

Здесь под словом «полк» разумеется «военный поход».

В современном русском языке утрачена двойственность значения слова «полк». Поэтому возникает вопрос, оставить в первом предложении слово «полк» без перевода (тогда оно будет означать «войско») или перевести «полк» словом «поход» (военный поход). Содержание «Слова» посвящено как судьбе Игорева войска, так и осуждению Игорева похода. Однако тематически ведущим является **осуждение Игорева похода**, следствием которого явились, в частности, гибель его войска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ПЕРВЫМ ДВУМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ «СЛОВА»

Разбор первых двух предложений «Слова» в основном закончен. В итоге перевод получился следующий:

*Не хорошо ли нам было бы, братие,
начать
исконными словами
горьких повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же
той песни по памятям сего времени, а не по замышлению
в духе бояновом!*

Разумеется, это перевод с точностью до синонимических замен, в этих пределах его можно видоизменять. Однако слово «сего» опрометчиво было бы заменять словом «нашего», слово «по замышлению» не может быть заменено словом «по вымыслу». Замена слова «горьких» словом «печальных» («горестных») иска- жает вложенный автором эмоциональный смысл. Перевод «трудных повестий» словосочетанием «ратных повестей» неверен. Перевод авторского «бояню» словом «Бояна» неверен.

Перевод слова «братие» словами «братия», «братья», «братцы» вносит в перевод смыслы и эмоциональные оттенки, чуждые произведению. К тому же авторское обращение «братие» не имело в виду человека вне зависимости от его социального и иерархического положения. Пример:

И рече Игорь к дружине своей: **«Братие и дружино!»**
Луце ж бы потяту быти, неже полонёну быти...»

Здесь обращение «братие» отделено от обращения «дружино». Итак, я оставляю «братие» без «перевода».

Подведём итог двухвековой истории перевода первых двух предложений «Слова». Вот исходный древнерусский текст:

*Не лепо ли ны бяшетъ братие начати старыми словесы
трудныхъ повестии о полку Игореве Игоря Святъслави-
ча(?) Начати же ся тои песни по былинамъ сего времени а не
по замышлению бояню(!)*

Перевод первых издавших:

*Приятно нам, братие,
начать древним слогом
прискорбную повесть о походе Игоря,
сына Святославова!*

Начать же сию песнь
по бытиям того времени,
а не по вымыслам Бояновым.

Здесь курсивом отмечены «неточности» перевода, хотя самой главной «неточностью» является перевод первого предложения *повествовательно-утвердительной* фразой.

Пушкинский набросок перевода:

*Неприлично, братья,
начать старым слогом
печальную песнь об Игоре Святославиче;
начаться же песне
по былинам сего времени,
а не по вымыслам Бояна.*

Налицо полемическая заостренность пушкинского наброска **против «старым слогом»**. Здесь курсивом отмечены те же «неточности» перевода; плюс повествовательный перевод первого предложения; плюс пропуск слова «*той*».

Академические переводы. Ак-ка Лихачёва:

*Не пристало ли нам, братья,
начать старинными выражениями
горестное повествование о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
(*Nem*),
начать эту песнь надо,
следуя за действительными событиями *нашего* времени,
а не по (*старинному*) замышлению (способу, плану, приёму)
Бояна.*

Это так называемый «объяснительный перевод». В нём академик повторяет **все ошибки** чернового наброска Пушкина. Плюс хитромудрое «*не пристало*»; плюс противоречащее автору *«нem»* в начале второго предложения; плюс опрометчивое *«нашего»* вместо *«сего»*; плюс неверное *«событиями»* вместо *«былин»*, плюс неверное пояснение *«старинному»*. Другие академические переводы, как мы выше видели, недалеки от перевода Лихачёва.

Не ставил себе целью автор «Слова» петь *по-новому*; не из-за *«старинности»* приёмов Бояна спорит с ним автор; не только за события, но ищё за *народной* оценкой этих событий следует автор; не в том было расхождение автора «Слова» с Бояном, что Боян, якобы, не следовал за *действительными* событиями, а в том, какие из действительных событий Боян удостаивал или не удостаивал внимания, как освещал события Боян. *Народная* оценка похода Игоря наиболее явно выразилась *в первых*, ищё

ПРОЛОГ: Первые два предложения

не рафинированных прикняжескими боянами рассказах (былинах) об Игоревом походе.

О ЧАСТИЦЕ «ЖЕ» ВО ВТОРОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ «СЛОВА»

Всё ли уже выяснено касательно первых двух предложений «Слова о полку Игореве»? Предвижу, что ощущение недовыясненности ещё остаётся у некоторых читателей, и связано это ощущение с содержанием второго предложения.

Если взять второе предложение само по себе, то смысл его видится в противопоставлении «былин сего времени» «замышлению бояню»:

Начаться **чему?** — «той песни».

Начаться **как?** — «по былинам сего времени, а не по замышлению бояню».

Здесь «по былинам сего времени, а не по замышлению бояню» является *обстоятельством* образа действия и относится к глаголу «начаться».

Такое видение второго предложения справедливо, если частица «же» несёт смысл *противительного союза*. Но, как мы выяснили, частица «же» во втором предложении несёт смысл иной, *усилительный*: «Начаться же (той песни)!». Какие отсюда возникают следствия для второго предложения? Самые серьёзные. Грамматически смысл второго предложения оказывается теперь не в противопоставлении «былин сего времени» «замышлению бояню», а в самом утверждении: «Начаться же!». Структура второго предложения при этом изменяется:

Начаться **чему?** — «той песни».

Песни **какой?** — той, что «по былинам сего времени а не по замышлению бояню».

Выражение «по былинам сего времени а не по замышлению бояню» теперь оказывается не обстоятельством образа действия при глаголе «начаться», а *определением* при дополнении **«той песни»**.

Постановка запятой перед противительным союзом «а», что считается правилом без исключения, оказывает в данном случае плохую услугу. Интонационное противопоставление «былин сего времени» «замышлению бояню», которого требует запятая, вступает в противоречие с тем смыслом второго предложения, который оно получает при взаимодействии с первым предложением. Вспомним: в этом взаимодействии второе предложение является подтверждительным ответом на вопрос, заданный в первом предложении. То есть главенствующий смысл второго предло-

200 лет тайны

жения — сказать «да» на поставленный в первом предложении вопрос. Но в первом предложении не было запрошено о противопоставлении «былин сего времени» «замышлению бояню». Поэтому это противопоставление должно уйти во второй смысловой план. Грамматически это выражается уходом его из-под власти глагола «начаться» под власть дополнения: «той песни». Пунктуация должна поддержать этот уход, а не противоречить ему. Поэтому нужно выбросить перед союзом «а» запятую или же выражение «по былинам сего времени, а не по замышлению бояню» заключить в скобки.

Нынешняя обязательная постановка запятой перед «а» приводит к путанице в смысловом значении частицы «же». Исходя из положения второго предложения по отношению к первому, частица «же» имеет несомненный смысл **усилительной частицы** («Начаться же!»). А при выпячивании во втором предложении противопоставления «былин сего времени» «замышлению бояню» частица «же» получает смысл **противительного союза**. Описанная ловушка стала «братской могилой» переводчиков и толкователей первых двух предложений «Слова». Повторю: выражение «*по былинам сего времени а не по замышлению бояню*» является **единным признаком** (эпитетом) «той песни» или же скобочным пояснением к «той песни»:

*Не хорошо ли нам было бы, братие,
начать
исконными словами
горьких повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же той песни
(по былинам сего времени а не по замышлению в духе боя-
новом)!*

Часть III. ЗАЧИН

«ПУЩАШЕ» — «ПУЩАШЕТЬ» И ДРУГИЕ

Разбор первых двух предложений «Слова о полку Игореве» закончен. Прежде чем перейти к анализу дальнейшего древнерусского текста ЗАЧИНА, остановимся на глаголах «пущашетъ», «помняшетъ», «растекашется», поскольку они присутствуют в ЗАЧИНЕ. Чем разнится смысл этих глаголов от смысла глаголов «пущаше», «помняше», «растекашеся»?

В первом предложении «Слова» употреблён связочный глагол «бяшетъ». Если бы было «бяше» — его следовало перевести прошлым временем и третьим лицом: был, было, была. Пушкин в записках о «Слове» отметил:

Глагол «бяшеть»... употреблён в прошедшем времени (*с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях*).

Однако в своём наброске первого предложения «Слова» Пушкин не внял собственному же замечанию и перевёл первое предложение **настоящим** временем.

Выход интуитивно уже давно был найден в том, чтобы «бяшетъ» перевести *сослагательным* наклонением: «было бы». В этом случае первое предложение действительно переводится **настоящим** временем, а форма «бяшет» действительно является прошлым временем от «быти» (*с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях*).

Однако догадку относительно «бяшет», что в первом предложении «Слова», оказывается невозможно распространить на иные случаи и на иные глаголы, так что глаголы с «-т(ть)» переводчики на всём протяжении «Слова» переводят точно так же, как и глаголы без «-т(ть)».

Но почему автор «Слова» в 3-ем лице прошедшего времени употребляет глаголы то с окончанием «-т(ть)», то без этого окончания? В ЗАЧИНЕ сначала употреблён автором глагол «пущашетъ», а чуть позже — глагол «пущаше». Требованием фонетической красоты эти вариации не объяснить. Действительно, автор пишет: «Тогда пущашетъ десять соколов». Это очень неудобная стыковка согласных, и литераторы стараются избегать

200 лет тайны

подобных стыковок. Но автор «Слова» оказался принуждён к ней. Почему?

Поскольку нас интересует особенность употребления глаголов прошедшего времени с «-т(ь)» конкретно в «Слове», то выпишем из «Слова» все такие случаи и присмотримся к ним:

1. Боян бо вещии, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется.
2. Помняшеть бо речь первых времен усобице.
3. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедеи.
4. Тогда, при Олзе Гориславличи, сеяшется и растишеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомъ скратишаась. Тогда по руской земли ретко ратаеве кикахутъ, но часто враны граяхутъ, трупия себе деляче, а галици свою речь говоряхутъ, хотять полетети на уедине.
5. Тии бо два храбрая Святославича, Игорь и Всеивод, уже лжу убудиста которою, ту бяше успил отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою: бяшеть притрепал своими сильными полкы и харадужными мечи.
6. «А Святославъ мутен сон виде в Киеве на горах: «Си ночь с вечера одевахутъ мя, рече, чёрною паполомою на кроваты тисове; черпахутъ ми синее вино, с трудом смешено; сыпахутъ ми тощими тулы поганых тльковин великий женчуг на лоно и негуют мя».
7. «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно веяши? Чему мычещи хиновьскыя стрелки на своею нетрудною крылцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть гор под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Первые три выписки относятся к ЗАЧИНУ, я их обозначил коротко. Остановим внимание на первой части выписки № 4:

Тогда, при Олзе Гориславличи, сеяшется и растишеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомъ скратишаась.

Перевод Жуковского:

Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялось и вырастало междуусобием. Погибала жизнь Даждьбожиих внуков. Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.

Максимовича:

Тогда, при Олеге Гориславиче, и засевалась, и порастала усобицами, погибала жизнь Даждьбожьего внука; в княжеских крамолах век людям сократился.

Орлова:

Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялось и росло усобицами, погибало достояние Даждьбожьего внука, в княжеских крамолах веки людям сократились.

Лихачёва:

Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Даждьбожа внука; в княжеских крамомах сокращались жизни людские.

Очевидно, что все переводчики испытали дискомфорт при переводе указанного текста, на вид простого. Пословный его перевод таков:

Тогда, при Олеге Гориславиче,
селялось и росло усобицами;
погибала жизнь Даждьбожа внука,
в княжьих распрях веки человекам сократились;

или же таков:

Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялась и росла усобицами,
погибала жизнь Даждьбожа внука,
в княжьих распрях веки человекам сократились.

В первом случае фраза

Тогда, при Олеге Гориславиче,
селялось и росло усобицами

выделяется в отдельное предложение (**безличное**). Во втором случае глаголы «сеяшется», «растяшеться», «погибашеть» рассматриваются как **три однородных** члена предложения при подлежащем «жизнь».

Две возможности перевода возникли из-за того, что в формах прошедшего времени «сеяшется», «растяшеться», «погибашеть» нет указания на род глаголов. Ныне в русском языке глаголы прошедшего времени не изменяются по лицам, но в единственном числе изменяются по родам. В древнерусском языке глаголы прошедшего времени изменялись по лицам, но не изменялись по родам. Например:

я *несях* (нёс, несла, несло)
ты *несяше* (нёс, несла, несло)
он (она, оно) *несяше* (нёс, несла, несло)
мы *несяхом* (несли)
вы *несясте* (несли)
они *несяху* (несли)

Как мы видели, Жуковский принял первую возможность перевода, остальные — вторую возможность. Но Жуковский и другие переводчики отнеслись к присутствию окончания **«-ть»** в глаголах «сеяшется», «растяшеться», «погибашеть» как к такой детали древнерусского текста, которая не имеет значения для толкования и перевода.

200 лет тайны

В учебниках по древнерусскому языку добавление от случая к случаю окончания «**-ть**» к глаголам прошедшего времени объясняется так: во втором и третьем лице единственного числа эти глаголы выглядят одинаково, так что окончание «**-ть**» добавлялось иногда, мол, для отличия третьего лица от второго.

Указанное объяснение неверно. Это можно видеть на примере «пущашеть» в ЗАЧИНЕ. Во фразе «Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей» автор употребил «пущаше» с окончанием «**-ть**» без необходимости обозначить третье лицо, которое и без того очевидно. Следом в совершенно тех же условиях автор употребил «пущаше», а не «пущашеть» («Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше»). Почему?

Итак, Жуковский выделил фразу:

Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшется и растишеть усобицами

в отдельное безличное предложение и перевёл её так:

Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялось и вырастало междуусобием.

Корявость этого перевода очевидна. Дело не в том, что слово «усобице» незачем превращать в «междусобие». Точный пословный перевод словами

Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялось и росло усобицами

режет слух корявостью, хотя смысл в общем-то ясен: при Олеге Гориславиче (Гориславичем автор здесь обзывает Олега Святославича, деда князя Игоря) межкняжеские споры и ссоры, решавшиеся силой оружия, расцвели, как говорится, пышным цветом.

Как надо сказать, чтобы предложение стало приемлемо для слуха? Добавление автором окончания «**-ть**» к глаголам «сеяшесь», «растяше», «погибаше» внесло, очевидно, какой-то оттенок в высказывание, не переданный при переводе. В древнерусском языке было три формы прошедшего времени глаголов (в современном русском одна форма). Обсуждаемая форма зовётся **«имперфект»** и переводится глаголами прошедшего времени **несовершенного вида**. Однако в пределах несовершенного вида один и тот же глагол можно перевести разно. Например, «бяше» можно перевести как «было» и как «бывало», «сеяшесь» можно перевести как «сеялось» и как «сеивалось» и так далее. Переводчик сам выбирает вариант перевода.

Присмотримся к древнерусскому тексту

**Тогда при Олзе Гориславличи
сеяшется и растяшеть усобицами**

с позиции предельной свободы перевода глаголов прошедшего времени **несовершенным видом** и переведём так:

**Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялось и растывало усобицами.**

Получилось предложение, куда более приемлемое для восприятия и понимания, чем

**Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялось и росло усобицами.**

А теперь обратимся к тому пословному переводу, при котором глаголы «сеяшется», «растяшеть», «погибашеть» рассматриваются как однородные члены предложения при подлежащем «жизнь»:

**Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялась и росла усобицами,
погибала жизнь Даждьбожа внука.**

Этот перевод неказист, даже **нелеп**, потому что получилось:

«жизнь сеялась усобицами»;
«жизнь росла усобицами»;
«жизнь погибала».

То есть: усобицы сеяли жизнь, о росте жизни свидетельствовал рост усобиц; а в продолжение той же мысли автор пишет: «жизнь погибала». Нелепо ведь? С этим нелепым смыслом «пословного перевода» и пытались бороться переводчики, каждый по-своему. **Максимович** ради притуманивания смысла вставил союзы «и» в текст. **Орлов и Лихачёв** «жизнь» переделали в «достояние». У них получилось:

достояние «сеялось и росло усобицами» (Орлов),
достояние «засевалось и прорастало усобицами» (Лихачёв).

То есть: усобицы сеяли (засевали) достояние. Не смешно ли?

Прочтём ещё раз древнерусский текст:

**Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука,
в княжих крамолах веци человеком скратиша.**

Из этого текста ясно, что при Олеге Гориславиче межкняжеские споры, решавшиеся оружием, расцвели пышным цветом. От это-

200 лет тайны

го жизни людские уносились без счету, хозяйство разорялось. Но как выразить этот смысл древнерусского текста, не прибегая к вольному переводу, желая сохранить в возможной неприкосновенности языковую ткань подлинника? Решение обнаруживается на той же тропе, что была проложена выше:

**Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеивалась и растывала усобицами,
погибливала жизнь Даждьбожа внука;
в княжых распрах годы людям сократились.**

Этот перевод непривычен слуху, но удобоварим по смыслу. По-пробую в пояснение своей мысли сочинить пример, полностью параллельный обсуждаемому древнерусскому тексту, но более лёгкий для размышления:

**Тогда, при председателе Сидорове,
сеялась и росла сорняками,
погибала жизнь культурного злака;
в хозяйственных неурядицах урожай зерновых сократился.**

Видно, что в соответствии с грамматикой смысл здесь выстраивается так:

**«жизнь культурного злака сеялась сорняками»,
«жизнь культурного злака росла сорняками».**

Нелепо, не правда ли? Но вот иной вариант:

**Тогда, при председателе Сидорове,
сеивалась и растывала сорняками,
погибливала жизнь культурного злака;
в хозяйственных неурядицах урожай зерновых сократился.**

В соответствии с грамматикой получается:

**«жизнь культурного злака сеивалась сорняками»,
«жизнь культурного злака растывала сорняками».**

Здесь уже улавливается, что сорняк отнюдь не сеял «жизнь культурного злака», а подсеивался к жизни культурного злака; что «жизнь культурного злака» отнюдь не росла сорняками, но что сорняк рос среди «жизни культурного злака»; что только там, где подсеивался и растывал сорняк, погибала «жизнь культурного злака»; то есть не весь культурный злак погибал, а в меру подсева сорняка. Отсюда в целом: урожай зерновых сократился.

Итак, ослабленное, более расплывчатое обозначение действия даёт новую перспективу для выражения смысла. В частности, в этом случае стирается граница между двумя возможностями перевода древнерусского текста: перевода двумя предложениями

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

(первым безличным) и перевода одним предложением (с тремя глаголами при подлежащем «жизнь»):

*Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеивалась и растывала усобицами,
погибливала жизнь Даждьбожа внука;
в княжьях крамолах годы людям сократились.*

Ак-к Орлов замечает, что «*жизнь*» в древнерусских письменных памятниках нигде не означает *жизни* в нынешнем смысле. Он пишет:

Слово *жизнь* употреблялось русской летописью 12 века только в значении имущества, достояния, достатка.

Так бы оно так, но при таком понимании слова «*жизнь*» Орлов и Лихачёв потчуют нас нелепым переводом. Лихачёв перевёл сверхуясно: «*засевалось и прорастало усобицами... достояние*».

Так как у автора «Слова» фраза

*Тогда, при Олзе Гориславлиchi,
сеяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука*

является одним целым, то видно, что в обсуждаемой фразе смысл слова «*жизнь*» не вмещается в понятия «добро», «достояние», «имущество». Под словом «*жизнь*» тут следует понимать не нагромождение ценностей, а целесообразную их совокупность вместе с тем их использованием, которое обеспечивает человеку его жизнь и продолжение жизни. В таком смысле древнее «*жизнь*» недурно передаётся нынешним словом «**хозяйство**». Получается:

*Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеивалось и растывало усобицами,
погибивало хозяйство Даждьбожа внука,
в княжьях крамолах годы людям сократились.*

«Крамола» — распрая, свара, склока, нынешнее «разборка». Выражение «Даждьбожа внука» переводят как «Даждьбожа потомка». Полагают, что «Даждьбог» — языческий бог Солнца. Правда, слово «Даждьбог» было употребимо также как имя, и существует допущение, что оно могло быть именем предка русских князей, может быть по женской линии (*В.Л.Виноградова*). Из приводимого фрагмента у меня возникает иное впечатление: «Даждьбожа внуk» — это тот, кто результатами своего труда обеспечивал князя и всю неработающую «надстройку».

Обратимся к продолжению фрагмента № 4:

*Тогда по руской земли ретко ратаеве кикахуть,
но часто враны граяхуть, трупия себе деляче,*

а галици свою речь говоряхуть,
хотя́ть полетети на уедие.

«Кикахуть» — прошедшее от «кыкати» (кричать), «ратаеве» — множественное от «ратай» (пахарь).

Максимович:

Тогда по русской земле редко взывали пахари;
зато часто каркали вороны, деля между собою трупы,
и поднимали свой говор галки,
собираясь лететь на кормление.

Лихачёв:

Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли, трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
собираясь полететь на добычу.

Перевод Лихачёва дословнее. Обратим внимание, что Лихачёв «кикахуть» перевёл не глаголом «кричали», а интуитивно глаголом ослабленной определённости. Переведём сознательно глаголами ослабленной определённости слова «кикахуть», «грахуть», «говоряхуть», «хотять»:

Тогда по русской земле редко пахари *крикивали*,
но часто вороны *граивали*, трупие себе деляче,
а галки свою речь *говаривали*,
когда хотели полететь на уедие.

Авторское слово «трупие» означает не «трупы», а «трупие»; «трупие» включает в себя любые валяющиеся мёртвые части тел. Во-вторых, забавно представить, что вороны между собой делили трупие. Вороны не люди, не занимаются дележом. Вороны не делили, а «себе уделяли» трупие, подобно тому, например, как поселенцы на новых землях каждый себе уделяет столько земли, сколько хочет или сколько может ухватить.

При переходе от «граяли» к «граивали» **изменилась образная ситуация**. Выражение

вороны граяли, трупы между собой деля
рисует картину человекоподобных ссор между воронами, делящими добычу. А выражение

вороны граивали, трупие себе деляче
рисует привычную картину воронья, «осваивающего» трупие.

Замена глагола «говорили» на «говаривали», совместно с заменой глагола «граяли» на «граивали», уводит от путаницы

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

смысла. При переводе «говоряхуть» глаголом «*говорили*» предложение

«а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу» (Лихачёв)

видится в забавном свете. Это академику пристало «свою речь говорить» в расчёте на «добычу», но не галке. При переводе «говоряхуть» глаголом «*говаривали*» смысловое ударение перемещается на местоимение «*свою*» и вот тут-то обнаруживается настоящий художественный смысл всей фразы. Оказывается, автор «Слова» живёт в пространстве значащего звука: вот грай воронов, поedaющих трупие; вот говор галок, собирающихся лететь на «уедие» трупия. Возникает слуховая картина множественности процесса уничтожения трупия: его «делят» вороны, его «уедают» галки.

Что такое «*уедие*»? Максимович перевёл его словом «кормление», Лихачёв словом «добыча». Однако образный смысл слова «уедие» такой же, как слова «*усыхание*»: постепенное исчезание трупия в результате поедания его птицами и зверьми. Высказыванию «*полетели на уедие*» можно предложить два толкования: «полететь, чтобы уестися» и «полететь на уедание трупия». «Трупие» в результате деятельности воронов и галок постепенно исчезает (остаются только кости). Итак:

*Тогда редко пахари крикивали,
но часто вороны граивали,
трупие себе деляче (разбираючи)
а галки своё речь говаривали,
когда хотели лететь на уедие (трупия).*

Рассмотрим теперь последовательность авторского высказывания:

погибашеть жизнь Даждьбожа внука,
в княжих крамолах веци человекомъ скратишасть.
Тогда ретко ратаеве кикахуть,
но часто враны граяхуть.

Здесь третья строка иными словами повторяет высказывание первой строки, а четвёртая строка — высказывание второй. То есть:

«погибашеть жизнь Даждьбожа внука» =
= «ретко ратаеве кикахуть»;
«в княжих крамолах веци человекомъ скратишасть» =
= «часто враны граяхуть, трупие себе деляче».

Отсюда видно, что «Даждьбога внука» это, скорее всего, «ратай» (пахарь, русский земледелец) и что слово «внук» означает не по-

200 лет тайны

томка «Даждьбога», а означает «получателя даров» Даждьбога или же «претворителя даров» Даждьбога. «Даждьбог» (иное написание «Даждьбог») воспринимается лексически как «бог дающий» (вспомним «дай бог», «даст бог»). В вещественном лице Природы место «бога дающего» занимает Солнце, источник жизни на земле, верховное начало климата и погоды. Земледелец (ратай) претворяет погоду и климат в «хлеб насыщный» и потому по роду своего занятия является «внуком Даждьбога».

Итак, выражение «Даждьбожа внука» означает русского земледельца. Но тогда оказывается, что авторское «жизнь» не нуждается в переводе. Ведь главный смысл выражения «погибала жизнь русского земледельца» тот, что его хозяйство приходило в упадок:

Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеивалось и растывало усобицами;
погибала жизнь русского земледельца,
в княжьих распрях годы людям сократились.

Здесь авторское «веки» переведено словом «годы». У автора «веки» (множественное число) означает «сроки жизни» (в таком смысле слово «век» употребляют иногда также ныне, например выражение: «короток будет твой век»).

Искрывает ли наблюдение, сделанное выше, все случаи перевода глаголов прошедшего времени с окончанием «-ть»? Рассмотрю выписку № 6 из «Слова»:

А Святославъ мутен сон виде в Киеве на горах.
«Си ночь с вечера одевахутъ мя, — рече, —
чёрною паполомою на кроваты тисове;
черпахутъ ми синее вино с трудом смешено;
сыпахутъ ми тощими тулы поганых тльковин
великий жемчуг на лоно,
и негуют мя».

Обычный перевод:

А Святослав мутен сон видел в Киеве на горах:
«Эту ночь с вечера одевали меня, — сказал, —
чёрным покрывалом на кровати тесовой,
черпали мне синее вино, с горечью смешанное,
сыпали мне пустыми колчанами поганых
великий жемчуг на грудь
и нежают меня».

Я не вхожу в варианты перевода отдельных слов. Например, «тисове» Жуковский перевёл как «тесовая» (тёс), а Лихачёв как «тисовая» (то есть сделанная из тиса); «негают» едва ли следует переводить как «нежат».

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

Поражает в этом тексте несовпадение времён: перечисление шло в глаголах **прошедшего** времени, но последний глагол «негуют» оказался в **настоящем** времени. В результате переводчики или все глаголы вместе с «негуют» переводят прошлым временем, или «негуют» вместе со всеми глаголами («одевахуть», «черпахуть», «сыпахуть») переводят настоящим временем.

Можно ли удовлетворить древнерусскому тексту настолько, чтобы переход от глаголов прошедшего времени к последнему глаголу, стоящему в настоящем времени, не резал слух **грамматической нелепицей**?

Попытка переводить «одевахуть», «черпахуть», «сыпахуть» глаголами «одёвывали», «черпывали», «сыпливали» не решает затруднения. Но такой перевод всё же лучше передаёт сновидные неопределённые ощущения Святослава. И это подсказка: лучше переводить эти глаголы формами с оттенком повышенной неопределённости:

Эту ночь с вечера **словно бы одевали** меня, — сказал, —
чёрным покрывалом на кровати те(и)совой;
как бы черпывали мне синее вино, с горечью смешанное;
будто сыпливали мне пустыми колчанами поганых
великий жемчуг на грудь —
и (так) негуют меня».

Теперь явственно видно, что «негуют» древнерусского текста не является однородным членом предложения с «одевахуть», «черпахуть», «сыпахуть». «Негуют» по отношению к ним глагол обобщительный. А вот с другой стороны: высказывающийся Святослав от перечисления сновидных картин-переживаний через «негуют» восходит в явь, к выражению реального ощущения от совокупности сновидных картин-переживаний. Восселившись в явь, Святослав ведёт речь уже в волевом ключе проснувшейся тревоги:

...и (так) негуют мя.
Уже доски без кнesa в тереме моем златоверсем.
Всю нощь с вечера бусови врани взграяху у Плесньска...

Рассмотренный пример расширил наше видение смысловой оттеночности глаголов с окончанием **«-м(ть)»**.

Пора подвести итог. Глаголы с окончанием **«-ть»** можно было бы назвать **глаголами ослабленной конкретности**. В переводе они заполняют весь ряд оттенков от настоящего сослагательного наклонения, что мы видели на примере **«бяшем»** в первом предложении **«Слова»**, до почти обычного несовершенного вида **ослабленной определённости**.

«РАСТЕКАШЕСЯ МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ...»

Прежде перевода разобъём древнерусский текст ЗАЧИНА на фрагменты:

- 1) Не лепо ли ны бяшеть братие начати старыми словесы трудных повестии о полку Игореве Игоря Святославича;
- 2) Начати же ся тои песни по былинам сего времени а не по замышлению бояню;
- 3) Боян бо вещии аще кому хотяше песнь творити то растекашется мыслию по древу серым волком по земли шизым орлом под облаки;
- 4) Помняшеть бо речь первых времен усобице;
- 5) Тогда пущашеть 10 соколов на стадо лебедеи которыи дотечаше та преди песнь пояще старому Ярославу храброму Мстиславу иже зареза Редедю пред полкы касожьскими красному Романови Святославличю
- 6) Боян же братие не 10 соколов на стадо лебедеи пущаше но своя вещии персты на живая струны воскладаше они же сами князем славу рокотаху.

Смысл первых двух фрагментов выше разобран. Обратимся к третьему:

Боян бо вещии, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы.

«Бо» не переводится на современный русский по шаблону; «аще» — это «если», «когда»; «шиzym» — «сизым».

Перевод издателей 1800 года:

Ибо когда мудрый Боян хотел прославлять кого,
то носился мыслию по деревьям,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Василия Жуковского:

Вещий Боян, если песнь кому сотворить хотел,
растекался мыслию по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками».

Ак-ка Орлова:

Ведь Боян вещий, если хотел кому сложить песнь,
то растекался мыслию по дереву,

серым волком по земле,
сизым орлом под облаками».

Ак-ка Гудзия:

Ведь Боян вещий, если кого хотел воспеть,
то носился мыслию по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Ак-ка Лихачёва:

Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Доктора О.В.Творогова:

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать,
то растекался мыслию по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Как видим, все переводы воспроизводят слово «**мыслию**» древнерусского текста, согласно изданию 1800 года и Екатерининской копии.

Однако ещё в 1833 году писатель *Н.А.Полевой* предположил, что на месте «мыслию» следует разуметь зверька или птичку, «ибо тут видимая постепенность сравнений»: **облака, земля, дерево — орёл, волк, мысль (?)**. Догадка Полевого получила затем развитие: учитель *Н.П.Карелкин* обнаружил существование слова «мысь» в Опочицком уезде Псковской губернии, «мысь» означало белку. В отличие от учёных, поэты широко откликнулись на замену непонятного «мыслию» оправданным «мысию».

Н.Алябьев (1873 г):

то и *векшей*-то по дереву поскакивал,

Л.Тимофеев:

растекался он *белкой* по дереву,

Иван Новиков:

то носилася мысль его летягою *векшей* по дереву,

Игорь Шкляревский (1988 год):

то растекался *белкой* по дереву.

Список «Слова о полку Игореве», приобретённый Мусиным-Пушкиным, датируют концом 15 века, а песнь писана в конце 12 века, вскоре после похода Игоря на половцев. Так что в руках

200 лет тайны

Мусина-Пушкина был не авторский подлинник, а результат его переписки. В ходе переписки «мысию» могло быть изменено на «мыслию» из-за неведения переписчика о существовании и значении слова «мысь». Но чтобы решиться в переписываемом тексте «исправить» «мысь» на «мысль», мало неведения — нужен был положительный толчок. И действительно: переписчик от самого автора «Слова» получал такой толчок, когда несколько ниже выражения «растекашется мысию по древу» читал:

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сиа полкы ущекотал,
скача славию по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы оба полы сего времени!

Очень возможно, что рассудительный переписчик, гадая о смысле незнакомого ему слова «мысию», вспомнил о нём, когда прочёл «скача славию по мыслену древу». Его осенила догадка о несомненном пропуске буквы в слове «мысию», и он уверенно рукой исправил «неправильное» *мысию* на «правильное» *мыслию*.

Таким рассудительным переписчиком мог быть... А.С.Пушкин! Останавливаясь в своих заметах на фразе:

Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы

Пушкин пишет:

Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *славием*, которое *довершает уподобление*. Ниже сие выражение употреблено.

«Ниже» — это как раз во фразе:

скача славию по мыслену древу.

Именно так: в «*довершение уподобления*» мог решиться переделать «мысию» на «мыслию» рассудительный переписчик задолго до Пушкина.

И всё же: «мысию» или «мыслию»? В поисках ясности внимательнее присмотримся к грамматической ситуации в предложении. Обратим внимание на неосознаваемый при поверхностном взгляде факт: глагол «растекашется» относится не только к первостоящему за ним словосочетанию «мысию (мыслию) по древу», но **равным образом** к выражению «серым волком по земли» и равным же образом к «шиzym орлом под облакы». «Мысию» нельзя отвергнуть в пользу «мыслию» на том основании, что образ «растекался белкой по дереву» нелеп. Образы

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

«растекался волком по земле», «растекался орлом под облака» в той же мере «нелепы», а они несомненны в авторском тексте. В художественном отношении именно «мысию» органически вписывается в текст, так как именно в этом случае соблюдается однородность трёх последовательных образов, охваченных единым глаголом «растекался».

Исправим «мыслию» в древнерусском тексте «Слова» на «мысию». Согласно всеобщему переводу получается в этом случае:

растекался белкой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.

Сохраняя в неприкосновенности смысл, видоизменим это предложение:

растекался... как белка по дереву, как серый волк по земле, как сизый орёл под облаками.

Ещё иначе:

растекался... то белкой по дереву, то серым волком по земле, то сизым орлом под облаками.

Смысл фразы оказывается такой: ежели Боян по дереву растекался, то белкой; ежели по земле, то волком; ежели под облаками, то орлом. Всё предложение в целом:

Боян..., если кому хотел песнь творить,
то растекался
как белка по дереву,
или как волк по земле,
или как орёл под облаками.

Нанизываются сравнения, несущие один и тот же смысл; из-за этого возникает впечатление топтания на месте. Фраза отдаёт пустословием.

В чём дело? В чувствуемся в художественную ткань предложения. Углубляясь в смысл, отсоединимся от натуральной формы образов... и *прозреем*: растекание живописуется не в образах, взятых по отдельности («белкой по дереву», «волком по земле», «орлом под облаками»), а самою их *последовательностью*.

Так не белкой по дереву растекался Боян, не серым волком по земле, не сизым орлом под облаками! А *растекался из точки: в линию, в поверхность, и, наконец, в объём!* Образы «мысию по дереву», «серым волком по земли», «шизым орлом под облаками» не нанизываются, а связаны преемственностью. Открытие *нового образа, выраженного через последовательность сменяющихся образов*, гласит с несомненностью, что слово «мысь» (которое переводят как «белка») — авторский оригинал.

200 лет тайны

Теперь сравним два отрывка из ПРОЛОГА:

Боян бо вещий,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется
мысию по древу,
серым волком по земли,
шиzym орлом под облакы

и

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сия полки ущекотал,
скача славию по *мыслену* древу,
летая *умом* под облакы,
свивая *славы* оба полы сего времени!.

Во втором случае поэт говорит: «скача по *мыслену*», «летая *умом*», «свивая *славы*». В первом случае — «растекашется»: «мысию по древу», «волком по земли», «орлом под облакы». Второй весь ряд относится к области духа (*«мыслену»*, *«умом»*, *«славы»*), а первый ряд — к области плоти (*«мысию»*, *«волком»*, *«орлом»*). Поэт строго следует правилу **качественной однородности взаимодействующих образов**. При разборе первых двух предложений ЗАЧИНА мы уже *дважды* столкнулись со следованием поэта указанному правилу. Один раз — при разборе противопоставления «по былинам сего времени а не по замышлению бояню»; другой раз — когда в своём анализе опёрлись на синонимичность фраз, стоящих после глагола «начати» в первом вопросительном и втором подтверждительном предложениях.

Все перевели слова «шиzym орлом под облакы» так:

сизым орлом под облаками.

Подобный перевод находится в согласии с тем толкованием, что Боян «растекался» *«то* по дереву», *«то* по земле», *«то* под облаками». Этот перевод рисует не «растекание в объём» (поднятие к облакам), а растекание в подоблачной *плоскости*. Если этот перевод единственно возможный, то всё вышесказанное об образе растекания оказывается неверным, так как плоскостной образ «сизым орлом под облаками» повторяет плоскостной же образ «серым волком по земле». Растекание в объём живописуется только при таком переводе слов «шиzym орлом под облаками»:

сизым орлом под облака.

Заметим, что в творительном падеже множественного числа автор одни слова употребляет с окончаниями такими как ныне (*«дорогами»*, *«стрелами»*, *«усобицами»*, *«костьми»*, *«победами»*).

ми», «ранами», «струями»), а другие — в форме, неотличимой от именительного падежа («старыми словесы», «чрылёнными щиты», «лебедиными крылы», «сильными полки», «тощими тулы», «шеломы латиньскими», «острыми мечи», «удальными сыны»). Присмотревшись, видим правило: первые — существительные женского рода, вторые — мужского и среднего. Так как «облако» — существительное среднего рода, то перевод «под облакы» творительным падежом («под облаками») законен. Однако законным является также перевод «под облакы» винительным падежом («под облака»). Вот пример из самого «Слова»:

...подпер горы Угорьскии своими железными полки,
заступив королеви путь,
затворив Дунаю ворота,
меча бремены *чрез облакы*.

Здесь на винительный падеж указывает предлог «чрез» (« через »). В случае «*под облакы*» предлог «под» не указывает ясно падежа, который в этом случае может быть или творительным, или винительным. Выбор падежа в этом случае обуславливается смыслом текста. Общепринятый перевод слов «шизым орлом под облакы» словами «сизым орлом под облаками» ещё раз свидетельствует, что ценнейший образ *растекания* не был уловлен в течение 200 лет с момента издания «Слова о полку Игореве».

Обратим теперь внимание на следующее обстоятельство. «Растекашется» — это не «растекался», а «*словно (бы) растекался*». Такая форма глагола отделяет его от следующей за ним однородной последовательности образов, которые оказываются в этом случае не однородными членами при одном глаголе, а в виде своей совокупности иносказанием смысла глагола «растекался». Мы уже наблюдали, сколь мастерски поэт использует способ повторения смысла иными словами, когда приравнивали «трудные повести», «былины сего времени», «не по замышлению бояню». Употребление автором формы «растекашется» вместо «растекался» объединяет образ, складывающийся из последовательности частных образов:

Боян, если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
белкой по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака!

Благодаря форме глагола «*словно (бы) растекался*» («растекашется») видно, что «белкой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облака» — это не перечисление однородного, а лепка образа *растекания*.

«БОЯН БО ВЕЩИЙ...».

Словосочетание «Боян бо вещий» переводчики перевели как «вещий Боян», «ведь Боян вещий», «Боян же вещий».

Перевод слов «Боян бо вещий» словами «вещий Боян» уже потому неверен, что автору ничто не мешало так и написать в древнерусском тексте: «вещий Боян».

Наиболее принят перевод словосочетания «Боян бо вещий» выражением «ведь Боян вещий». В соединении с предыдущим:

Начаться же той песни по былинам сего времени, а не по замышлению в духе бояновом! Ведь Боян вещий...

При этом переводе получается, что автор после заявления, что он *не хочет* начать в бояновом духе, переходит к объяснению *причины* такого нежелания.

Пушкин, переводивший первое предложение «Слова» как «нелепо начать старыми словесы», в предложении, начинающемся словами «Боян бо вещий», ожидал прочесть упрёк Бояну. Однако то, что он вычитал, породило у него недоумение:

Не решу, упрекают ли здесь Бояна или хвалят, но во всяком случае поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину.

Действительно, после слов «Боян бо вещий» автор описывает манеру Бояна и не высказывает своего отношения. Но манеру Бояна автор описывает так, что чудится восхищение: читатель живо ощущает, какое очарование испытывали слушатели бояновых песнопений. Где же здесь ожидаемый переводчиком упрёк Бояну?

При переводе выражения «Боян бо вещий» словами «Боян же вещий» частица «же» несёт тот же смысл, что союз «ведь», то есть читатель настраивается прочесть объяснение, почему автор не хочет следовать Бояну.

Итак, согласно всем известным переводам автор непоследователен в развитии своей мысли при переходе от второго к третьему предложению. А теперь обратим внимание, что перевод «Боян бо вещий» словами «ведь Боян вещий» видится переводчикам грамотным только потому, что **главным смыслом** второго предложения («Начати же ся тои песни по былинам сего времени а не по замышлению бояню») **полагают противопоставление** «былин сего времени» «замышлению бояню».

На самом же деле **главный смысл** второго предложения «Слова» — в подтверждительном ответе на заданный перед тем вопрос. При понимании первых двух предложений «Слова»

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

как дуплета, состоящего из риторического вопроса и подтверждения ему, они *стилистически замыкаются*. Третье предложение в этом случае должно начинать новую мысль. Поэтому оно не может начинаться с поясняющих союзов «ведь», «же», «ибо». Но тогда возникает вопрос: какой же смысл вложил автор в слова «Боян бо вещий»?

Мы видели в первых двух предложениях, что автор *дистанцировался* от «духа боянова». В выражении «Боян бо вещий» видим, что автор склоняется назвать Бояна «вещим» и употребляет слово «вещий» с некоей окончностью, с довеском «бо». Иначе говоря, вслед за дистанцированием от «духа боянова» автор теперь *дистанцируется* от прозвания Бояна «вещим». Передать это можно разным способом:

Боян, известный как «вещий»,
Боян, слывший (слывущий) «вещим».

Итак, первые три предложения:

*Не хорошо ли нам было бы, братие,
начать
исконными словами
горьких повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же
той песни по былинам сего времени а не по замышлению
в духе бояновом!
Боян, слывший вещим,
если кому хотел песнь творить,
то словно (бы) растекался:
белкой по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака!*

«ПОМНЯШТЕ БО РЕЧЬ...».

Четвёртый фрагмент:

Помняшть бо речь первых времен усобице.

В издании 1800 года и в Екатерининской копии в древнерусском тексте написано *«речь»*. Однако сейчас в данной фразе пишут *«рече»*, то есть в противоречии с мусин-пушкинским списком «Слова» *существительное заменяют глаголом*. Это означает: при переводе данного фрагмента переводчики столкнулись с трудностью, признанной неодолимой без вмешательства в древнерусский текст. При всей малости четвёртого фрагмента он

200 лет тайны

оказался крепким орешком. Ещё Пушкин в своих заметах о «Слове» написал по поводу него:

Ни один из толкователей не перевёл сего места удовлетворительно. Дело здесь идёт о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: **Поминальное предание о прежних бранях** (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие, как перевели некоторые; междуусобие есть уже слово составленное), напускал он и проч.

Вот как перевели данный фрагмент разные авторы:

Василий Жуковский:

Вам памятно, *как пели* о бранях прежних времён

Максимович:

Помнил он усебицы прежних времён

Орлов:

Поминал он, *говорят*, первых времён усебицы

Гудзий:

Ведь он помнил, *сказывают*, брани давних времён

Лихачёв:

Помнил он, *как говорил*, первых времён усебицы

Творогов:

ибо помнил он, *говорят*, прежних времён усебицы

Читая эти смутные переводы, видим, что замена существительного «речь» древнерусского текста на глагол «рече» не вытаскила переводчиков из болота невразумления. Так и думается об искусстве, пережитом каждым из них: выбросить к лешим нелезущие в перевод и «речь», и «рече». Максимович отважился на это. Жуковский осмысленно перевёл «рече», но его перевод страдает не соответствующей древнерусскому тексту вольностью. Остальные переводы, пословно строже передавая древнерусский текст, по смыслу ужасны: «говорят», «как говорил», «сказывают» сообщают повествованию шаткий дух версий, совершенно чуждый автору «Слова».

Перевод Пушкина видится наиболее правдоподобным:

Поминальное предание о прежних бранях.

Притом словом «предание» Пушкин вместился в существительное «речь» без переделки его в глагол «рече». Но пушкинский перевод не вполне дословен, а мы уже учёны, какие ловушки искащения могут скрываться за недословностью перевода, на первый взгляд невинной. Если пушкинский перевод ближе придви-

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

нуть к дословности, то вместо «*о прежних*» надо сказать «*о первых*». Далее: существительное «*усобище*» стоит в единственном числе местного падежа («*местный падеж*» был подобен нынешнему предложному падежу, но мог употребляться без предлога). Наконец: «*помняшеть*» — это глагол; у Пушкина он **преобразован в деепричастие**, благодаря чему фраза подсоединяется к предыдущему предложению. Правда, из слов Пушкина следует, что путём вольностей он подсоединял его к последующему предложению:

**Поминая предание о прежних бранях,
напускал он...**

После введения всех уточнений пушкинский перевод преобразуется в следующий:

поминал предание о первых времён усобице.

Остановимся на этом предварительном итоге рассмотрения четвёртого фрагмента и заметим сразу, что слово «*усобица*» не означает здесь, как видим, «*брань*», «*битву*» и тому подобное. Оно означает всю совокупность военных стычек, отнесённых к определённой эпохе. В данном случае речь идёт об эпохе «*первых времён*».

«ТОГДА ПУЩАШЕТЬ 10 СОКОЛОВЬ...»

Пятый фрагмент:

Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедеи. Которыи дотечаше та преди песь пояше старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полки касожьскими, красному Романови Святославличю.

Фраза

Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедеи
понятна до такой степени, что вариант её перевода может быть только один:

Тогда пускал 10 соколов на стадо лебедей.

Однако **Первые издатели**, не найдя смысловых концов в предыдущей фразе («*помняшеть бо речь первых времен усобице*»), перевели её и фразу «*тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедеи*» объединённо и вот каким образом:

Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным.

200 лет тайны

Согласно такому переводу, автор «Слова» рассказывает, что в древности (по отношению к его времени), повествуя о каком-либо сражении, «применяли оное» сражение к десяти соколам, пущенным на стадо лебедей. Смысл этого перевода смутен.

Василий Жуковский перевёл дословнее:

Вам памятно, как пели о бранях первых времен: тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей.

По существу, Жуковский более ясным языком повторил перевод 1800 года. Но не чересчур ли романтично допустить, что, принимаясь петь хотя бы о «бранях первых времён», осуществляли такой сложнейший ритуал — пускали 10 соколов на стадо лебедей?

Последующие переводчики перевели так:

Максимович:

Помнил он усобицы прежних времён, — и пускал тогда 10 соколов на стадо лебедей.

Орлов:

Поминал он, говорят, первых времён усобицы: тогда пускал 10 соколов на стадо лебедей.

Гудзий:

Ведь он помнил, сказывают, браны давних времен. Тогда пускал 10 соколов на стадо лебедей.

Лихачёв:

Помнил он, как говорил, первых времён усобицы. Тогда напускал 10 соколов на стадо лебедей.

Творогов:

... ибо помнил он, говорят, прежних времён усобицы. Тогда напускал он 10 соколов на стадо лебедей.

Удивительно, что «усобице» все переводчики, вплоть до последних, Лихачёва и Творогова, перевели множественным числом. Но вот главное: Что за чушь: «помнил он — тогда пускал»? Любой редактор красным карандашом перечеркнёт такую последовательность речи как безграмотную. И, однако, парализованные ложной очевидностью смысла древнерусского «помняшеть», переводчики дружно предпочли выказать стилистическую безграмотность, нежели отказаться от очевидного перевода слова «помняшеть» словом «помнил».

Во-вторых, все переводчики вставили отсутствующее в древнерусском тексте подлежащее «он» в перевод фразы

помняшеть бо речь первых времён усобице.

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

Но эта фраза не имеет подлежащего, и потому неясно, правильно ли выделять её в отдельное предложение или нет.

Творогов фразу «помняшеть бо...» присоединил к предыдущему предложению:

Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, первых времён усобицы.

Логика у Творогова получилась диковинная:

Боян растекался... ибо помнил, говорят, первых времён усобицы.

Однако сочтём за подвиг позицию Творогова, противу всех решившегося оторвать обсуждаемый фрагмент от привязки его к последующей фразе и срастить его с предыдущей фразой. Отсюда лишний раз можно почувствовать, насколько мучительной оказалась проблема перевода четвёртого фрагмента.

Присмотримся к древнерусскому тексту:

Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити то растекашется мысию по древу серым волком по земли шизым орлом под облакы помняшеть бо речь первых времен усобице тогда пущашеть...

Несомненно, что со слова «тогда» начинается новое предложение. Фраза же «помняшеть бо речь первых времен усобице» не несёт в себе признаков отдельного предложения. Структура древнерусского текста от «Боян» до «тогда» выглядит следующей: подлежащее «Боян», при нём два глагола — «растекашется» и «помняшеть». При «растекашется» одно (а не три!) обстоятельство образа действия, отвечающее на вопрос «как?» («мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы»); при «помняшеть» дополнение «речь».

Так видится, если смотреть формально-грамматически. Но если глаголы «растекашется» и «помняшеть» переводить как «растекался» и «помнил», то на них нельзя посмотреть как на однородные члены предложения. Действительно, однородными членами предложения могут быть глаголы, как-то увязанные по смыслу, а за глаголами «растекался» и «помнил» не ощущается возможности их смысловой стыковки. Это принудило переводчиков разносить их по разным предложениям и вставлять отсутствующее у автора подлежащее: местоимение «он». Получился такой «дословный» перевод:

*Боян, сливший вецим,
если кому хотел песнь творить,
то растекался
белкой по дереву,
серым волком по земле,*

*сизым орлом под облака.
Помнил (он)... о первых времён усобице.
Тогда пускал...*

Этот перевод необходимо потребовал закрыть глаза на получившуюся нелепую последовательность речи: «**помнил — тогда пускал**». И действительно: все переводчики, выделившие «помняшеть» бо речь первых времён усобице» в отдельное предложение, с тем же единодушием оказались вынуждены допустить нелепую последовательность речи: «**помнил — тогда пускал**».

Выше мы выяснили, что смысл глаголов с «-ть» существенно разнится от глаголов без «-ть», и успешно применили это знание к глаголу «растекашется». Применим то же знание к глаголу «**помняшеть**». Действие, выражаемое им, менее конкретно, нежели «помнил». «Помняшеть» — это может быть «поминал», «поминивал», «помянивал», «помнивал» и т.п. Пушкин, хорошо отличавший естественные речи от неестественных, интуитивно перевёл «помняшеть» не как «помнил», а более размытой формой — «поминал». Правда, при переводе Пушкин преобразовал глагол в деепричастие и него получилось (с учётом ранее введённой правки):

Боян... если хотел кому песнь творить,
то **растекался... поминая** о первых времён усобице.

В этих пределах перевод видится правдоподобным. Но затем у автора «Слова» следует фраза:

Тогда пущашеть 10 соколов...
(*Тогда пускал 10 соколов...*)

Эта фраза обнаруживает неверность предыдущего перевода, потому что получается смысловая нелепость:

Боян **растекался... Тогда пускал 10 соколов...**

Если же пушкинскую фразу с деепричастием попытаться подсоединить к последующему предложению, то получается тоже нелепо:

Поминая предание..., тогда **пускал 10 соколов.**

Иначе говоря, сообразив идею перевода, весьма правдоподобную, Пушкин крайне затруднился, когда попытался перейти к полноценной передаче древнерусского текста.

Рассмотрим по порядку. Боян, «если кому хотел песнь творить», то сначала «растекался». Итогом «растекания» был переход к «помняшеть» об усобице «первых времён», то есть к воспоминанию *усобицы* эпохи «первых времён». И вот когда Боян переходил к этому «помняшеть», тогда он «пущашеть 10 соколов

ПРОЛОГ: ЗАЧИН

на стадо лебедей». С точки зрения художественного образа «помняшеть» продолжает ситуацию «растекания»: охватив объём, «растекание» присоединяет к нему время (*четвёртую ординату*).

Перевод слова «помняшеть» более размытым действием, нежели «помнил», позволяет посмотреть на глаголы «растекашется» и «помняшеть» как на однородные члены предложения не только формально, но по существу.

Выше, приближая пушкинский перевод к дословности древнерусского текста, мы остановились на варианте:

поминал предание о первых времён усобице

Если удовлетвориться таким переводом, то получается:

Боян, если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
 белкой по дереву,
 серым волком по земле,
 сизым орлом под облака,
поминал предание о первых времён усобице.
 Тогда пускал 10 соколов на стадо лебедей...

Смысл этого перевода воспринимается таким:

Боян, собираясь творить песнь кому, «растекался». Своё «растекание» он завершал преданием об усобице «первых времён» По завершении предания Боян пускал 10 соколов на стадо лебедей.

Так получилось, хотя из дальнейшего древнерусского текста непосредственно ясно, что Боян «пускал 10 соколов», когда *только ещё приступал к речи* об усобице первых времён. Вот и обнаруживается непригодность слова «предание» в качестве перевода слова «речь» древнерусского текста. Оказывается, «речь» древнерусского текста означает ровно то, что написано.

Так как «помняше» означает «помнил», то «помняшеть» ближе всего перевести как «помнивал». Тогда имеем:

Боян,
если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
 белкой по дереву,
 серым волком по земле,
 сизым орлом под облака,
помнивал речь о первых времён усобице.
 Тогда пускал 10 соколов...

В таком переводе не отражается, что к «помняшеть» Боян **подходил в ходе «растекания»** как к конечному пункту этого «растекания». И вот оказывается, что непонятное, всеми пренебре-

200 лет тайны

гаемое «*бо*», находящееся между «помняшеть» и «речь», явно необходимо для полноценного перевода, так как при отсутствии «*бо*» не хватает словесного материала, чтобы рассматриваемую фразу привести в нужную смысловую связь с предыдущей и последующей фразами. Надо бы сказать примерно такое:

Боян растекался... и, через растекание, подступал к воспоминанию о первых времён усобице. Тогда пускал...

Отвлечённо «*бо*» принято понимать как союз («потому что», «так как», «ибо») или как выделительно-усилительную частицу (подобную «весь», «же»). Выше на примере «Боян бо вещий» можно было видеть, что такого толкования «*бо*» недостаточно. Теперь снова вопрос: как понять «*бо*»? Принятые его толкования «не лезут». Ещё раз:

Боян,
если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
 белкой по дереву,
 серым волком по земле,
 сизым орлом под облака,
помняшеть бо речь первых времен усобице.
Тогда пускал...

Исходя из смысла фраз предыдущей и последующей, выделенная древнерусская фраза должна иметь такой смысл:

«таким образом приводил в память речь об усобице первых времён».

Слова «таким образом» — это ссылка на предыдущее содержание. Такая ссылка в выделенном древнерусском предложении обязана быть, чтобы оно естественно вписалось в динамику повествования. «*Бо*», очевидно, является как раз этой ссылкой. Благодаря наличию в древнерусской фразе «бо» в роли ссылки на предыдущее содержание словосочетание «помняшеть бо речь» следует, очевидно, переводить не как «помнивал речь», а как «**вос-помнивал** речь»:

воспомнивал речь о первых времён усобице.

Возникает вопрос: Боян не помнил своей «речи» о «первых времён усобице» и каждый раз ему приходилось вспоминать её заново? Смысл, очевидно в ином: Боян, начиная «песнь кому», начинал её с чего-то, связанного с этим «кем-то». А затем нечувствительно уходил дальше и дальше, и, наконец, «садился на своего любимого конька». И вот тут-то он «пускал 10 соколов на стадо лебедей».

До сих пор «*пущашеть*» я переводил так, как если бы было написано «пущаше», то есть словом «пускал». На деле надо переводить словом более размытого, ослабленного смысла: «как бы пускал», «словно пускал», «*пускивал*». Когда Боян приступал к воспоминанию «первых времён усобиц», то он не «пускал» 10 соколов на стадо лебедей, а «как бы пускал», «словно пускал» или же шутливо: «*пускивал*». Заметим, что одного только авторского «*пущашеть*» вместо «*пущаше*» могло хватить переводчикам, чтобы действию «тогда пущашеть 10 соколов на стадо лебедей» не придавать сурьёза, как случилось это у первых переводчиков. Перевод «пущашеть» категоричным словом «пускал» произвело в умах первых переводчиков такое замешательство, что даже указание на 10 (*десять!*) соколов, что как раз равно десяти пальцам рук, не подвигло их к догадке, что речь идёт не о соколах и лебедях, а о пальцах и струнах (при том, что этот образ автор далее ясно раскрывает).

С учётом сказанного дословный перевод третьего и четвёртого фрагментов (с частью пятого) таков:

*Боян, слывший вещим,
если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
белкой по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака,
вспомнивал речь о первых времён усобице.
Тогда...
пускивал 10 соколов на стадо лебедей.*

Возвратимся к переводу ключевой строки: «*помняшеть бо речь первых времён усобице*». Возникает вопрос, почему в течение 200 лет переводчики упорно не хотели видеть грамматики этого фрагмента? Начало начал недоразумения оказывается всё в той же неверной трактовке второго предложения «Слова». Если смысл его видеть не в восклицательно-утвердительном «*Начаться же той песне!*», а в противоположении «былин» «замышлению», то не увидеть в выражении

«по былинам сего времени а не по замышлению бояню»

единого эпитета, относящегося к «той песне». А когда словосочетание «не по замышлению бояню» рассматривается как обстоятельство образа действия («как?»), а не часть единого эпитета, то возникает необходимость «Боян бо вещий» перевести словами «*ведь* Боян вещий» или иным равноценным образом. Перевод же словами «*ведь* Боян вещий» отсекает фразу «помня-

200 лет тайны

шеть бо речь первых времен усобице» от предыдущей фразы. Вот какая получается в этом случае цепочка:

Начаться же той песне (как?)... не по замышлению боянову. (Почему?) Ведь (же, ибо, так как, потому что) Боян вещий... растекался.

Сюда уже невозможно присоединить фразу «поминал первых времён усобицу». Но Творогов присоединил. Присмотримся к логике Творогова:

Начаться же той песне (как?)... не по замышлению боянову. (Почему?) Ведь Боян вещий... растекался... (почему растекался?) ибо (потому что, так как) помнил первых времён усобицы.»

Ого!

«КОТОРЫИ ДОТЕЧАШЕ — ТА ПРЕДИ ПЕСЬ ПОЯШЕ»

Древнерусский текст Первых издателей:

Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей. Который дотечаше та преди песъ пояше старому Ярослову храброму Мстиславу иже зареза Редедю пред полкы касожьскими красному Романови Святославличю.

Имя «Ярослов» далее в «Слове» везде пишется как «Ярослав». Очевидно, что также в данном случае автором было написано «Ярослав»: «Ярославу» он рифмовал с именем «Мстиславу». «Которыи» древнерусского оригинала Первые издатели в своём древнерусском тексте записали как «который». Фразу

который дотечаше та преди песъ пояше

Первые издатели перевели словами:

чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася
а **Василий Жуковский**:

чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась.

Так как «до-течаше» это «до-текал» (достигал, досягал), а «преди» это «прежде», то дословный перевод слов

который дотечаше та преди...

таков:

который дотекал (досягал, достигал) **та** прежде...

Последующие переводчики увидели в этой фразе грамматическое рассогласование и, решив, что **вместо «который» должно быть «которыи»**, дали такой перевод:

которую (лебедь) достигали, **та** первая....

Например, Максимович:

та лебедь *первая* и песнь запевала,

Орлов:

та *первая* (и) пела песнь,

Гудзий (также Лихачёв и Творогов):

та *первой* песнь пела.

Но «*преди*» — это «*прежде*»! Первые издатели и Жуковский это понимали. Если бы автор «Слова» хотел сказать «*первая*», он так и сказал бы, как сказал чуть выше «*первых* времён усобице». Во-вторых, образ автора ясен и содержателен: вспоминая первых времён усобицу, Боян *прежде всего* отмечал имена Ярослава, Мстислава, Романа Святославича.

А какой, спросим, содержательный смысл заключён в словах

«та ПЕРВОЙ пела песнь»?

Да никакого. Вернее, этот смысл до смешного мелок, а именно следующий:

на которую «лебедь» «сокол» указывал,
та удостаивалась чести петь ПЕРВОЙ.

Нельзя удержаться от чувства, что такое понимание слов автора могло выйти только из среды чиновно-иерархических отношений.

Далее. В древнерусском тексте написано:

«та преди *песь* пояше».

Хотя в своём переводе издатели 1800 года написали «*песнь*», но в древнерусском тексте, который они тщательно воспроизвели по рукописи, они сохранили то написание, что там было.

Принято считать, что «*песь*» — это сокращение от «*песнь*». Однако почему два раза в древнерусском тексте употреблено слово «*песнь*», а в третий раз «*песь*»? Совпадает ли употребление этих слов?

С художественной точки зрения употребление три раза почти подряд слова «*песнь*» — недочёт, который, будь это так, свидетельствовал бы о недостаточной гибкости автора в словоупотреблении:

«начати же ся той *песни*»,

«кому хотяше *песнь* творити»,

«та преди *песнь* пояше».

200 лет тайны

С точки зрения смысла тоже получается неудобица: Боян, как сказано автором, творил песнь тому живому князю, «кому хотяше», а отнюдь не прошлым «старому Ярославу», «храброму Мстиславу», «красному Романови Святославличю». Что же иное, если не «песнь», можно петь в адрес этих прошлых князей?

Присмотримся к слову **«песь»**. Его смысл угадывается через такие слова, ныне существующие: **«с-песь»**, **«с-пес-ивый»** (так называют самомнительных бар всех мастей), а поодаль — **«бес»**, **«беситься»**. **«Спесивый»** — это тот, кто необузданного самомнения, кто любит выхваляться перед другими и других не почтает себе ровней. Теперь можно догадаться, что **«песь»** — это **«хвала»**. Итак:

Которую досягали — та прежде **хвалу** **пела** старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю перед полками касожскими,
красному Роману Святославичу.

Древнерусское «красному» означает «красивому». Ныне слово «красный» в значении «красивый» неупотребительно, за исключением устойчивых оборотов типа «красна девица». Лихачёв не мудрствуя лукаво перевёл «красному Романови Святославличю» словами «красивому Роману Святославичу». Другие переводчики, ощущая нехудожественность такого перевода и не находя ничего лучшего, предпочли оставить авторское «красному»: «красному Роману Святославичу».

Всё-таки стоит остановиться и подумать: почему перевод Лихачёва, вроде бы точно соответствующий выражению автора, вызывает ощущение неудовлетворённости? Присмотримся к употреблению слова «красный» в выражении «красна девица». Только ли «красивость» стоит здесь за словом «красна»? Почувствуем, что «красна девица» — это не то же самое, что «красивая девушка». За выражением «красна девица» стоит не столько «красивость», сколько тот цветущий молодой возраст, в котором все красивы: девица молода и уже потому красива.

Роман Святославич был убит половцами в молодом возрасте и внешняя его привлекательность была тесно связана с его молодым возрастом — вот что таится за высказыванием «красному Романови Святославличю». Нет сейчас в русском языке эпитета, равнозначенного старому «красный». Слово «красный» приобрело смысл только цвета, слово «красивый» не имеет отношения к возрасту, а слово «молодой» не указывает на внешнюю привлекательность, связанную с этим возрастом. Я предлагаю слово «красному» перевести как «пригожему» или «благолепному»:

*Тогда пускивал 10 соколов на стадо лебедей.
Которую досягали —
та прежде хвалу пела старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю перед полками касожскими,
благолепному Роману Святославичу.*

«БОЯН ЖЕ, БРАТИЕ, НЕ 10 СОКОЛОВЬ...»

Последний (шестой) фрагмент ЗАЧИНА:

**Боян же, братие, не десять соколовъ на стадо лебедеи пущаше,
нъ своя вещиа персты на живая струны въскладаше,
они же сами князем славу рокотаху.**

Перевод этого фрагмента, казалось бы, предельно ясен:

Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
но свои вещие пальцы на живые струны воскладал,
они же сами князьям славу рокотали.

Тем не менее, Первые издатели перевели:

А Боян, братцы! Не десять соколов на стадо лебедей пускал:
но как скоро прикасался
искусными своими перстами к живым струнам,
то сии уже сами славу Князей гласили.

Казалось бы, этот перевод верен, разве что украшен под эстетический вкус издателей. Но посмотрим на перевод ими четвёртого, пятого и шестого (последнего) фрагментов совместно:

Памятно нам по древним преданиям,
что поведая о каком-либо сражении,
применяли оное к 10 соколам, на стадо лебедей пущенным:
чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася,
либо старому Ярославу,
либо храброму Мстиславу,
поразившему Редедю перед полками касожскими,
либо красному Роману Святославичу.

А Боян, братцы! Не 10 соколов на стадо лебедей пускал:
но как скоро прикасался
искусными своими перстами к живым струнам,
то сии уже сами славу князей гласили.

Первые издатели понимали текст так: в древности перед тем, как начать «песнь кому», пускали соколов на стадо лебедей, и по принадлежности сокола, достигавшего лебедей первым, определяли, кого из князей (участников сражения) славить первым (Ярослава, Мстислава или Романа). А Боян, мол, не пускал 10

200 лет тайны

соколов на лебедей, но стоило ему прикоснуться «искусными своими перстами к живым струнам», как струны сами начинали славить князей в надлежащем порядке.

Так же понимал Василий Жуковский:

Вам памятно, как пели о бранях первых времён:

 Тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей:
 чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
 старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
 сразившему Редедю перед полками касожскими,
 красному ли Роману Святославичу.

Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
он свои вещие персты на живые струны вскладывал,
и сами они славу князьям рокотали.

Всё-таки удивительно, что указание автора на десять соколов, что как раз равно десяти пальцам, не сумело втолковать Первым издателям и Жуковскому, что история с соколами и лебедями — иносказание, аллегория, а не «всамделишность».

Обратимся к Пушкину. Он пишет:

Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример: *10 соколов, напущенных на стадо лебедей, значили 10 пальцев, напущенных, возложенных на струны.*

Как видим, Пушкин верно понял смысл древнерусского текста. Правда, я не нашёл, где «поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени».

Удивительно, но среди «научных переводов» обсуждаемого отрывка не находится, как это ни странно, дословного перевода, который очень прост и однозначен. *Всякое же видоизменение, вносимое переводчиками от себя, на поверхку искажает смысл, снижает эмоциональную полноту и фонетическую гармонию.*

Максимович:

Да Боян, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал:
он свои вещие персты на живая струны возлагал,
и оне сами славу князьям рокотали.

Орлов:

Боян же, братья, не десять соколов пускал на стадо лебедей,
но свои вещие персты возлагал на живые струны;
они же сами князьям славу рокотали.

Гудзий:

Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал,
а они сами князьям славу рокотали.

Лихачёв:

Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Творогов:

А Боян, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал,
а они уже сами славу князьям рокотали.

Перевод Лихачёва по дословности был бы тождественен авторскому тексту, не замени он авторского «пускал» на нелепое «напускал», *не к месту перехваченное у Пушкина*. Да распущенное «братия» вместо сдержанного солидного «братие», да выбивающееся из ритмической гармонии «князьям» вместо «князям». Заключение ЗАЧИНА — «*они же сами князем славу рокотаху*» — особенно красиво и мощно озвучено автором. Это звучание появляется как заключительное звено в цепи: «**Боян же**» — «**на живая струны**» — «**они же сами**». Ритм заключительной последовательности слов останавливающийся, тембр понижающийся.

Итак, ЗАЧИН:

*Не достойно ли нам было бы, братие,
начать
исконными словами
горьких повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же той песни*

(по былинам сего времени а не по замышлению в духе бояновом)!

*Боян, слывший вещим,
если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:*

*белкой по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака,*

*вспомнивал речь о первых времён усобице.
Тогда... пускавал 10 соколов на стадо лебедей.*

*Которую досягали —
та прежде хвалу пела старому Ярославу,
храброму Мстиславу,*

*что зарезал Редедю перед полками касожскими,
благолепному Роману Святославичу.*

*Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
но свои вещие пальцы на живые струны воскладал,
они же
сами
князям
славу
рекотали.*

Поразительно развёртывает автор «растекание» Бояна. Приступая творить «песнь кому», Боян *растекался*: из точки *в лицу* — *в поверхность* — *в объём* — *во время*. По завершении же этого «растекания» (я выразил «растекание» в физико-геометрических понятиях, у автора оно выражено через завораживающие картины яви) пространство-время начинает развёртываться изнутри. В нём возникает «диалектическое единство» *противостоящих объектов* («пускал 10 соколов на стадо лебедей»); объекты вступают во взаимодействие; взаимодействие рождает *звук* («песь пояше») — *символ въявления духа*; дух разделяется на *личности* и повествование вводится *в лоно истории*.

Другая художественная линия: Автор, отказывающийся назвать Бояна «вещим» и лишь сообщающий о таком прозвывании Бояна, чуть ниже называет «вещими» персты, то есть пальцы Бояна, и даёт образ того, как колдовали они звучанием струн и, собственно, усыпляли разум. Вот на фоне этого усыпления разума и начинала звучать «слава князем», подводившая к «славе» воспеваемому князю.

Часть IV. ПОЧИН

«ПОЧНЁМ ЖЕ, БРАТИЕ...»

После заключительных слов ЗАЧИНА («*оны же сами князь зем славу рокотаху*») следует ПОЧИН:

Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством; наполнився ратного духа, наведе своя храбрыя полкы на землю половецкую за землю руськую. Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тъмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти; а всядем, братие, на свои борзыя комони да позрим синего Дону. Спала князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусти Дону великаго. Хощу бо рече копие приломити конец поля половецкаго; с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону.

Разобъем ПОЧИН на фрагменты:

- 1) Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнився ратного духа, наведе своя храбрыя полкы на землю половецкую за землю руськую.
- 2) Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тъмою вся своя воя прикрыты.
- 3) И рече Игорь к дружине своей: Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти; а всядем, братие, на свои борзыя комони да позрим синего Дону.
- 4) Спала князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусти Дону великого.
- 5) Хощу бо, рече, копие приломити конец поля половецкаго; с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону.

Перевод первого фрагмента дался толкователям будто бы не-трудно. Лишь при переводе фразы

иже истягну умь крепостию своею

слово «истягну» вызвало затруднение. Пушкин обозревает различные переводы слова «*истягну*»:

200 лет тайны

Истягнул — вытянул, натянул, изведал, испробовал (Пожарский: препоясал ум крепостию; первые толкователи: напрягши ум крепостию своею).

Жуковский перевёл:

Натянул он ум свой крепостью;

Максимович:

стянул (закалил) ум свой крепостью;

Орлов:

возбудил ум крепостью своею;

Лихачёв:

скрепил ум силою своею.

Трудно назвать какой-нибудь из переводов слова «*истягну*» удачным. Выпишу весь первый фрагмент:

Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже *истягну* умъ крепостию своею и *поостри* сердца своего мужеством; наполнився ратного духа, наведе храбрыя своя полки на землю половецкую за землю руськую.

Обратим внимание, что словам

истягну умъ крепостию своею
и *поостри* сердца своего мужеством

автор даёт следом **повтор-разъяснение**: «наполнився ратного духа». То есть:

«*истягну* умъ крепостию своею»
плюс
«*поостри* сердца своего мужеством»
равно
«наполнився ратного духа».

Что такое «наполниться ратного духа» — понятно. Выражение образное и с возможным ироническим подтекстом при всей его видимой степенности. Слово «*поостри*» втуне понятно. Удивительно, что переводчики не смогли выразить его на нынешнем языке и оставили без перевода. А ведь современному языку не чуждо выражение «*отточил* сердца своего мужеством» — точный слепок старого «*поостри* сердца своего мужеством». Как это ни удивительно, но небольшой лексической сдвигки оказалась достаточно, чтобы учёные гуманитарии стали в неодолимый переводческий тупик. Ещё более удивительно, что такая простая фраза как «*поостри* сердца своего мужеством» нашла себе путников в лице Вас. Жуковского и академика Лихачёва.

ПРОЛОГ: ПОЧИН

Родительный падеж («сердца своего») они «не заметили» и перевели винительным падежом.

Жуковский:

«изострил он мужеством сердце»,

Лихачёв:

«поострил сердце своё мужеством».

У них получился не авторский образ (князь Игорь ум «поострил» сердца своего мужеством), а отсебятинный (князь Игорь своё сердце «поострил» мужеством).

Итак, чтобы «наполниться ратного духа», князю Игорю потребовалось отточить ум «сердца своего мужеством». Но не только это. Потребовалось ещё нечто. Что же именно? А вот что: потребовалась цель для приложения своего «мужества» и *самоуверенность*, то есть уверенность в конечном успехе предприятия. Этот смысл, очевидно, и скрыт в авторском выражении «*истягну умъ крепостию своею*». Слово «*истягну*» удивительно напоминает о таком смысле, так как оно в родстве со словом «*стяг*» (знамя). Слово «*стяг*» имеется непосредственно в «Слове», смысл его тот же, что ныне: «стоять *стяги* в Путивле!» («стоят знамёна в Путивле!»), «падоша *стяги* Игоревы» («пали знамёна Игоревы»). Итак, «*истягну* умъ крепостию своею» значит: «*вдохновил* (воодушевил) ум крепостью своею». Иначе можно сказать: **уверился в своей крепости.**

Только ли сам от себя уверился Игорь в себе настолько, что решил в одиночку навести «храбрыя своя полки» на половецкую землю? Отступим в ЗАЧИН и свяжем конец ЗАЧИНА и начало ПОЧИНА:

*Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
но свои вещие пальцы на живые струны воскладал:*

они же

сами

князям

славу

рокотали.

Почнём же, братие,

повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,

что вдохновил ум крепостью своею

и отточил сердца своего мужеством;

наполнившись ратного духа,

навёл...

Оказывается, в ЗАЧИНЕ автор не просто «приводит пример, каким образом слагали песни в старину», но показывает ту утвер-

200 лет тайны

ждаемую боянами духовную атмосферу, в которой слагались чувства и мысли удельных князей. Как помним, автор в первых словах своего произведения уже объявил, что его повесть-песнь отразит «горькие повести о походе Игоревом» и что он в своей песни будет следовать не официальным «замыслениям в бояновом духе», а устным рассказам очевидцев событий.

И вот автор идёт дальше: описав завораживающее действие бояновых *«песей»*, он следом пишет, что князь Игорь в одиночку «навёл храбрые свои полки на землю половецкую», так как он *«истягну умь крепостию своею»*. Автор как бы говорит:

Почнём же, братие, повесть сию. Она вам покажет, что получается, когда вдохновляются бояновыми песнями. Вот князь Игорь. Вдохновившись бояновыми песнями, уверивши себя в крепости своей и опёршись на своего сердца мужество, наполнился он ратного духа*. «Наполнившись ратного духа», Игорь возжаждал «погулять». Возжаждавши, приискал клич: «на землю половецкую за землю русскую».

ПОЧИН автор начинает словами: *«почнём же повесть сию!»*. А в начале ЗАЧИНА он написал *«начаться же той песни!»*. Почему автор в одном случае называет своё произведение «песнью», а в другом — «повестью»? Потому, что в первом случае он имел в виду способ развертывания содержания (этот способ — песнь), а во втором случае — само содержание. Неправильно, нелитературно по отношению к песни звучало бы высказывание *«почнём же, братие, песнь сию от старого Владимира до нынешняго Игоря»*, если не имеется в виду начать песнь «старым Владимиром» и кончить её «нынешним Игорем». Основным качеством песни является её течение.

Если означать то же самое произведение, но со стороны содержания, то при соответствующем содержанием его надо называть *«повестью»*. Своё произведение автор по поставленной цели (обращение к слушателю с выражением своего видения) назвал *«Словом»*, по способу повествования — «песнью», а по объёму и характеру содержания — *«повестью»*. Слово «повесть» автор употребил именно тогда, когда ему понадобилось объявить, что в его повествовании охватывается *эпоха в рамках* *«от старого Владимира до нынешнего Игоря»*. Отметим тонкий литературо-знаточный слух автора *«Слова»*. Этого слуха явно недостало толкователям: одни утверждают, что автор пообещал начать от «старого Владимира» и не выполнил обещания, другие — что ав-

* Вспомним **Дон Кихота**, который через чтение рыцарских романов *вдохновил ум крепостью свою и, отточив его сердца своего мужеством, наполнился ратного духа и, осенив себя кличем, устремился искать и наказывать «врагов»*.

ПРОЛОГ: ПОЧИН

тор сам не знал, что он писал: «слово» (ораторское), «песнь» или же «повесть».

В грамматическом отношении при толковании предложения

*Почнем же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря...*

делается точно та же ошибка, что ранее мы видели при рассмотрении предложения

Начаться же

той песни по былинам сего времени а не по замышлению бояню!

Частица «же» во фразе

почнём же, братие, повесть сию

имеет смысл усилительный. Это совершенно очевидно. Но кто из этого грамматического факта сделал выводы? Шаблонное рассмотрение фразы

почнём же, братие,

повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря

таково:

Почнём что? — повесть сию.

Почнём от каких пор? — от «старого Владимира».

Почнём до каких пор? — до «нынешняго Игоря».

Этот грамматический расклад был бы верен, если бы частица «же» в рассматриваемом предложении имела смысл противительный, то есть в основном совпадающий по смыслу с союзом «а».

Любопытно, к каким громадным недоразумениям привело верхушечное прочтение рассматриваемого предложения. Академик Б.А.Рыбаков вслед за целым рядом других известных имён уверен, что автор обещал начать свою песнь «старым Владимиром» и закончить её «нынешним Игорем». Поскольку ничего такого в произведении нет, то Рыбаков взял на себя грандиозный труд по перекройке всего «Слова о полку Игореве». Итог этого труда изложен им в книге «Пётр Борисович» (М., 1991). Вдбавок к перекройке «Слова» Рыбаков размечтался ещё и о «потерянной странице» (тоже не первый), в которой автор якобы прославлял деяния «старого Владимира».

Ах и ах! Не обещал автор свою песнь начать «старым Владимиром» и кончить «нынешним Игорем». При усилительной частице «же» («Почнём же!») выражение «от старого Владимира до нынешняго Игоря» является не двумя обстоятельствами времени при глаголе «почнём», а единым определением при дополнении «повесть сию»:

200 лет тайны

Почнём что? — повесть сию.

Повесть какую? — такую, что (ОХВАТОМ ЭПОХИ) «от старого Владимира до нынешнего Игоря».

Другой вопрос: о каком «старом Владимире» говорит автор: о том ли, что ввёл христианство на Руси и жил за 200 лет до Игорева похода или о Владимире Мономахе, успешно воевавшем с половцами и умершем за 60 лет до Игорева похода? Академик Рыбаков категорически уверен, что «старый Владимир» — это Владимир Мономах, а академик Лихачёв полагает, что «старый Владимир» — это «Святой Владимир», вознесённый христианской церковью в «святые» за введение на Руси христианства.

Приступая к самостоятельному рассмотрению этого вопроса, обратим внимание, что высказывание «*почнём же*, братие, от старого Владимира!..» — это **подтверждительная ссылка** автора на уже им говорившееся. Никто из переводчиков не заметил этого, так как никто не поставил перед собой ясно вопроса о частице «*же*» во фразе «*почнём же, братие*»: какою она здесь является частицей — «усилительной» или «противительной»? Если бы такой вопрос был осознан и задан, то стало бы понятно, что фраза «*почнём же, братие, от старого Владимира*» — это **решение подхвата** и означает оно вот что: Боян, если кому хотел песнь творить, то обращался сначала воспоминаниями к *первых времён усобице*. Автор «Слова» заявляет, что он решает в своей «повести» охватывать события от той же (бояновой) точки отсчёта. Противопоставляя Бояну свою позицию, автор «Слова» решает всему бояновому историческому видению противопоставить своё историческое видение.

Предвижу несомненное возражение: с «первых времён усобицей» автор «Слова» связал имена «старого Ярослава», «храброго Мстислава», но отнюдь не «старого Владимира». Разъясняю: «старый Ярослав» и «храбрый Мстислав» были сыновьями «старого Владимира» и «старый Ярослав» стал княжить в Киеве почти сразу после «старого Владимира», так что *Боян начинал воспоминания от времени, следовавшего за смертью «старого Владимира»*. Автор «Слова о полку Игореве» тоже решает в охвате событий не заходить далее «старого Ярослава». Отсюда понятно, почему во всём «Слове» нет ничего о «старом Владимире», кроме одной мимолётной фразы:

Того старого Владимира
нельзя бе пригвоздити к горам киевьским!

Итак, перевод первого фрагмента ПОЧИНА:

*Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,*

*что вдохновил ум крепостью своею
и отточил сердца своего мужеством;
наполнившись ратного духа,
навёл храбрые свои полки
на землю половецкую за землю русскую.*

«ТОГДА ИГОРЬ ВОЗРЕ...».

Второй фрагмент ПОЧИНА:

**Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде
от него тъмою вся своя воя прикрыты.**

Смысл здесь ясен настолько, что по смыслу все перевели этот фрагмент одинаково:

Тогда Игорь взорвал (взглянул, посмотрел) на светлое солнце и увидел: от него тъмою все его воины (войско) прикрыты.

Как *курьёз* приведу лишь «поэтический» перевод **Лихачёва**:

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и увидел воинов своих, тъмою прикрытых.

Разумеется, надо было Игорю взглянуть на солнце, чтобы увидеть своих воинов. Не так ли?

Порознь перевод первого и перевод второго фрагментов ПОЧИНА видятся несомненными. Объединим их в единый текст:

Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,
что вдохновил ум крепостью своею
и отточил сердца своего мужеством;
наполнившись ратного духа,
навёл свои храбрые полки
на землю половецкую за землю русскую.

Тогда взглянул Игорь на светлое солнце и увидел:
от него тъмою все его воины прикрыты.

В этом объединённом тексте обнаруживается стилистическая нескладность:

Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего **Игоря**,
что...

Тогда взглянул Игорь на светлое солнце и увидел...

Главенствующее содержание первого предложения заключено в восклицании «почнём же!». А исходя из второго предложения надо сделать вывод, что главенствующее содержание первого предложения в том, что Игорь «навёл свои храбрые полки на землю половецкую». Откуда это стилистическое противоречие?

200 лет тайны

Рассмотрим строение первого предложения. Почнём *что*? — повесть. Повесть *какую*? — что охватом «от старого Владимира до нынешнего Игоря». *Какого* «нынешнего Игоря»? — того, *что* «вдохновил ум», *что* «отточил ум мужеством», *что* «навёл свои храбрые полки на землю половецкую». Этот признаковый ряд по грамматическому смыслу — выделение одного «нынешнего Игоря» из совокупности всех «нынешних Игорей»:

нынешнему Игорю,
что вдохновил ум крепостью своею,
что ум отточил сердца своего мужеством,
что, наполнившись ратного духа, навёл свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Теперь перейдём ко второму предложению ПОЧИНА:

Тогда воззрел Игорь на солнце и увидел...

Такое предложение было бы правомерно, если бы в предыдущем предложении в качестве главенствующего содержания речь шла о каких-то действиях Игоря. Однако в предыдущем предложении речь шла всего лишь о *признаках* «нынешнего Игоря», и если были упомянуты какое-то его действия, то только в роли *признаков* этого «нынешнего Игоря».

Иное дело, если из фразы «тогда воззрел Игорь на солнце и увидел...» удалить подлежащее «Игорь». Тогда второе предложение подсоединится к первому, удлиняя признаковый ряд «нынешнего Игоря»:

нынешнего Игоря,
что вдохновил ум крепостью своею,
что ум отточил сердца своего мужеством,
что, наполнившись ратного духа, навёл свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую,
что тогда воззрел на светлое солнце и увидел... и так далее.

Требование стилистической связности обязует поступить именно так. Но автор вместо подлежащего-союза «*что*» (в значении «который») вводит новое подлежащее «Игорь», тем самым обрывая признаковый ряд, и это приводит к стилистической нестыковке.

Обратим теперь внимание, что стилистическая нестыковка первого и второго фрагментов ПОЧИНА появляется в переводе. Поэтому возникает вопрос: выявленная стилистическая нестыковка присуща древнерусскому оригиналу или является ошибкой перевода? В чём может заключаться ошибка перевода? Можно ли переводы первого и второго фрагментов ПОЧИНА привести в стилистическое согласие, оставляя неприкословенным авторский текст?

Оказывается, можно, но для этого глаголы «наведе», «возре», «виде» и другие надо перевести не общепринятым образом («на-

ПРОЛОГ: ПОЧИН

вёл», «воззрел», «увидел»), а так: «был наведши», «был воззревши», «был видевши». Получается:

Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,
что **вдохновивши** был ум крепостью своею
и **отточивши** сердца своего мужеством;
наполнившись ратного духа,
наведши был свои храбрые полки
на землю половецкую за землю русскую.

Тогда Игорь **воззревши** был на светлое солнце и **видевши**:
от него тьмою все его воины прикрыты.

Стилистическая ситуация изменилась. Теперь второе предложение («Тогда Игорь...») развивает не действие («навёл...»), обозначенное в первом предложении как признак «нынешнего Игоря», а признак, обозначенный этим действием. Такой развернутый признак происходит из ситуации живого диалога. Действительно, представим ситуацию: встретились двое и начали разговор:

- Я тебе расскажу про нынешнего Игоря.
- Про какого?
- Да того, что **наведши** был свои полки на землю половецкую.
- Да мало ли их...
- Про которого ешё говорили, что воззревши был он тогда на солнце и видевши: от него тьмою воины его оказались прикрыты.
- Что-то не припомню.
- Да он ешё речь тогда бравую толкнул: всё, мол, мне нипочём.
- А, припоминаю. Так что же?
- Разбили тогда половцы его в пух и в прах, и сам в плен попал.

Ранее говорилось, что ныне одна форма прошедшего времени, а в древнерусском языке их было три. Как мы видели, в ЗАЧИНЕ почти все глаголы прошедшего времени относились к форме «имперфект» (бяше, хотяше, растекашеся, помняше, пущаше, дотечаше, воскладаше, рокотаху). Эту форму резонно назвать «прошедшее актуальное». В ПОЧИНЕ же все глаголы прошедшего времени употреблены в другой форме, называемой «аорист» (истягну, поостри, наведе, возре, виде, рече). Согласно книжному правилу, их переводят прошедшим временем совершенного вида. Однако сейчас мы убедились, что ближе к полноценной передаче **аориста** сложная глагольная форма: «**был**» плюс «деепричастие, оканчивающееся на **-вши**». Аорист поэтому резонно назвать «*прошедшее отстранённое*».

«И РЕЧЕ ИГОРЬ К ДРУЖИНЕ СВОЕЙ...»

Третий фрагмент ПОЧИНА:

И рече Игорь к дружине своеи братие и дружино луце ж бы потяту быти неже полонену быти а всядем братие на свои борзыя комони да позрим синего Дону.

«Потяту» — это «убиту», «комони» — «кони». Переводится будто бы легко.

Жуковский:

И рёк Игорь дружине своей:
 «Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.
 Сядем же, други, на борзых коней
 да позрим синего Дона!»

Максимович:

И сказал Игорь дружине своей:
 «Братья и дружина!
Лучше убиту быть, чем полонёну.
 Сядем же, братья, на своих борзых коней
 да посмотрим синего Дону!»

Орлов:

И сказал Игорь своеи дружины:
 «Братья и дружина!
Лучше ведь быть зарубленным, чем пленённым;
 так сядем, братья, на своих борзых коней
 и поглядим на синий Дон».

Лихачёв:

И сказал Игорь дружине своей:
 «О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть, чем пленённым быть;
 сидем же, братья, на борзых коней
 да посмотрим синий Дон».

Как видим, все переводят фразу «рече к дружине своей» словами «сказал (рёк) дружине своей», то есть опускают в переводе предлог «к». Безобидно ли это, не вносит ли существенного искажения в перевод? Возможно ли в переводе сохранить предлог «к»?

Это, оказывается возможно, если отказаться от привычного перевода слова «рече» глаголом «сказал» и поискать перевода его иным глаголом с тем же основным смыслом:

И обратился Игорь к дружине своей.

ПРОЛОГ: ПОЧИН

Вот и обнаруживается существенная разница перевода с опусканием предлога «*к*» и перевода с сохранением этого предлога: в трудных случаях не «говорят народу», а «*обращаются к народу*». «Говорят народу» сообщения, директивы, а «*обращаются к народу*» за поддержкой. Ясно, что в данном случае Игорь именно «обратился» к братии и к дружине, а не «сказал» им.

Примечательно, что в обращении к воинам Игорь разделяет их на «братие» и «дружино». Поскольку следом он говорит «а всядем, братие, на свои борзые комони», то получается, что «дружино» — пешая часть войска, а «братие» — конная и более читаемая. Заметим ещё, что всё войско в целом автор тут же называет «дружина».

Фразу «*луче ж бы потяту быти, неже полонёну быти*» переводят все сходно, но, как обычно, не дословно.

Жуковский: «Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон!»;

Максимович: «Лучше убиту быть, чем полонёну»;

Орлов: «Лучше ведь быть зарубленным, чем полонённым»;

Лихачёв: «Лучше ведь убитым быть, чем пленённым быть».

На основе того, что, согласно переводчикам, выбирать приходится одно из двух: *быть убиту или быть пленёну*, Игорь, согласно тем же переводчикам, вдруг заявляет:

«Сядем же, братие, на своих борзых коней
да позрим синего Дону!»

Как переводчики ухитрились не заметить поразительного несответствия между обрисованной Игорем мрачной, роковой перспективой и его бодряческим призывом в качестве итога этой обрисовки?! Или переводчиков снова подвело невнимание к «пустячным» особенностям древнерусского текста?

Переведём автора «Слова» дословно:

Лучше ж бы убиту быть, нежели полонёну быть.

В этой фразе нет указания на единственность двух возможностей (*или быть убиту, или быть полонёну*). Это — *раздумье о худшем случае*. Солнечное затмение в начале похода — плохой знак. Князь Игорь размышляет о худших из возможностей и решает, что смерть на поле боя всё же лучше плена, ибо плен позорен. Вслед за раздумьем

«луче ж бы потяту быти, неже полонёну быти»

Игорь призывает к продолжению начатого похода:

«а всядем, братие, на свои борзыя комони
да позрим синего Дону!»

200 лет тайны

Призыв Игоря к продолжению похода, когда не поздно было от него отказаться, связано с тем, что Игорь вовсе не отрицал возможности благоприятного исхода. Это только у переводчиков получилось, что призыв Игоря к продолжению похода оказался равнозначен призыву к самоубийству.

В призывае

«а всядем, братие, на свои борзыя комони
да позрим синего Дону!»

всё ясно, кроме отдельно стоящего «а». Этому отдельно стоящему «а» в данном случае невозможноказалось придать смысл противительного союза. Все переводчики поэтому заменили авторское «а» на усиливательные частицы «же» или «так»: «сидем же!», «так сядем!». При этом, конечно, все пренебрегли логикой, ибо у всех получился бодряческий призыв к продолжению похода в качестве итога предыдущего живописания полной безнадёжности этого похода.

Итак, ни один из переводчиков не проник в смысл отдельно стоящей буквы «а» древнерусского текста:

Луце ж бы потяту быти неже полонёну быти
а всядем братие на свои борзыя комони.

Почему? Попятившись назад по тексту, увидим, что перевод «и рече Игорь к дружине своей» словами «и *сказал Игорь дружине своей*» задал установку на **директивное** поведение Игоря. Последующие слова автора «луце ж бы потяту быти неже полонёну быти» в прямом переводе («лучше ж бы убиту быть, нежели полонёну быть») показались переводчикам неуклюжими, и они вместо авторского «лучше ж бы» написали привычное для бального слуха «лучше» или «лучше ведь», проявив обычное невнимание к авторским особенностям смысла. В результате вместо выражения раздумья и замешательства строки стала выражать обоснование предстоящей **директивы**. Следуя дорогой искажений, каждый переводчик доехал до отдельно стоящей буквы «а», с которой уже не мог сладить. Перевод слов «*а всядем*» воодушевленным «сидем же» подразумевает, что Игорем перед этим приведены были веские доводы за поход противу солнечного каприза. Но этого нет. Во всех переводах наоборот: Игорь предлагает на выбор гибель или полон. Что же должно следовать за обрисовкой этой перспективы? Отказ от похода, а не призыв к нему.

Если же переводить автора точно, то картина получается естественная, а не ходульная. Игорь смущён солнечным затмением и не «говорит» дружине, а обращается к ней с раздумьем. В нём происходит борьба чувств «за» и «против» продолжения на-

ПРОЛОГ: ПОЧИН

чтого похода. Наконец, в его чувствах нечто перевешивает в пользу похода и он произносит:

«А всядем, братие, на свои борзые комони
да позрим синего Дону!»

Здесь «а» должно значить то же, что слово «*всё-таки*». Взвешивая на весах души опасение и надежду, Игорь берёт сторону надежды. Заметим, что слово «всё-таки» имеет смысл, в основном совпадающий со смыслом противительных союзов «а», «однако». Например: «однако ты прав!», «а ты прав!», «всё-таки ты прав!». Следовательно, автора допустимо перевести так:

«Всё-таки всядем, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!».

Возможен ещё другой вариант перевода:

«А всядем-таки, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!».

Вникнем теперь в психологическое положение Игоря: солнечное затмение в начале похода породило суеверные недобрые предчувствия, но возвращение назад без встречи с неприятелем, по причине только солнечного затмения, — **какую «добрость» Игоря воспоют «бояны»??!** И вот, зажатый между бесславием возвращения и возможным беславием похода, Игорь затрудняется следовать голосу осторожности и завершает своё вслух раздумье характерным российским *молодеческим «авось»*, то есть, махнув рукой на случившееся не ко времени затмение Солнца, выражает **желание «погулять»**:

«А!.. Всядем, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!»

Итак, «а» древнерусского текста оказывается **междометием с ясным жестовым и интонационным наполнением**, нечто вроде «нехай!», «авось!», «эхма!».

Перевод:

*И обратился Игорь к дружине своей:
«Братие и дружино...»*

*Лучше ж бы убиту быть, нежели полонёну быть...
А!.. Всядем, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!*

«Позрим синего Дону» — это, ей-богу, не младенческое «поглядим на синий Дон» (Орлов) или «посмотрим синий Дон» (Лихачёв). Это — «*прогуляемся* до синего Дона! «Всядем» переводят как «сидем», убивая точность древнерусского слова. Нужно ли?

«СПАЛА КНЯЗЮ УМЬ ПОХОТИ...»

Четвёртый фрагмент ПОЧИНА:

Спала князю умь похоти (по хоти) и жалость ему знамение застути искусити Дону великаго.

В издании 1800 года написано «*похоти*», в Екатерининской копии написано «*по хоти*». Варианты «похоти» и «по хоти» принадлежат толкователям, то есть Мусину-Пушкину и привлечённым им учёным людям.

Фрагмент состоит из двух предложений. Это видно из наличия двух сказуемых («спала» и «заступи искусити»), которые не являются однородными членами предложения. Если принять вариант «*по хоти*», то деление на два предложения получается такое:

Спала князю умь по хоти.

И жалость ему знамение застути искусити Дону великаго.

«Хоти» — это распространённое древнерусское слово. У автора оно присутствует, например, во фразе:

милыя *хоти* красныя Глебовны свычая и обычая
(милой желанной прекрасной Глебовны свычай и обычай).

Вариант «по хоти» принял Максимович и перевёл:

Пропала у князя мысль о жене.
И сильное желание испытать Дон
пересилило в нём знаменье неба.

Достаточно вставить этот перевод в окружающий текст, чтобы уловить, что у князя не появлялось «мысли о жене» и поэтому она не могла пропасть. Неясно также, почему «жалость», смысл которого вообще-то говоря «сожаление», стало вдруг «сильным желанием». Ещё: у автора написано «князю», а в переводе видим «князя», то есть авторский дательный падеж («кому?») заменён переводчиком на родительный («кого?»).

В оправдание Максимовича заметим, что он не в силах был бы сделать хоть какой-нибудь перевод, если бы точно опирался на грамматику первого предложения:

Спала князю умь по хоти.

Действительно, в этом предложении сказуемому «спала» не находится подлежащего. Единственное существительное, которое можно было бы принять за подлежащее — это «умь». Но оно мужского рода. Приняв «умь» за подлежащее, Максимович ввёл «исправление» в глагол «спала»: заменою «а» на «ъ» он перевёл

ПРОЛОГ: ПОЧИН

его в мужской род «спалъ». Так что на деле он переводил предложение:

Спалъ князю умъ по хоти.

Орлов тоже основал свой перевод на этой версии. Его перевод:

Склонился у князя ум к *страстному желанию*.

И охота отведать великого Дона
заслонила ему знамение.

«Спала» (переправленное в «спалъ») стало у Орлова «склонил-ся», «по хоти» стало «к *страстному желанию*», «жалость» стало «охота», «князю» переведено как «князя». Трудно не почувствовать за всем этим переводческого произвола.

Лихачёв положил в основание своего перевода версию

Спалъ князю умъ похоти.

Однако то, что Лихачёв «по хоти» заменил на «похоти», не помешало ему почти точно повторить Орлова.

Перевод Лихачёва:

Ум князя уступил желанию.
И охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.

Орлов перевёл «спалъ по хоти» как «склонился к страстному желанию», а Лихачёв перевёл «спалъ похоти» как «уступил желанию». Вся и разница.

Выше рассмотрена сумма переводов, возникших на основе выражения «*по хоти*». В этом случае в качестве подлежащего в первом предложении фрагмента может подразумеваться разве что слово «умъ», что вынуждает к исправлению «спала» древнерусского текста на «спалъ».

Если же исходно принять в древнерусском тексте написание «*похоти*», то появляется новая возможность: в качестве подлежащего может быть привлечено слово «похоти», на которое надо взглянуть как на существительное в именительном падеже множественного числа. Предложение

Спала князю умъ похоти

Жуковский перевёл:

«Вспала князю на ум охота».

После предыдущих переводов испытываешь облегчение, видя перед собою этот перевод. Здесь соблюден авторский порядок слов; сохранено «князю»; «вспала» по внешности и по смыслу видится ближе к исходному «спала», чем «склонился», «усту-

200 лет тайны

пил». Но в этом переводе есть **недотяжка**: за подлежащее принято «похоти» (**множественное число**), а переведено оно как «охота» (**единственным числом**). Перевод единственным числом у Жуковского не случаен, потому что речь в древнерусском тексте идёт об одной только «охоте» князя Игоря — «позврить синего Дону». Однако, переводя слово «похоти» единственным числом, Жуковский и другие воздержались от того, чтобы вносить в древнерусский текст исправление «похоти» на «похотъ».

Жуковский передал свой перевод «Слова» в 1833 году Пушкину. Пушкин в заметках о «Слове» за 1834 год отметил по поводу обсуждаемой фразы:

«Спала князю ум похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго». **Слова запутаны**. Первые издатели перевели: «Пришло князю на мысль пренебречь [худое] предвещание и изведать [щастия на] Дону великому». (Жалость) печаль ему «заступить» (lumen impedio) имеет несколько значений — омрачить, помешать, удержать. Пришлась князю мысль... желание ему омрачило, удержало. «Спали князю [в ум] дух, желание и печаль. Ему знамение мешало [запрещало] искусити Дону великого*.

Пушкинский набросок перевода обсуждаемого фрагмента выглядит, следовательно, так:

*Спали князю (в ум) дух, желание и печаль.
Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великого.*

Самое замечательное в наброске Пушкина, что **«жалость»** древнерусского текста он отнёс к **первому** предложению, а не ко второму. Несовпадением с древнерусским оригиналом является в переводе Пушкина «спали» вместо «спала» и перевод «похоти» (**множественное число**) как «желание» (**единственным числом**). Авторские «умъ», «похоти» и «жалость» Пушкин перевёл как «дух» (другой вариант: «в ум»), «желание» и «печаль». Глагол «спали» Пушкин оставил без перевода, но совершенно очевидно, что понимал его близко к «вспали». Пушкин удержал авторское «князю» (вместо «князя» в нынешних переводах). Слово **«жалость»** Пушкин, единственный из толкователей, перевёл близким ему по смыслу словом **«печаль»**. И ещё важный плюс перевода Пушкина: второе предложение получило у него чеканный смысл без каких-либо перестановок слов. Все остальные переводчики во втором предложении вынуждены менять порядок слов, чтобы получился ясный смысл. Сетование Пушкина, что **слова запутаны**, свидетельствует, что вынужденная замена им «спа-

* Слова Пушкина приведены без сокращений.

ла» на «спали» и «похоти» на единственное число стоила ему неудовлетворения своим переводом.

Итак: Глаголу «спала» явно не повезло. Совершенно очевидно, что в предложении должно быть подлежащее, связанное со сказуемым «спала», но этого подлежащего, хоть убей, не находится. Действительно, в предложении «спала князю ум похоти» на роль подлежащего могли бы претендовать два слова: «ум» («умъ») и «похоти». В первом случае глагол «спала» надо переделать в мужской род («спалъ»), во втором случае — во множественное число («спали»).

Наконец, первое предложение можно расширить присоединением слов «и жалость». Это сделал Пушкин: «спала князю умъ похоти и жалость». Тогда два варианта подлежащих: один — «похоти и жалость», второй — «умъ, похоти и жалость». В обоих вариантах глагол «спала» надо переделать в «спали». Если же полагать в первом предложении «по хоти», то первое предложение нельзя расширить присоединением слов «и жалость».

Таким образом, с математической точностью можно сказать, что ни выбором между «похоти» и «по хоти», ни выбором конца первого предложения после «похоти» или после «жалость» глаголу «спала» не отыскивается подлежащего. Пушкин остановился на мнении «слова запутаны». Нынешние же переводчики заключают о наличии ошибки в древнерусском тексте и исправляют «спала» на «спалъ». При таком исправлении они вынуждены «князю» переводить как «князя», а сами их переводы выглядят вычурно.

Можно исправить «спала» на «спали». Это в том случае, если подлежащим видеть «похоти» или «похоти и жалость». Но перевод слова «похоти» множественным числом не вписывается в смысл окружающего текста. Так что Жуковский и Пушкин, взявшие за подлежащее слово «похоти» или же «(ум), похоти и жалость», в своих переводах отказались передать множественное число слова «похоти».

Итак, речь зашла о неизбежности внесения поправки в древнерусский текст. Какие варианты исправлений, кроме указанных, ещё возможны? Ещё возможно «спала» исправить в «спало». При таком исправлении как будто все концы сходятся. Действительно, перевод первого предложения в этом случае получается таким:

Спало князю умъ похоти.
(Ниспало (вспало) князю в (на) ум охоты).

200 лет тайны

Это предложение безличное. «Спало» переводится естественно; «князю» остаётся на месте; «похоти» видится как родительный падеж единственного числа от «похоть». Другой вариант исправления — замена «похоти» на «похоть»:

Спала князю умъ похоть.
(*Вспала князю на ум охота*).

Этот вариант исправления кажется прямо-таки идеальным, коли уж запла речь о неизбежности исправления какой-то буквы. Но переводчики проявили редкостное единодушие в своём нежелании исправлять «похоти» на «похоть». А ведь, казалось бы, не всё ли равно, в каком слове искать ошибку буквы? А вот нет! — В именительном падеже слово **«похоть»** так ясно несёт свой смысл, что переводчикам неловко толковать его отвлечёнными «охотой» и «желанием» вместо той «охоты» и «желания», что направлена к женскому полу. В косвенном падеже (**«похоти»**) этот смысл за общим туманом *приглушён*, что и позволяет переводчикам «похоть» перетолковать как «желание Дона великолепного», а не женщины.

К тому, какое исправление предпочтеть сравнительно с другими, можно подойти ещё с такой позиции: какие буквы древнему переписчику легче было спутать между собой? Например, на основании сравнения Екатерининской писарской копии с изданием 1800 года известно, что наибольшее число буквенных несовпадений пришлось на пару «ъ-ъ». В этом ничего удивительного нет. Удивительно другое: рассуждая о путаемости букв, Лихачёв пишет, что древнерусское «а» не может быть перепутано с «о». Странное заявление на фоне его же допущения, что древнерусское «а» было перепутано с «ъ».

«СПАЛА КНЯЗЮ УМЬ ПОХОТИЖАЛОСТЬ»

Выше рассмотрены переводы четвёртого фрагмента ПОЧИНА. Общий вывод: исправлением какой-нибудь буквы в древнерусском тексте никто не достиг полноценного перевода.

Наиболее удовлетворительны — перевод Пушкина и перевод безличным предложением. В переводе Пушкина привлекает согласие с привычным пониманием слова «жалость» и поразительная ясность при переводе второго предложения. При переводе безличным предложением привлекает удобопереводимость первого предложения, которое в привычном русле переводится так:

Вспало князю в ум желания.

И охота ему знамение заступила искусить Дону великого.

Или так:

Вспало князю в ум охоты.

И желание ему знамение заступило искусить Дону великого.

Как видим, в обычных переводах и слово «похоть» переводят как «охота» и «желание», и слово «жалость» переводят как «охота» и «желание». Никакой смысловой разницы между ними переводчики не выявляют. Но этого быть не может! У автора «Слова о полку Игореве» выражения «похоти» и «жалость» наверняка не являются синонимами!

Наличие слова «*похоть*» — это, пожалуй, самое удивительное в обсуждаемом фрагменте. Собственный смысл этого слова не вяжется со смыслом текста. Пушкин, переведший «жалость» словом «печаль», то есть близко по смыслу, перед словом «*похоти*» отступил, переведя его словом «желание» в отвлечённом смысле. Создаётся впечатление, что вся заковырка фрагмента каким-то образом таится в слове «*похоти*».

Приступаю с этого пункта к собственной «пытке» фрагмента. Слово «*похоти*» происходит от «*похотеть*» и означает желание, возникшее на личностной основе, желание, не направляемое внешними требованиями и обстоятельствами, а потому **не соотносящееся** с ними. Если оставить в стороне нынешний смысл этого слова как «хотение женщины», то всё же остаётся в этом слове нечто, отличающее его от слова «желание» и «охота». Когда человек говорит: «Чего я *похочу*, то и будет», — то за этим «похотением» ощущается не желание, а *своеволие*. Обратимся к князю Игорю: сначала он озадачен и затруднён, затем по психологической привычке высказывать из затруднений **молодечеством** он и на сей раз прибег к этому средству, то есть к *любимой обществом форме демонстративного своеволия*. Никакого «уступил» или «склонился»:

«А!.. Всядем, братие, на свои борзыя комони
да позрим синего Дону!».

Я вижу полный резон привязать авторское «*похоти*» к смыслу, который выражен в слове «*похочу*» из фразы «чего *похочу*, то и будет». Перевод фрагмента тогда получается такой:

Вспало князю в ум **своеволия**,
и **соблазн** ему знамение заступил
искусить Дону великого.

Итак, проблема решена? Ах, если бы... Вслушивание и вчувствование в древнерусский текст оставляет меня при ощущении, что «спала» написано самим автором. Во всём «Слове» у автора нет безличных предложений, и это неспроста: безличные пред-

200 лет тайны

ложения отдают мистикой, а у автора все чувства и мысли движутся в яви.

Кроме того: во втором предложении выражение «искуссти Дону великого» при авторском порядке слов относится к слову «знамение», хотя по смыслу это выражение надо бы отнести к слову «жалость». Действительно: «желание», «охота», «согласие» чего? — «искусить Дону великого». Поэтому все без исключения переводчики снимают выражение «искусить Дону великого» с того места, на котором оно стоит у автора, и приставляют к слову «жалость», переводимому как «охота» или «желание». В частности, в моём вышеупомянутом переводе правильный порядок слов должен быть такой:

Вспало князю в ум своеволия,
и согласие искусить Дону великого
ему знамение заступил.

Пушкин единственный без всякой натяжки и неопределённости уложился своим вторым предложением в авторский порядок слов:

Ему знамение мешало (запрещало) искуссти Дону великого. Вспомним, что эта ясность при переводе второго предложения была им достигнута за счёт отнесения слов «и жалость» к первому предложению. За счёт того же он смог «жалость» понять привычным образом (как «печаль», а вовсе не как «охота»); за счёт того же он избавился от неразличения смысла слов «жалость» и «похоти» при переводе. Так что, несомненно, в переводе Пушкина что-то ухвачено ценное, такое, что ускользает от должного осознания*.

Вообще говоря, несогласовки глагольных форм и связанных с ними существительных у автора «Слова о полку Игореве» встречаются. Вот пример:

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде:
от него тъмою вся своя воя прикрыты.

Здесь «вся своя воя» — в единственном числе, а связанное с этим словосочетанием «прикрыты» — во множественном. Однако не ищут здесь ошибки переписчика, так как образно понятно, что «воя» состоит из множества воинов, которые все оказались тъмою прикрыты. Другой пример:

Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля,

* В «Энциклопедии Слова о полку Игореве» перечислены всевозможные варианты перевода обсуждаемого фрагмента ПОЧИНА. Но пушкинский вариант перевода оказался при этом не упомянут: такой несусветной ересью показался он составителям этой Энциклопедии.

были полци Олговы,
Ольга Святославличья.

В выражении «минула лета» нет согласования сказуемого с подлежащим ни по числу («минула» — единственное число, «лета» — множественное число), ни по роду («минула» — женский род, «лето» — средний род). Чем объяснить в данном случае несогласование?

Вернёмся к обсуждаемому предложению. Слово «похоти» во фразе «спала князю умь похоти» не может заключать в себе, по смыслу окружающего текста, мужского желания женщины. Возникает подозрение, что «похоти» во фразе «спала князю умь похоти» — это не родительный падеж от слова «похоть» (имеющего смысл мужского желания женщины), но что под этой внешней оболочкой скрывается иное существительное, ведущее смысл от глагола «похочу» (из фразы «чего похочу, то и будет»). Это существительное должно как-то отличаться от «похоти». Например, ударением.

Во-вторых, возникает подозрение, что **«и жалость»** должно быть отсоединено от второго предложения и присоединено к первому.

В-третьих, если «спала» полагать истинным авторским написанием, то единственным существительным, пригодным стать подлежащим, оказывается слово **«жалость»**.

Снова поднимая древнерусский текст обсуждаемого фрагмента:

*Спала князю умь похоти и жалость.
Ему знамение застути искусити Дону великаго.*

Если на всё закрыть глаза и видеть только факт согласования глагола «спала» с существительным «жалость», то структура древнерусского текста видится такой:

*Спала (князю умь похоти и) жалость.
Ему знамение застути искусити Дону великаго.*

Слова «князю», «умь» не мешают такому видению. Так что расширим видение первого предложения:

*Спала князю умь (похоти и) жалость.
Ему знамение застути искусити Дону великаго.*

Поскольку сказуемое «спала» в единственном числе, то подлежащим при нём может быть только **одно** существительное. Если к этому существительному-подлежащему прилепить через союз «и» второе существительное-подлежащее, то единое сказуемое при этих двух подлежащих обязано быть во множественном числе. Если же мы хотим видеть сказуемое в единственном числе,

«200 лет тайны

то отсюда следует, что к подлежащему «жалость» не может быть подсоединено ещё одно существительное в качестве однородного члена предложения. Иначе говоря, союза «и», соединяющего слово «жалость» с предыдущим существительным, не может быть. Выход остаётся один: присоединить «и», стоящее перед подлежащим «жалость», к концу предыдущего существительного. Получается:

**Спала князю умь (по хотии) жалость.
Ему знамение заступи искусити Дону великаго.**

БА! «*Спала князю умь жалость*»... ПО ЧЕМУ? — По хотии. Запишем:

Спала князю (в) ум по хотии жалость.

Именно такова должна быть разбивка рукописного древнерусского текста на слова, чтобы не оказались «слова запутаны».

Очевидна причина, почему Первые издатели последовательность букв рукописи «по хотии жалость» разбили на слова «*по хоти (по хоти) и жалость*». В этой разбивке получились слова, которые известны, и они не вступили в слишком явное противоречие с окружающим текстом. Однако последующие переводчики, по мере общего прояснения смысла переводимого текста, всё более сознавали трудности, связанные с переводом данного фрагмента. Но никто не подверг тщательнейшему обзору те неувязки, что возникают при различных вариантах перевода, не свёл их к ключевым узлам, не переступил порога к полному доверию древнерусскому тексту и не сделал на этой основе шаг к строгому грамматическому его рассмотрению.

Утверждаю несомненное существование во времена автора «Слова» существительного «*хотие*». Итак, тайна четвёртого фрагмента ПРОЛОГА раскрыта. Теперь его очень легко перевести дословно с полным смыслом и в гармонии с окружающим текстом:

Спала князю умь **по хотии** жалость.
Ему знамение заступи искусити Дону великаго.
(*Вспала князю в ум по хотимому жалость.*)

Ему знамение заступивши было искусить Дону великого)

Обратим внимание, что «переводить» потребовалось одно лишь выражение «**по хотии**», да и то самым очевидным образом. Всё остальное, включая «жалость», осталось при своих исконных смыслах.

А теперь припомним фразу «минула лета Ярославля», в которой сказуемое «минула» не согласовано с подлежащим «лета» ни по числу, ни по роду. Да согласованы они — подлежащее и

ПРОЛОГ: ПОЧИН

сказуемое! Весь фокус в том, что в рассматриваемой фразе слово «*лета*» — это не множественное число от существительного «лето», а иное слово с ударением на первом слоге. В нынешнем языке это слово сохранилось в единственном выражении: «*кануть в лету*». Переводчики фразу «минула лета Ярославля» перевели так:

Жуковский: миновались лета Ярославовы;
Максимович: миновали годы Ярославовы;
Орлов: прошли лета Ярославовы;
Лихачёв: минули годы Ярославовы.

Из этих переводов видно, что ни один из переводчиков не проник в тайну единственного числа глагола «минула», и все переделали его во множественное «минули». На самом же деле не глагол надо было переделывать, а исходя из формы сказуемого понять, что слово «лета» во фразе «минула лета Ярославля» означает не «годы» (множественное от «лето»), а существительное единственного числа женского рода. Ударение в нём на первом слоге («как в выражении «*кануть в лету*»). Правильный перевод фразы «минула *лёта* Ярославля» на современный язык:

минула *эпоха* Ярославова.

«ХОЩУ БО РЕЧЕ КОПИЕ ПРИЛОМИТИ...»

Пятый (последний) фрагмент ПОЧИНА:

Хощу бо рече копие приломити конецъ поля половецкаго с вами русицы хощу главу свою приложити а любо испити шеломом Дону.

Здесь все слова непосредственно понятны, а «бо», как знаем, переводится в зависимости от контекста весьма различно. Запятыми выделяют «рече» или «бо рече», обращение «русицы», ставят запятую перед союзом «а» и после слова «половецкаго» для разделения предложений. На всю фразу смотрят как на прямую речь.

Жуковский:

«Хочу, — он рёк, — преломить копьё
на конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
или выпить шеломом из Дона».

Максимович:

«Хочу, — говорит, — копьё изломить
в конце (в пределах) поля Половецкого.

200 лет тайны

С вами, Русские, хочу голову свою положить
или шлемом испить Дону!»

Орлов:

«Хочу я, — сказал (он), — сломать копьё
на границе степи Половецкой,
с вами, сыны Русские, хочу (или) сложить свою голову,
или напиться шлемом из Дона».

Лихачёв:

«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дона».

Видим, что по смыслу все переводы одинаковы: Игорь выражает решимость «сломать копьё», «сложить голову», «испить шлемом из Дона».

Древнерусское «*приломить*» перевели или как «*преломить*» (Жуковский, Лихачёв), или как «*изломить*», «*сломать*» (Максимович, Орлов). Неужто вправду Игорь хочет **сломать** (изломить, преломить) копьё?! Во-вторых, у автора написано «*приломить* копие *конецъ* поля половецкаго». Толкование слова «*конецъ*» как «*граница*» (Орлов, Лихачёв) или «*предел*» (Максимович) возражений не вызывает, но вот использованный предлог: «*на конце*», «*в конце*», «*на границе*» — совместно с толкованием «*приломить*» как «*сломать*» приводит к такому смыслу всех переводов:

Хочу копьё сломать на границе половецкого поля.

То есть: князь Игорь захотел сломать своё копьё при переходе в чужие земли и тем обеспечить себе возможность «шлемом испить Дону». Неужели?!

Второе предложение фразы тоже верх решительности: хочу, мол, на выбор: *или* голову свою положить, *или* Дону испить. А между тем нет у автора «Слова» ни «или-или», ни «либо-либо»! Заметим, что во времена автора «Слова» не говорили «либо-либо», а говорили «любо-любо». Отсюда и решили переводчики перевести авторское «любо» союзом «либо». Никто не захотел видеть, что у автора «любо» присутствует не сдвоенно («любо-любо»), а единожды. Во-вторых, перед «любо» находится противительный союз «а». Так что «любо» в перетолковании не нуждается: «*а любо испити шлемом Дону*» означает именно то, что написано.

Сказанного достаточно, чтобы усомниться в правильности переводов пятого фрагмента ПОЧИНА. Присмотримся поэтому к

ПРОЛОГ: ПОЧИН

древнерусскому тексту самым внимательным образом. У автора написано «*приломить*», а переводят «*преломить*». Но ведь ещё в школе проходят, что смысл приставок «*при-*» и «*пре-*» разный.

В школе учим, что приставка «*пре-*» близка по смыслу к приставке «*пере-*»: *прейти* (*перейти*) поле, *пребывать* (*перебывать*) в городе, *преемник* (некто *перенимающий*), и так далее. Приставка «*при-*» означает часто или примыкание к чему-то (*прийти*, *прибыть*, *принять*, *приютить*, *притянуть*, *признать*, *привыкнуть*, *приобщить*) или начатое, неполное, эскизное действие (*приоткрыть*, *примерить*). Значений, сходных с приставкой «*пере-*», у приставки «*при-*» не бывает.

Итак, толкование древнерусского «*приломити*» словом «*преломить*» не годится. Остаётся увидеть древнерусское «*приломити*» как «*приломить*». Игорь не хотел ломать своё копьё «на границе поля половецкого», а хотел, образно говоря, «испытать копьё на излом». Ведь битва — испытание для каждого орудия войны, а переход половецкой границы означал предстоящие схватки с половцами.

Где мог Игорь «копие приломити»? Конечно, не на самой границе поля половецкого, потому что границы тогда не охранялись войсками. Половцев Игорь мог встретить как близко к границе, так и далеко от неё при движении своим к Дону. Отсюда надо искать понимания слов: «*копие приломити конец поля половецкаго*». По общему смыслу «конец поля половецкого» надо бы перевести как «*в пределах поля половецкого*». Однако почему «испытание на излом» копья Игорь в своей речи связал с *концом*, то есть с *границей половецкого поля*? Решение здесь одно: «испытание на излом» своего копья Игорь связал не с границей как таковой, а с фактом своего перехода через границу на половецкую сторону.

Как выразить этот найденный смысл? Автор говорит устами Игоря:

**Хочу копие приломити
конец поля половецкаго.**

То есть:

**Хочу копьё *испытать*
(на, в, о) конец (граница, предел) поля половецкого.**

Отсюда один ряд возможных сочетаний (на конце, на границе), другой (в конце, в границах, в пределах) и третий (о конец, о границу, о предел). Мускулиный облик речи Игоря влечёт к то-

200 лет тайны

му, чтобы после «приломить» (испытать) указать **объект** испытания, а не место. Получается:

Хочу копьё испытать (приломить)
о конец (*о границу, о предел*) поля половецкого.

то есть обеспокоить землю половецкую.

Перейдем к анализу второго предложения в речи Игоря:

*«с вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломом Дону».*

Вот переводы:

«хочу положить свою голову» (**Жуковский**),
«хочу голову свою положить» (**Максимович**),
«хочу сложить свою голову» (**Орлов**),
«хочу голову свою сложить» (**Лихачёв**).

Глядя на эти переводы, можно подумать, что проблема лишь в том, что **сначала**: «свою», а потом «голову», или же «голову», а потом «свою». Все незыблемо убеждены, что Игорь жаждет положить свою голову.

Но у автора написано **«главу приложити»**. После того, что мы выяснили по поводу **«копие приломити»**, не грех подумать, что **«главу приложити»** это не **«голову положить (сложить)»**.

Не будем пренебрегать маленьким **«а»**, не будем выбрасывать **«любо»** или переделывать его в **«либо»**, не будем вставлять **«или»**. Лучше подумаем основательно над смыслом слова **«приложити»**. Фраза

«а любо испити шеломом Дону»

означает именно то, что написано, то есть

«а любо испить шлемом (из) Дону».

Из этого и надо исходить при переводе предыдущей фразы:

«с вами, русици, хощу главу свою *приложити*».

«Главу *приложити*» — это не переложить её со своих плеч на траву, в реку, на чужую пику и т.д. «Главу приложити» — это испытать, прочно ли «сидит голова на плечах». Отсюда возможные переводы:

«с вами, русичи, хочу головой своей *искнуть*»,

«с вами, русичи, готов (хочу) головой своей *пренебречь*»,

«с вами, русичи, готов голову свою *положить*».

ПРОЛОГ: ПОЧИН

В согласии с древнерусским текстом, эти переводы выражают не желание Игоря положить голову, а выражают его готовность пойти на серёзную опасность.

Заканчивая рассмотрение пятого фрагмента, остановлюсь на «бо»: «хощу бо рече копие приломити». На месте «бо» переводчики вставляют местоимения «я», «он» или ничего не вставляют, но в любом случае само «бо» оставляют без перевода. Действительно, если в предыдущем фрагменте слово «жалость» относить ко второму предложению, то при получающемся толковании «бо» как бы выпадает из перевода, оказывается необязательным. Совсем иное дело, когда «жалость» в предыдущем фрагменте отнесено к первому предложению:

Вспала князю в ум по хотимому жалость.
Ему знамение заступивши было искусить Дону великого.
«Хочу-таки, — сказал, — копьё приломить
о конец поля половецкого!
С вами, русичи, готов голову свою положить,
а любо испить шлемом Дону!»

Смысл частицы «бо» в данном случае близок к противительным «-таки», «всё-таки», «однако», «же». Пушкин, правильно разбивший пятый фрагмент ПОЧИНА на предложения, единственный, кто не выбросил «бо» при переводе и не заменил его местоимением, а правильно перевёл «бо» противительной частицей.

Перевод ПОЧИНА закончен:

*Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,
что вдохновивши был ум крепостью своею
и отточивши сердца своего мужеством;
наполнивши ратного духа,
наведши был храбрые свои полки
на землю половецкую за землю русскую.
Тогда Игорь воззвевши был на светлое солнце и видевши:
от него тьмою все его воины прикрыты.
И обратившись был Игорь к дружине своей:
«Братие и дружино...
лучше ж бы убиту быть, нежели полонёну быть...
А!.. Всядем, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!»
Вспала князю в ум по хотимому жалость:
ему знамение заступивши было
искусить Дону великого.
«Хочу-таки, — сказалши был, — копьё приломить
о конец поля половецкого!*

*С вами, русичи, готов голову свою положить,
а любо испить шлемом Дону!»*

Из Ипатьевской летописи известно, что солнечное затмение было на 9-ый день похода, под вечер, перед переходом дружины Игоря через реку Донец в его верховье:

...В то время, как они шли к реке Донец, под вечер, Игорь взглянул на небо и, видя солнце, стоящее подобно месяцу, сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли это знаменье?» Они посмотрели и увидели все, и поникли головами, и сказали: «Князь, не на добро нам это знамение!». Игорь же сказал: «Братья и дружины! Тайны Божьей никто не знает, а знаменье точно так же, как и весь мир, от Бога сотворено; что Бог сотворит на добро или на зло нам, то все увидим». И, сказав это, переправился он вброд через Донец.

Далее:

И так пришёл к Осколу (*река, впадающая в Донец*) и ждал два дня брата своего Всеволода, который шёл иным путём из Курска; и оттуда вместе пошли к Сальнице (*малая речушка, впадающая в Донец у нынешнего города Изюм; там было удобно переправляться через Донец*). Тут к ним и разъезды те приехали, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Виделись мы с ратными людьми (неприятельскими) и нашли их наготове; так уж вы или поезжайте на них поскорее, или домой возвратитесь, потому не время нам теперь (нападать)». Игорь же стал говорить со своими братьями: «Коли мы не бившиесь возвратимся, то и срам нам будет хуже смерти; (пусть будет) как нам Бог даст!»

Итак, Ипатьевская летопись дважды приводит высказывания князя Игоря: сначала при случившемся *знамении* (слова «затмение» тогда ещё не было). Второе высказывание Игоря датируется несколькими днями позже: когда он при впадении Оскола в Донец дождался подхода брата Всеволода с его дружиной и они вместе пошли к Сальнице. Посланные вперёд разведчики сообщили, что половцы наготове и задерживаться в их земле не следует. В отличие от знамения, сообщение разведчиков говорило о предстоящей опасности определённо. Игорю теперь надо было высказать более решительными словами, если он опять хотел продолжения похода.

Обратимся к «Слову». Автор два раза приводит высказывания Игоря за продолжение похода. Первый раз по случаю «*знамения*». Это высказывание отдаёт ещё некоторым благодушием. Второе высказывание насыщено уже предошущением большой опасности и выражает не просто молодеческое чувство, а чувство состязательности с судьбой. Автор не предваряет второе высказывание Игоря сообщением о донесении разведчиков. Но что за-

ПРОЛОГ: ПОЧИН

мечательно: после второго высказывания Игоря автор «вдруг» обращается к Бояну.

Прежде чем перейти к третьей части ПРОЛОГА, отметим, что А.С.Орлов («Слово о полку Игореве», М.-Л., 1946) в примечании к странице 18 пишет:

Затмение действительно случилось 1 мая 1185 года; у Донца оно видимо было в 3 часа 25 минут по киевскому времени, то есть при начале «вечерен» на Руси.

Б.А.Рыбаков тоже отмечает (кн. «Пётр Бориславич», М., 1991), что солнечное затмение в районе Харькова наблюдалось 1 мая 1185 года в 18 часов 30 минут. В Лаврентьевской летописи об этом затмении («зnamении») написано:

В лето 6694 (в 1185 году «нашей эры»), месяца мая в 1 день, на память святого пророка Иеремия, в середу на вечерни, бысть знаменье в солнци и морочно бысть велми, яко и звёзды видети, человекомъ в очю яко зелено бяше, и в солнци учинися яко месяцъ, из рог его яко угль жаров исходяще: страшно бе видети чловекомъ знаменье божие.

Работы по исторической хронологии Н.А.Морозова и А.Т.Фоменко приучают к мысли, что к летописным астрономическим указаниям следует относиться с большим вниманием для подтверждения или отрицания сложившихся датировок событий. В книгах Фоменко затмение 1185 года не рассмотрено. Об этом можно пожалеть, так как его школе присущее тщательное рассмотрение особенностей затмений, указываемых в исторических источниках.

Часть V. ПРЕДДВЕРИЕ

«О БОЯНЕ, СОЛОВИЮ СТАРОГО ВРЕМЕНИ...»

После ПОЧИНА следует ПРЕДДВЕРИЕ — третья, заключительная часть ПРОЛОГА:

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия полки ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Троянию чрес поля на горы. Пети было песь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая — галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава в Кыеве, трубы трубять в Новеграде — стоять стязи в Путивле!

Знаки препинания даны по Лихачёву и тесно связаны с его переводом.

Удивительный разнобой произошёл у толкователей при определении конца ПРЕДДВЕРИЯ: Жуковский присоединил ещё фразу «Игорь ждёт мила брата Всеволода», Максимович отсёк фразу «стоять стязи в Путивле», Орлов отсёк фразы «трубы трубят в Новеграде, стоять стязи в Путивле». Выше приведён конец по Лихачёву, с которым я согласился.

Разобьём ПРЕДДВЕРИЕ на фрагменты:

- 1) О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия полки ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени;
- 2) рища в тропу Троянию чрес поля на горы;
- 3) пети было песь Игореви того внуку;
- 4) «не буря соколы занесе чрез поля широкая галици стады бежать к Дону великому»;
- 5) чи ли воспети было, вещей Бояне Велесовъ внуче;
- 6) «комони ржуть за Сулою звенить слава в Кыеве трубы трубять в Новеграде стоять стязи в Путивле».

Первый фрагмент:

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сия полки ущекотал,
скача славию по мыслену древу,

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

летая умом под облакы,
свивая славы оба полы сего времени!

Перевод Жуковского:

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
скача соловьём по мысленну древу,
взлетая умом под облаки,
свивая все славы сего времени.

Максимовича:

О, Боян, соловей старого времени!
Если б ты воспел эти походы,
скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака
и соединяя, о соловей, обе половины сего времени.

Орлова:

О Боян, соловей старого времени!
Если бы ты воспел (соловьиным) щёкотом эти полки,
скача, соловей, по дереву мысли,
летая умом под облаками,
свивая, соловей, обе половины этого времени.

Лихачёва:

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени.

Первое предложение («О Бояне, соловию старого времени!») все «перевели» одинаково. Во втором предложении все узрели **неподдельную хвалу** Бояну. Но вот Пушкин:

«О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия полки ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая умом под облаками, свивая «сплетая хвалы на все стороны сего времени». Если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу.

Союз «аще» перевели как «если бы», «как бы», «вот бы». Слово «сия» как «сии», «эти», «те». «Полки» как «битвы», «походы», «полки». «Ущекотал» как «воспел».

Странным образом оказалось, что слово «ущекотал», вызывающее наибольшее размыщение над его смыслом, переведено всеми наиболее одинаково: «воспел». Но если бы автор хотел сказать «воспел», он так бы и сказал, как сказал это чуть ниже:

Чи ли **воспети** было, вещей Бояне, Велесовы внуче?

200 лет тайны

Если «ущекотал» не означает «воспел», то что оно означает? Кроме «ущекотал», автор употребил в «Слове» также слово «щёкот»:

щёкот славий успе; говор галичъ убуди
(щёкот соловыинъ утих; говор галочий пробудил).

С оглядкой на этот «щёкот» Орлов слово «ущекотал» перевёл не просто как «воспел», а как «воспел (соловыиным) щёкотом».

Так бы оно так, но в современном языке слово «ущекотал» полноценно существует не в значении «воспел» (хотя бы даже «соловыиным щёкотом»), а как кожное раздражение, от которого лихорадочно смеются. Подобно щекотке действует также явная лесть. Действительно, слово «щекотать» наряду со смыслом «щекотать кожу» употребляется ещё в ином смысле: «щекотать самолюбие». Результат щекотки самолюбия тот же самый, что кожной: лихорадочный смех. Нельзя не почувствовать за словом «ущекотал» иронию автора, прикрытую прозванием Бояна «соловьём» перед «ущекотал» и упоминанием соловья после «ущекотал». Пушкин учаял этот приём:

Если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу.
Только что автор описал браваду Игоря. И тут же «восхищённо» обращается к Бояну, «ущекочивающему» князей за подобные бравады.

Удивительно едино перевели толкователи выражение «по мыслену древу»:

«скача соловьём по мысленну древу» (Жуковский),
«скача, соловей, по мысленному древу» (Максимович),
«скача, соловей, по мысленному дереву» (Лихачёв).

Перевод Жуковского отличается от древнерусского оригинала «по мыслену древу» «всего лишь» вторым «и»: « по мысленну ». Но это значит, что Жуковский «по мыслену» понял как краткое страдательное причастие, отвечающее на вопрос «по какому?». Такое понимание вошло, как видим, в «золотой фонд» переводов: и Максимович, и Лихачёв одинаково переводят «по мысленну» страдательным причастием: «по мысленному».

Слово «славию» толкователи, кроме Жуковского, поняли как иносказательное обращение к тому же Бояну. Например, у Лихачёва:

Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву.

Смысл получился такой: **скача (собственной персоной!) по мысленному дереву, как бы, мол, преуспел Боян в воспевании!** Не

ПРОЛОГ: ПРЕДВЕРИЕ

забавно ли? Поэтому «славию» не может быть очередным обращением к Бояну, и переводить «славию» надо выражением «*подобно соловью*». Получается:

скача *соловьём* (*подобно соловью*) по мысленному дереву.

Но в таком переводе опять неувязка. Здесь получается, что автор использовал образ соловья как символ прыгучести по дереву. В душе назойливо скребётся вопросик-недоумение: *а не в связи ли с пением помянул автор соловья?*

Если это так, то придётся покинуть «мысленное дерево». Однако что же, если не «мысленное дерево», может значить выражение «по мыслену древу»? Ак-к Орлов, неудовлетворённый вошедшим в обиход «мысленным древом», переосознал выражение *«по мыслену древу»* и понял его не как принадлежность мысленности «древу», а наоборот: как принадлежность «древа» мысленности. Он перевёл:

скача, соловей, по дереву мысли.

Час от часу не легче. Такой перевод Орлова не нашёл последователя даже в лице Лихачёва, которому свойственно «подхватывать всё лучшее». Действительно: что подхватывать в данном случае? Что Боян, означенный *соловьём*, скачет по дереву *мысли*? Ого! Ещё раз: *а не в связи ли с пением помянул автор соловья?*

Следом автор говорит:

летая умом под облакы.

Жуковский перевёл эту фразу так:

взлетая умом под облаки.

Максимович почти повторил его перевод:

взлетая умом под облака.

Так бы оно так, но всё же у автора написано не «взлетая», а «*летая*». Отсюда Орлов заключил, что «под облакы» древнерусского текста должно быть переведено не как «под облака», а как «под облаками», то есть не винительным, а творительным падежом:

летая умом под облаками.

Лихачёв подхватил и «развил» Орлова:

летая умом по подоблачью.

Удивительная плоскостность оказалась свойственна учёным переводчикам «Слова». Ведь если говорить о полёте *воображения* (только о *воображении* и может быть речь в связи с соловьём-

200 лет тайны

Бояном), то невозможно сказать «летая умом под облаками», а ещё более — «летая умом по подоблачью». «Летая умом под облакы» — это нынешнее «воспаряя умом до облаков». Не по «дереву мысли» скакал соловей-Боян, а по «дереву воображения»; не под облаками лётувал соловей-Боян, а *возносился* умом до самых облаков! Перевод первого фрагмента начинает проясняться:

О Боян, соловей старого времени!
Как бы ты *сиа полки* ущекотал (улестил),
скача подобно соловью по древу *воображения*,
возносясь умом под облака.

Как в данном случае перевести «*полки*»? Обращаясь к словоупотреблению автора, мы видели две-три возможности перевода: словом «*походы*» (войинские), словом «*полки*» (войинские подразделения) и словом «*схватки*», «*стычки*» (военные). Выражение «*сиа полки*» перевели:

Жуковский: «битвы сии»;
Максимович: «эти походы»;
Орлов: «эти полки»;
Лихачёв: «походы те».

Слово «*полки*» в данном случае не может подразумевать «войковые части». Тогда, может быть, «*полки*» в данном случае «*походы*»? Однако после того, как мы уяснили ироническую подоплётку слова «ущекотал», отдадим себе отчёт, что эта ирония не может относиться к факту походов на половцев. Игорь, поданный автором как организатор похода на половцев, в этом качестве не осуждается и не осмеивается автором. Чтобы проникнуть в смысл употреблённого автором «*полки*», вернёмся немного назад и обратим внимание, по поводу чего автор «восхищённо» обратился к Бояну-песнопевцу. Да по поводу воинственнейшей бравады Игоря! Так не перевести ли в данном случае слово «*полки*» выражением «*воинства*», как называют речи, исполненные воинской спеси? Именно такой перевод точно соответствует предшествующему тексту.

Как перевести «*сиа*»? Перевод словами «*сии*», «*эти*» не годится, так как автор в этом случае написал бы «*сии*», а не «*сиа*». Перевод словом «*те*» (Лихачёв) не отвечает древнерусскому «*сиа*». Очевидно, что «*сиа*» надо перевести словом «*такие*».

Автор избежал буквального повторения слова «*соловей*»: первый раз он сказал «*соловию*», во второй раз «*славию*». «*Соловию*» поставлено там, где потребовалась задушевность (хотя бы ироническая, снисходительная), «*славию*» — где потребовалось

ПРОЛОГ: ПРЕДВЕРИЕ

указать на соловья как на птицу. В переводе тоже возможно удовлетворить этой желательности неповтора:

О Боян, *соловушко* старого времени!
Как бы ты *такие воинства* превознёс,
скача *соловьём* по древу воображения,
летая умом под облака,
свивая *славы* оба полы сего времени!

Последнюю строку перевели:

- Жуковский:** «свивая все *славы* сего времени»;
Пушкин: «сплетая *хвалы* на все стороны сего времени»;
Максимович: «и соединяя, о *соловей*, обе половины сего времени»;
Орлов: «свивая, *соловей*, обе половины этого времени»;
Лихачёв: «свивая *славу* обеих половин сего времени».

Читателя удивит, конечно, почему «*славы*» возымело свойство превращаться в «*соловья*». Неясность в древнерусском тексте? Ничуть: в издании 1800 года и в Екатерининской копии стоит «*славы*». В чём же тогда причина превращения? Да в том, что двум авторитетам, Ф.И.Буслаеву и Н.С.Тихонравову, в третий раз подряд обращение к Бояну с величанием «*соловей*» показалось осмысленнее. От них заразились другие.

Всё-таки это удивительно, что тонкое фонетическое развитие («*соловию*»-«*славию*»-«*славы*»), свидетельствующее о незаурядном поэтическом мастерстве автора, оказалось не только не оценено учёными толкователями, но даже не замечено ими. Так появилось у переводчиков вместо «*соловию*»-«*славию*»-«*славы*» дикое подряд «соловей» с одним и тем же смыслом и одним и тем же речевым содержанием (обращением к Бояну). Возьмём Максимовича:

О Боян, *соловей* старого времени!
Если б ты воспел эти походы,
скача, *соловей*, по мысленному древу,
взлетая умом под облака
и соединяя, о *соловей*, обе половины сего времени.

«Соловей» в таком употреблении превращается в «топор», а поэзия — в «суп из топора».

С другой стороны. При превращении «*славы*» в «*славию*» («*соловей*») это слово, став вводным (обращением к Бояну), выпало из содержания последней строки. Поведение Бояна при таком переводе свелось к действию:

свивая оба полы сего времени.

200 лет тайны

«Свивать оба полы сего времени» к лицу историку, занимающемуся сопоставлением событий. Песнопевец же занимается творением «песен кому». Поэтому слово «*славы*» сродни данной фразе. К пониманию слова «*славы*» здесь надо сделать замечание: речь не может идти о свитии Бояном готовых «слав» (Жуковский, Лихачёв), потому что именно Боян и бояны изготавливают («свивают») «*славы*» (славословия, восславления, прославления). Итак, приличный по смыслу перевод должен быть примерно такой:

свивая **славословия** оба полы сего времени.

Интересно, что Пушкин перевёл «*славы*» как «*хвалы*», то есть именно предлагаемым образом.

Что такое «*оба полы*» («*обаполы*»)? Максимович, Орлов, Лихачёв перевели «*оба полы*» как «*обе половины*». Однако «пол» — это может быть «половина», а может быть «полюс» (в выражениях «мужской пол», «женский пол» смысл слова «пол» тот же: полюсов-половин в неразрывной их взаимосвязи).

А какой смысл таится за выражением «*сего времени*»? Лихачёв пишет в «объяснительном переводе» к обсуждаемой строке «Слова»:

соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную времени повествования — от «старого Владимира» до «нынешнего Игоря»).

Рассмотрим. Три раза автор употребляет в «Слове» выражение «*сего времени*».

Первый раз:

Начати же ся
той песни по былинам *сего времени* а не по замышлению бояню!

Второй раз:

О Бояне, соловию *старого времени*!
Абы ты сиа полкы ущекотал,
скача славию по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы оба полы *сего времени*!

Третий раз:

Вступита, господина, в злата стремень
за обиду *сего времени*,
за землю Русскую,
за раны Игоревы, буего Святославлича!

Во всех трёх случаях автор употребил выражение «*сего времени*» вполне одинаково по смыслу. В первом случае «*сего време-*

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

ни» значило время похода Игоря и к нему прилегающее. Во втором случае «*сего времени*» противопоставлено выражению «*старого времени*» как «времени Бояна» (творившем во времена Олега, деда князя Игоря и правнука «старого Владимира»). В третьем случае «сего времени» — это время «ран Игоревых». Так что понимание Лихачёвым «*сего времени*» как времени «от старого Владимира до нынешнего Игоря» — **очередная нелепость**.

Перевод «*оба полы*» выражением «*обе половины*» не понятен. Чтобы говорить о «половинах», нужно указать границу, разделяющую эти половины. Но этого указания в «Слове» нет. За «*оба полы*» должно скрываться что-то непосредственно понятное. Однако перевод «*оба полы*» словом «*все*» (Жуковский), «на все стороны» (Пушкин) разрывает смысл перевода с внутренней структурой выражения «*оба полы*». А не есть ли «*обаполы*» («*оба полы*») — «*обе стороны*», «*оба конца*», «*оба полюса*»? Тогда:

скака подобно соловью по древу воображения,
летая умом под облака,
свивая **славословия**
обеим сторонам (обеим концам) сего времени.

Такой намечается перевод.

«РИЩА В ТРОПУ ТРОЯНЮ...»

Второй и третий фрагменты ПРЕДДВЕРИЯ:

**Рища в тропу трояню чрес поля на горы,
пети было песь Игореви того внуку.**

Остановимся на первой фразе:

рища в тропу трояню чрес поля на горы.

Пушкин пишет:

«Четыре раза упоминается в сей песне о Трояне... но кто сей Троян — догадаться ни по чему невозможно» — говорят **первые издатели**. Прочие толкователи не последовали скромному примеру. Они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Сейчас разные предположения о Трояне: языческий бог, римский император, три легендарных князя-основателя Киева и др. Однако неверно сводить задачу понимания фразы «*рища в тропу трояню чрес поля на горы*» к гаданию о «трояню». Гораздо важнее проникнуть в образный её смысл, так как автор прибег к ней не ради находящегося в ней слова «трояню», а ради заклю-

200 лет тайны

чённого в ней целостного образа. **Лихачёв** в «объяснительном переводе» даёт такую расшифровку этому образу:

переносясь воображением на огромные расстояния.

Так ли? Остановимся подробно на фразе:

рища в тропу трояню чрес поля на горы.

Её перевели:

Жуковский: «рыща *тропою* Трояновой через поля на горы»;

Максимович: «рыща *по Трояновой тропе* через поля на горы»;

Орлов: «рыская *в путь* Троянов через поля на горы»;

Лихачёв: «рыща *по тропе* Трояна через поля на горы».

Удивительно, что никто не перевёл так, чтобы быть верным автору, у которого написано «*в тропу*», а не «*по тропе*», не «*тропою*». И не написано у автора «Троянови», что означало бы принадлежность Трояну, а написано «*трояню*», что означает свойственность, присущность.

Следующую строку

пети было песь Игореви того внуку

перевели:

Жуковский: «тебе бы песнь гласить оного *Олега внуку*»;

Максимович: «так тебе бы петь песнь Игорю, *Олега внуку*»;

Орлов: «(пришлось бы) *внуку его* (?) воспеть песнь Игорю (так)»;

Лихачёв: «так бы пришлось *внуку Велеса* воспеть песнь Игорю».

Как видно из приведённых переводов, наибольшее замешательство толкователи испытали на выражении «*того внуку*». О чём внуке идёт речь: Олега, Велеса, ещё кого-то?

Слово «песь» ни у кого не вызвало задержки внимания: все дружно перевели «песь» как «песнь». Более того: исправили «песь» на «песнь» в древнерусском тексте, полагая написание «песь» заведомо ошибочным. На примере «та преди *песь* пояше» мы уже видели, что «песь» — это не «песнь», а «хвала», «величальная» и тому подобное. Далее в «Слове» автор ещё дважды прибегает к слову «песь»:

«соловии весёлыми *песьми* свет поведают»

и

«рёк Боян... *пестворца* старого времени Ярославля».

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

В первом случае автор высказывается точнее, образнее, чем это делаем мы, когда переводим: «соловьи весёлыми песнями свет (рассвет) возвещают». Он пишет:

соловушки весёлыми **хвалами** рассвет возвещают.

Второй случай замечателен: автор называет Бояна творцом **«песей»**, то есть творцом **«хвал»**.

В отличие от незамеченного переводчиками слова «песь» вопрос, о чём «внуке» ведёт речь автор, вызвал много рассуждений и разноголосицу ответов. Поначалу (от издателей 1800 года сквозь 19 век) полагали, что «внук» — это Игорь, так как в заглавии «Слова» Игорь назван **«внуком Ольговыим»**. Правда, в тексте Олег ни разу ещё не упомянут, и потому ссылка на него местоимением (**«того** внуку**»**) неуместна. Но, как говорится, охота пуще неволи. А вообще-то при дословном переводе об Олеге даже речи быть не может. В самом деле: дословный перевод таков:

петь надо было бы **хвалебную Игореву** того внуку.

Здесь: «петь надо было бы» что? — «хвалебную Игореву»; «петь надо было бы» кому? — «того внуку». Если понимать под «того внуку» **«Олега внука»** (то есть князя Игоря?) то получается, что «хвалебную Игореву» надлежит петь самому Игорю. Гораздо уместнее, если оставаться в пределах обсуждаемой фразы, «внука» приписать Игорю как «деду»:

петь надо было бы (что?)
хвалебную Игореву (кому?)
того (то есть Игоря?) внуку.

Переводчики, видимо, наталкивались на возможность такого понимания, но спешно пятились и «деда» искали иного. Уточним: в случае «деда Игоря» должно стоять местоимение «его», а не местоимение «того».

Кто «дед» упомянутому «внуку», можно спорить, но из фразы

пети было песь Игореви того внуку

следует, что «внук» — **песнопевец**:

петь надо было бы **хвалебную Игореву** того **внуку**.

После этой фразы автор приводит запевку хвалебной в честь Игоря:

«Не буря соколы занесе
 чрез поля широкая
галици стады бежать к Дону великому».

200 лет тайны

Итак, «дедом» «того внуку» не может быть ни Олег, ни Игорь. Тем не менее «дед», чтобы на него сослаться местоимением, должен быть выше указан именем. Внимательно читаем:

О Бояне соловию старого времени
абы ты сия полкы ущекотал
скача славию по мыслену древу
летая умом под облакы
свивая славы оба полы сего времени
рища в тропу троянию чрес поля на горы
пети было песь Игореви того внуку.

Перед «того внуку» упомянуты: Игорь, чуть выше Троян, ещё выше Боян. Итак, **Троян и Боян**. Троян — лицо легендарное или мифическое, Боян — лицо реальное, недавнее. Кого из них назречь «дедом» «того внуку»?

Переводчики не захотели Трояна, и ради этого нежелания фразу «рища в тропу троянию чрес поля на горы» присоединили к предыдущему фрагменту:

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сия полкы ущекотал,
скача славию по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища в тропу троянию чрес поля на горы!

Так поступили Первые издатели, Жуковский, Максимович, Лихачёв. Достаточно вслушаться в древнерусский текст, чтобы понять, что через присоединение фразы

рища в тропу троянию чрес поля на горы

к предыдущему предложению разрушается смысловая и поэтическая компактность этого предложения. С другой стороны, смысл и поэтика следующего за ним предложения тоже иссыхает. После отбрасывания строки

рища в тропу троянию чрес поля на горы

интонация и смысл оставшейся фразы

пети было песь Игореви того внуку

стали сухими, директивными, не свойственными автору «Слова».

Фразу

рища в тропу троянию чрес поля на горы

присоединяли к предыдущему фрагменту сначала затем, чтобы подтянуть **Олега** в «деды» «того внуку» (Первые издатели, Жуковский, Максимович). Затем, чтобы **Велеса** (Лихачёв), хотя *Ve-*

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

лес *впервые упомянут автором ниже* данного фрагмента. На самом же деле при присоединении фразы

рища в тропу трояню чрес поля на горы

к предыдущему предложению «дедом» грамматически правильно полагать *Бояна*. Действительно:

О Бояне, соловию старого времени!

Абы ты сиа полкы ущекотал (*скача, летая, свивая, рища*)!

Пети было песь Игореви *того* внуку:

«Не буря...»

Так и тянет разуметь: «*того Бояна внуку*».

Но Первые издатели, а вслед за ними переводчики 19 века решили, что «*внук*» — это Игорь, а «*пети песь Игореви*» они предложили самому Бояну:

«*Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку*» (Жуковский),

«*Тебе бы петь песнь Игорю, Олега внуку*» (Максимович).

Но местоимения «*тебе*» в древнерусском тексте нет! Переводчики произвольно вставили это местоимение в перевод, потому что потерялись в поисках, кому надлежит «*петь песнь Игорю*», и приказали это сделать Бояну. Лихачёв заново вернулся к той же традиции:

«Так бы пришлось воспеть песнь Игорю *Велеса внуку*».

Здесь под «*Велеса внуком*» зашифрован всё тот же Боян. Трудно понять, чего так испугались толкователи, чтобы всеми неправдами подставлять на место Боянова «*внука*» его самого. Не в смысле же родства имел в виду автор *внука Бояна*! Автор заговорил о «*внуке*» Бояна в смысле **наследования бояновых традиций**.

До сих пор рассуждения о «*того внуку*» строго опирались на допущение, что фраза

рища в тропу трояню чрес поля на горы

является окончанием первого фрагмента. Правда, в этих рассуждениях есть *изъян*. Вот ещё раз первый (сокращенно) и второй фрагменты вместе:

О Бояне, соловию старого времени!

Абы *ты* сиа полкы ущекотал (*скача, летая, свивая, рища*).

Пети было песь Игореви *того* внуку.

Видим, что автор обращается к Бояну и потому Боян дан **во втором лице: «ты»**. В следующем же предложении, когда говорится о «*внуке*», автор не говорит «*твоему* внуку», что было бы со-

200 лет тайны

гласно со вторым лицом от «Бояна» в предыдущем предложении. Вместо этого автор говорит «того внуку». Не следует ли из этого, что «того внуку» нельзя Бояна прочитать в «деды»? Но тогда теряется последняя возможность для «того внуку» отыскать «деда».

Присоединение фразы

рища в тропу трояню чрес поля на горы

к первому фрагменту выше было осуществлено вслед за толкователями, хотя поэтика противилась такому присоединению. Теперь присоединим ту же фразу ко второму фрагменту. Поэтически такое присоединение видится органичным:

*Рища в тропу трояню чрес поля на горы
пети было песь Игореви того внуку*

Вопрос о приискании «того внуку» кого-нибудь на роль «деда» грамматически решается в этом случае ясно: Троян. Боян отпадает из-за несогласования «лиц»: второго лица (*«ты»*) в предыдущем фрагменте и третьего лица (*«того»*) в данном фрагменте.

В несогласии со многими другими, фразу «рища в тропу троянию чрес поля на горы» присоединил не к предыдущему, а к последующему предложению ак-к Орлов. Вот его перевод:

Рыская в путь Троянов, через поля на горы,
(пришлось бы) внуку *его* воспеть песнь Игорю (так).

Что же означает перевод Орлова в прямом прочтении? Вот что:

Если внуk Троянов вздумает пуститься в путь по дороге своего предка (а дорога та лежит через поля на горы), то этому внуку придётся следующим образом воспеть песнь Игорю.

Автор «Слова» даже представить не мог, какие небоскребы нелепости нагромоздят переводчики его произведения.

В примечании Орлов делится интересными сведениями:

Пути римских войск через Балканы (Гемус) шли по ущелью, которое и в византийское время запиралось воротами, носившими имя Траяновых. У Траяновых ворот была уничтожена византийская армия императора Василия II болгарами царя Самуила в 986 году. Каменная кладка этих ворот была окончательно разрушена лишь в 1828 году. В декабре 1877 года русские войска переходили Балканы по этому «Троянову перевалу», «по тропе, доступной лишь коню и пешеходу», на высоте 5400 футов.

Орлов продолжает:

«Тропа Трояния» — это или дорога по ущелью Балкан, проложенная Траяном (см. Хроники Феофилакта Симокатты и Феофана), или — вал от Дуная и Днестра до Днепра, или проложенная тут дорога, о которой в одном словаре около 1670 года сказано: «*Traian — via strata*».

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

Итак: исторически существовали перевал (тропа?) Трояна, вал Трояна и дорога Трояна. Хотя Орлов пишет, что объяснять выражение «в тропу Троянию» через эти сведения «скорее остроумно, чем вероподобно», сам как ни в чём не бывало связал песнь Игорю некоего «внука» с отбытием этого «внука» «в путь Троянов, через поля на горы».

Ак-к Б.А.Рыбаков внёс новый вклад в «трокановедение». «Того внуку» он вслед за Первыми издателями переводит как «Олега внуку», а по поводу «тропы Трояна» пишет:

Всё разъясняется, если мы под «Тропой Трояна» будем разуметь то, что именно так и называлось — «Tropheum Trajani», гигантский монумент близ деревни Адомклиси (в Румынии), на степной равнине Добруджи, южнее устья Дуная... Выделенную выше фразу из «Слова о полку Игореве» следует расширительно пересказать так: Боян, возносившийся умом под облака, соединял песни о настоящем с песнями о прошлом; мысленно следя за походами древних славян, он как бы скакал к возвышавшейся в степи триумфальной ротонде Трояна (как к ориентиру) и далее «через поля» (степи Добруджи) «на горы» (к предгорьям Старой Планины).

Что бы ни говорили злые языки, а читать академиков занятно — блеск и романтика сведений налицо, а настойчивости высказываний не занимать.

А теперь вернёмся к делу. Назвать Трояна «дедом» «того внуку» — нелепо, но грамматика второго фрагмента такова, что вынуждает на этой нелепости остановить внимание. Троян 4 раза упоминается в «Слове». Помимо данного случая ещё:

Были вечи Трояни
минула лета Ярославля
были полци Олговы
Ольга Святославличя.

Ещё:

Встала обида в силах Даждьбожа внука
вступила девою на землю Троянию,
восплескала лебедиными крылы
на синем море у Дону.

Ещё:

На седьмом венце Трояни
вороже Всеслав жребий
о девицию себе любу.

«Вечи Трояни», «землю Троянию», «венце Трояни»... По отношению к «того внуку» уместно ожидать в качестве «деда» песнопевца или покровителя песнопевцев. Троян же упоминается ав-

200 лет тайны

тором совсем в другом качестве. Можно было бы решить, что на «земле Трояна» живут «внуки Трояна», и протолковать автора так, что «того внука» — один из тех, кто живет на «земле Трояна». Но автор пишет:

Встала обида в силах Даждьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню.

Не следует ли из этой фразы, что на «земле троянию» живут «Даждьбожа внуки»? Что же понимать под «того внуком», если «дед» Троян не песнопевец, не покровитель песнопевцев, и если даже жителей «земли троянию» автор называет, повидимому, «Даждьбожа внуками»?

Окинем снова взором первые два фрагмента ПРЕДДВЕРИЯ:

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сия полки ущекотал,
скача славию по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы оба полы сего времени!
Рища в тропу троянию чрес поля на горы,
пети было песь Игореви того внуку...

Фраза

Рища в тропу троянию чрес поля на горы

по своему положению является как бы итоговой к предыдущему перечислению, высказывающей обобщённо то, что перед тем перечислялось порознь. Что же перечислялось? — «Скача», «летая», «свивая славы»... Не означает ли всё это вместе «через поля на горы», то есть выхватывание и нарочитое свитие верхушек?! Иначе говоря:

«скача славию по мыслену древу»
плюс
«летая умом под облакы»
плюс
«свивая славы оба полы сего времени»
равно
«чрес поля на горы».

Выше мы уже не раз наблюдали такой приём автора, когда после развёртки картины он переходит к обобщающему высказыванию относительно её; или наоборот: высказавшись сначала общим словом, переходит к развёртке соответствующей картины.

Итак, стиль бояновых песнопений автор итожит выражением «чрес поля на горы». Обобщительный характер этого выражения означает, что оно не может рассматриваться как равнозначен-

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

ное предыдущим высказываниям. А это непременно получается, когда фразу

рища в тропу троянью чрес поля на горы

присоединяют к предыдущей последовательности образов:

скача славию по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы оба полы сего времени.

Образ «чрес поля на горы», взятый сам по себе, органично укладываются в описание автором песнопевческой манеры Бояна, являясь обобщающим аккордом этого описания.

С другой стороны, эти слова служат автору для описания песнопевческой манеры «того внука». Так чей же это **«внук»?** **Боянов.** Но не в том смысле, как об этом наугад рассуждал Орлов:

«того внука» мы понимаем как «потомку Бояна», то есть позднейшему поэту.

«Того внука» — это не просто поэт, позднейший по отношению ко времени жизни Бояна, а тот из них, кто следует бояновой традиции, иначе говоря: «устремляется (рыщет) в традицию (в тропу), присущую Бояну».

Выражение *«рища в тропу Троянию»* доставило переводчикам огромные неудобства. Жуковский, Максимович и Лихачёв перевели так:

«рыща тропою трояновой»,
«рыща по трояновой тропе»,
«рыща по тропе Трояна».

Но у автора-то написано не «тропою», не «по тропе», а написано **«в тропу!»** Указанные переводы означают: «рыская (*в поисках чего-нибудь*) по тропе Трояна». А у автора речь идёт о рыскании (поиске) не «чего-нибудь», а самой тропы, притом тропы не «принадлежащей Трояну», а тропы *«свойственной Трояну»*. Так что: *«Рища в тропу троянию»* это: «стараясь попадать (ногами, или в переносном смысле: *умом, воображением*) в тропу (или: в след), присущую (а не принадлежащую) Трояну».

Итак, весь фрагмент

рища
в тропу троянью
чрес поля на горы,
пети было
песь Игореви
того внуку

в дословном переводе:

200 лет тайны

стараясь попасть (ногами, умом, воображением)
в тропу (в след), присущую Трояну,
через поля на горы,
петь надо было бы («пети было»)
хвалу Игореву (хвалу, обращённую в Игорю)
того внуку (Трояна внуку!)

Обнаруживаем полное соответствие между тем, что говорит автор о «того внуке», и тем, что он должен был бы говорить о нём как о последователе Бояна, певца хвал (одопевца). Степень этого соответствия настолько изумительна, что употреблённому автором выражению *«рища в тропу»* существует в современном языке точное, практически дословное соответствие: *«устремляясь в след боянов, через поля на горы, петь бы хвалебную Игореву того последователю»*:

*Устремляясь в след боянов, через поля на горы,
петь бы хвалебную Игореву того последователю.*

Легко ли перепутать рукописное написание «Б» с рукописным написанием «Тр»? Да, нетрудно. В конце 15 века (список «Слова», приобретённый Мусиным-Пушкиным, датируют этим временем) «тр» писали в виде лигатуры: «т» над «р». Отсюда понятно, что при некоторой нечёткости написания нетрудно принять «Б» за лигатуру «т» над «р». В связи с неясностью смысла тех фраз, что включают «Трояна», Н.С.Тихонравов пытался заменить в трёх случаях «Трояна» на «Бояна» (исключение: «землю Троянию»). Почему же ни он, ни его оппоненты не увидели, что во фразе

рища в тропу трояню чрес поля на горы

такая замена выводит к истине прочтения? Потому, что мало заменить Трояна на Бояна, надо ещё уловить, что «рища в тропу» — это не «рыща по тропе» и тому подобное и не «рыская в путь» (Орлов); что восхваление боянского вдохновения («ската соловьём», «летая умом», «свивая славы») имеет иронический подтекст и именно этот подтекст подытоживается образом «чес-
рез поля на горы» (ныне: «галопом по европам» и т.п.); что «того внуку» — это не «Олега внуку». Выше мы уже наблюдали, что случайная оступка в истину так же далека от прорыва к истине, как и явные заблуждения. Только последовательное распутывание клубка неувязок оказывается способным обнажить и удостоверить истинное.

В случае написания неким переписчиком «Троянию» вместо «Боянию» трудно предполагать просто описку. Скорее всего, описка явилась результатом размышления переписчика при неясности прочтения буквы, какой вариант правильнее: «Бояню» или «Троянию». В итоге, не проникнув в грамматику текста и в образ-

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

ную суть выражений «рища в тропу» и «чрес поля на горы», но будучи в курсе существования «Троянова перевала», являвшего собою тропу, доступную лишь коню и пешеходу и поднимавшуюся высоко в горы (по Орлову), или же «*Tropheum Trajani*», возвышавшуюся в румынской степи (по Рыбакову), переписчик остановился на написании «Троян». Иначе говоря, есть основание полагать, что как в случае «мысию-мыслию», так и в случае «бояню-тряяню» описка переписчика не была машинальной.

Итак, перевод первого, второго и третьего фрагментов ПРЕДДВЕРИЯ:

*O Бояне, словушко старого времени!
Как бы ты такие воинства ущекотал,
скача словьём по древу воображения,
летая улом под облака,
свивая славы обеим концам сего времени!
Устремляясь в дух боянов,
через поля на горы,
петь бы хвалебную Игореву того последователю.*

«НЕ БУРЯ СОКОЛЫ ЗАНЕСЕ...»

Четвёртый фрагмент ПРЕДДВЕРИЯ. После «того внуку» автор приводит пример, как мог бы «внук» в согласии с бояновой традицией начать «песь Игореви»:

Не буря соколы занесе
чрез поля широкая
галици стады
бежать к Дону великому.

Перевод Жуковского:

Не буря соколов занесла через поля широкие —
галки стадами бегут к Дону великому!

Максимовича:

Не буря занесла соколов через поля широкие:
галки стадами летят к Дону великому!

Орлова:

Не буря соколов занесла через поля широкие,
галки стадами спешат к Дону великому.

Лихачёва:

Не буря соколов занесла через поля широкие —
стай галок летят к Дону великому.

200 лет тайны

Удивительна страсть переводчиков «Слова» пренебречь автором. Написано «бежать», то есть «бегут!» Нет, надо извернуть: «летят», «спешат»; «стада» у Лихачёва стало «стай».

У всех переводчиков знак препинания (тире, двоеточие, запятая) поставлен после слова «широкие». Переведём автора дословно, а знак препинания поставим по Жуковскому-Лихачёву:

Не буря соколов занесла через поля широкие —
галки стадами бегут к Дону великому.

Не получается ли, что автор говорит об Игоревом войске: то не «соколы», а бегущие к Дону «галочки стада»?

Повторим дословный перевод, но не будем определяться, какой знак препинания поставить после слова «широкие»:

Не буря соколов занесла через поля широкие
галочки стада бегут к Дону великому.

Отношение смыслов первого и второго предложений могут быть:

1. Первое предложение отрицает иносказание ради прямосказания второго предложения. В этом случае знак препинания между предложениями — *тире*.
2. Во втором предложении описывается результат события, изложенного в первом предложении. В этом случае знак препинания после первого предложения — *двоеточие*.
3. Смысл первого и второго предложений взаимно не связаны. В этом случае знак препинания — *запятая*.
4. Первое предложение даёт основу для событий, описываемых во втором предложении. В этом случае знак препинания — *точка*.

Первый вариант выше рассмотрен. Второй вариант:

Не буря соколов занесла через поля широкие:
галки стадами бегут к Дону великому.

Получается: «сокола», которых «не буря занесла через поля широкие», гонят «галочки стада» к Дону великому. Применительно к Игорю это неверно: он не гнал половцев к «Дону великому».

Третий вариант:

Не буря соколов занесла через поля широкие,
галки стадами бегут к Дону великому.

В этом случае получается простое перечисление несвязанных событий.

Четвёртый вариант:

Не буря соколов занесла через поля широкие.
Галки стадами бегут к Дону великому...

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

В этом случае читатель не сомневается, что поведение «галок» обусловлено «соколами», которых занесло. Но как именно? Почему «галки стадами бегут к Дону великому»?

Мы видим, что при постановке **любого** знака препинания после слова «широкие» **не получается** удовлетворительного смысла. Но что нас обязывает ставить знак препинания после слова «широкие»? В обсуждаемой фразе два предложения: одно на основе «не буря занесла», другое на основе «галки бегут». «Через поля широкие» равным образом можно присоединить как к первому, так и *ко второму* предложению.

Отнесем «через поля широкие» ко второму предложению:

Не буря соколов занесла.

Через поля широкие галки стадами бегут к Дону великому.

В восприятии появилось новое ощущение: **малочисленности «соколов», случайно** оказавшихся в чужих пределах (не буря их занесла, но причина, ей подобная по внераумности), и **многочисленности «галок», рассредоточенных на «широких полях»** и бегущих к Дону великому «стадами». «Стада галок» с большого пространства («полей широких») сбиваются в малое место (в район «Дона великого»). Возникает ощущение опасности для соколов от галок, каждая из которых слабее «сокола». Начертанная автором аллегория подготовлена им в ПОЧИНЕ и, в свою очередь, готовит читателя к последующему восприятию битвы дружины Игоря с половцами.

Почему автор эту запевку отнёс на совесть «последователя Бояна»? Потому, что в виде

Не буря соколы занесе чрез поля широкая
галици стады бежать к Дону великому

эта запевка не имеет ясного содержания; зато производит впечатление пышного восхваления «соколов»: «сокола» и «буря», «сокола» и «поля широкие»; тут и «Дон великий» под стать! В то же время противник — это «галки», это «стада», это «бегут».

Итак, видим **двойное назначение** попевки. В привычном интонационном делении — это пышная бессодержательная тирада, составленная из избитых выражений, свойственных бояновой традиции. Но при ином интонационном делении она же приобретает смысл. Этот смысл соответствует ситуации Игорева похода и даёт предчувствие событий этого похода.

«ЧИ ЛИ ВОСПЕТИ БЫЛО...»

Пятый и шестой фрагменты ПРЕДДВЕРИЯ:

**Чи ли воспети было, вещеи Бояне, Велесовъ внуче:
«Комони ржуть за Сулою
звенить слава в Кыеве
трубы трубять в Новеграде
стоять стязи в Путивле».**

Перевод Жуковского:

Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов:
«Ржут кони за Сулою,
звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде,
стоят знамёна в Путивле,
Игорь ждёт милого брата Всеволода!»
(одну строку Жуковский прибавил из продолжения)

Максимовича:

Или так было воспеть тебе, о вещий Боян, внук Велесов:
«Кони ржут за Сулою;
звенит слава в Киеве;
трубят трубы в Новгороде (Северском)»
(одну строку Максимович перенёс в продолжение)

Орлова:

Или так бы воспеть, (о) вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве»
(две строки Орлов перенёс в продолжение)

Лихачёва:

Или так бы начать тебе, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулоем — звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле!»

Первая строка:

Жуковский: «Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов»;
Максимович: «Или так было воспеть тебе, о вещий Боян, внук Велесов?»

Орлов: «Или так бы воспеть, (о) вещий Боян, Велесов внук?»;
Лихачёв: «Или так бы начать тебе петь, вещий Боян, Велесов внук?».

Дословный перевод первой строки таков:

Или так надо было бы воспеть, вещий Боян, Велесов внук?
120

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

Этот перевод буквально лежит на ладони, его не надо выдумывать. Почему же у переводчиков получилось, что автор самому Бояну предлагает начать так-то? Да потому, что выше теми же переводчиками была неправильно переведена строка

пети было песь Игореви того внуку.

Как помним, слова «Не буря соколы занесе...» они приписали «как бы Бояну». Поскольку текст потребовал вторую и первую попевки приписать одному и тому же лицу, то пришлось им снова изворачиваться — снова вводить в свои переводы местоимение «тебе», отсутствующее в авторском тексте.

«**Внук**», как и выше, переводчиками оставлен без перевода, хотя ясно, что под словом «внук» автор здесь понимает не вну́чное родство. Что же тогда? Очевидно, то же, что и выше, то есть «последователя», «ученика». Но так как Велес лицо мифологическое, то перевод «внука» словами «последователь», «ученик», «преемник» не подходит. Из того, что Боян назван «Велесовъ внуче», следует, что Велес покровитель песнопевцев. Порывшись памятью в лексике современного языка, можно догадаться, что «**внук**» при данном употреблении можно перевести словом «**наперсник**»:

**Или так воспеть надо было бы,
вещий Боян, Велесов наперсник?**

Слово «воспеть» сейчас значит: «прославить» кого-то своим песнопением. У автора оно имеет, возможно, дополнительный смысл: «начать песнопение».

Заканчивая обсуждение строки, обращаю ещё внимание, что автор здесь будто бы не дистанцируется от прозвывания Бояна «вещим». На самом же деле автор, уже вполне проявив ироническое отношение к Бояну и бояновой традиции, теперь в своё фамильярное обращение «вещей Бояне» влагает усмешку.

«КОМОНИ РЖУТЬ ЗА СУЛОЮ...»

Рассмотрим запевку:

Комони ржуть за Сулою
звенить слава в Кыеве
трубы трубять в Новеграде
стоять стязи в Путивле.

Жуковский, присоединивший к этой запевке строку

Игорь ждёт мила брата Всеволода

200 лет тайны

полагал, что в запевке описывается торжественное выступление Игорева войска в поход. **Максимович**, наоборот, отсоединил от запевки строку «Игорь ждёт мила брата Всеволода» и строку «стоять стязи в Путивле». Тем самым он только их отнёс к моменту выступления Игоря в поход. А о чём остальные торжества («звенить слава в Кыеве, трубы трубять в Новеграде»)?

В запевке упоминается река **Сула**. Это левый приток Днепра. Севернее Сулы были земли Руси, южнее — «опасная для Руси зона, откуда шло большинство половецких нападений» (Орлов). **Новгород**, о котором речь в запевке, — это **Новгород-Северский**, расположенный на самом севере нынешней Украины. Игорь был князем Новгород-Северского княжества. **Путивль** расположен значительно южнее Новгорода-Северского. Следуя походом из Новгорода-Северского в половецкие степи, Игорь с дружиною проходил Путивль.

Орлов отсоединил от запевки строку «Игорь ждёт мила брата Всеволода» и ещё две строки. То есть отнёс их к выступлению дружины в поход:

Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле,
Игорь ждёт милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод...

Запевку же Орлов ограничивает строками

Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве.

Орлов пишет в замечаниях к своему переводу: «Запевка дана как образец стиля победной песни Игорю». Если это так, то выражение

кони ржут за Сулою

должно означать возвращение войска в русские пределы, а слова

звенит слава в Киеве

означать, что слава об успешном походе доходит до первопрестольного Киева.

Лихачёв подаёт запевку в рамках:

Кони ржуть за Сулою
звенить слава в Кыеве
трубы трубять в Новеграде
стоять стязи в Путивле.

Переводит её:

Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле!

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

Смысл читается таким: войско **ещё только возвращается** из похода, а слава **уже долетела** до стольного Киева; в Новгороде (Северском) трубы трубят для оповещения жителей о скором возвращении войска после успешного похода, а в Путивле, стоящем первым на пути возвращающегося войска, готовы к его торжественной встрече.

Так думается. Но прочтём «**объяснительный перевод**» Лихачёва:

(Ещё только) кони (*вражеские*) ржут за (пограничною рекою) Сулою,
(а) слава (победы уже) звенит в Киеве;
трубы (ещё только) трубят (созывая войско) в Новгороде (Северском),
а стяги (уже) стоят в Путивле!

Даже обвыкнув к экспромтам Лихачёва, трудно устоять перед таким натиском фантазии. Оказывается, «кони ржут за Сулоей» — это *вражеские* кони. Чудно такое загадать. Когда друг за другом перечисляются: «слава в Киеве», «трубы в Новгороде», «стяги в Путивле» — что приходит на ум? Торжества по случаю победы. Торжества могут сопутствовать также выступлению войска, но «*слава*» — **только вести о победе**.

Казалось бы, толкование запевки элементарно. Но вот в чём гвоздь: такое толкование, по мнению переводчиков, противоречит окружающему тексту. Ведь до запевки речь шла и после запевки будет идти о начале похода. Отсюда, по мысли переводчиков, должно следовать: торжества, описанные в запевке, — это по случаю выхода войска. Жуковский так и решил понять и *для ясности* присоединил к ней слова: «Игорь ждёт милого брата Всеволода». Тем не менее, впечатление от слов запевки «звенит слава в Киеве» вынудило Максимовича отнести к выходу войска только слова: «стоят стяги в Путивле», а первые три строки признать за описание радости по случаю победы (*Игоревой предполагаемой*). Орлов, видя, что невозможно **первые две** строки запевки лишить смысла радости по случаю успешного возвращения из похода, ограничил запевку только этими двумя строками:

Кони ржут за Сулою,
звенит **слава** в Киеве.

Однако мудрёж с запевкой на том не кончился. «Чьи кони ржут за Сулою?» — вопросил Лихачёв. До сих пор такого вопроса не возникало. Но Лихачёву пришла идея порушить общеподразумеваемое и в объяснительном переводе он, осенённый, пишет:

(Ещё только) кони (вражеские) ржут
за (пограничною рекою) Сулою,
(а) слава (победы уже) звенит в Киеве.

От таких догадок, как говорится, «крыша едет»: уж не половцев ли «слава звенит в Киеве»? «Не боись, — возглашает Лихачёв-вождь:

трубы (ещё только) трубят (созывая войско)
в Новгороде (Северском),
(а) стяги (уже) стоят в Путивле!

Иными словами, согласно Лихачёву получается следующее:

половцы ещё только собираются напасть на русские земли, а слава предстоящей победы русских над половцами уже звенит в Киеве; тем временем в Новгороде трубят сбор войску для отражения неприятеля и дружинники спешно выскакивают из-за обеденного стола (днём) или натягивают штаны (ночью), а в Путивле (куда весть о половцах пришла раньше), уже и боевые знамёна подняли.

В «поэтическом переводе» Лихачёва вся эта фантастика выражена лаконично:

Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле.

Поди догадайся, что скрывается за проставленными тире!

А всё-таки зря на меня веселье накатило по поводу толкования Лихачёва. Кто углубится в толкование обсуждаемой запевки Б.А.Рыбаковым, тот, мне кажется, надолго простится со всяkim весельем.

Смысл запевки, её место в замысле автора становятся понятными только в свете наблюдения за нарастающей **иронией** автора «Слова». В самом начале «Слова» эта ирония лукаво скользнула в употреблении глаголов «растекашется», «помняшеть», «пущашеть» вместо «растекашеся», «путишше», «помняше»: «как бы растекался», «будто бы припомннал», «пускавал». Затем она растворилась в величальной Бояну, который «своя вещища персты на живая струны воскладаше». Отказавшись ранее назвать Бояна «вещим», автор вдруг с лёгкостью называет «вещими» бояновы пальцы (персты) и тем самым даёт понять, что Боян *отрещался* от внимания в произносимые слова и «живая струны» *сами* «князем славу рокотаху». Описав, что Боян припомннал в своих «песнях кому» от «первых времён усобицы», начиная с хвалы «старому Ярославу», автор заявляет: «**почиём же (и мы) от старого Владимира** (до нынешнего Игоря)», то есть: дадим своё видение событий от того же начала: от смерти «старого Владимира». Следом автор вводит «героя» своего «Слова», ко-

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

торый не лучше и не хуже тех, кому бояновы «живая струны» «сами славу рокотаху». Это «нынешний Игорь».

«Нынешний Игорь», по автору, мужественного сердца. Череда реплик «вдохновил ум крепостью своею», «отточил сердца своего мужеством» итожится словами «наполнившись ратного духа»; эта **наполненность ратным духом** находит себе дело: «наведе своя храбрыя полки на землю половецкую за землю русскую». В других случаях «наполненность ратным духом» находит себе дело в «**княжих крамолах**» (тоже с пристойными кличами), и автор ещё скажет об этом. Трудно не ощутить подспудно **иронии** в словах «наполнившись ратного духа».

Откуда взялась у Игоря эта «наполненность»? От «крепости» и «мужества сердца»? «Не будь этих качеств, — говорит автор, — на что бы опёрся Игорь, чтобы «наполниться ратного духа»? Но автор не договаривает всего... и заводит речь о знамении, случившемся, по датам летописей, на 9-ый день похода. Автор показывает, что Игорь, взвешивая худшее из ожидаемого, не вытерпливает мысли об отказе от начатого похода. А потому, махнув рукой на размышления, находит выход в **молодечестве**: «А!.. Всядем, братие, на свои борзыя комони да позрим синего Дону!».

После этих слов Игоря автор тут же поясняет, что в ум князю «вспала по хотимому жалость», так что против собственного же разума князь взял сторону соблазна. Но князю ещё предстояло покорить разум дружинников, и Игорь произносит перед ними молодеческую речь. И дружинники вынуждены были **поступиться разумом ради навязываемого молодечества**.

Тут автор **«нечаянно»** вспоминает Бояна: «О Бояне, соловию старого времени! Абы ты **сиа** полки ущекотал!», то есть восславил бы **«такие воинственные речи»** как описанная выше. А выше описано, что после знамения поход не был отменён по причине «жалости по хотимому», а не по причине крепости Игоря и мужества его сердца.

По внешности, автор вспомнил о Бояне потому, что у себя не нашёл слов, достойных Игоря, чья «наполненность ратного духа» не уступила даже знамению. По внутреннему же смыслу обращение к тени Бояна полно у автора едкой и скорбной иронии. В **одно целое** связывает автор *игорей* с их «хотимым» и **боянов**, утверждающих игорей на стезе «хотимого». Внешне это выглядит как **культ молодечества**.

Вторично обратившись к тени Бояна, автор не ограничивается уже общей обрисовкой его как песнопевца, а даёт образец вославления по Бояну **начала** молодеческого похода. Тут всё ясно: «мы» — «соколы», наши противники — «галки», которые «бе-

200 лет тайны

гут стадами». Но вот с концом-то молодеческого похода в случае Игоря «вышла заминочка-с»... Как в этом случае быть с «вещими перстами», которые «сами князем славу рокотаху»? Они должны бы рокотать:

«Комони ржуть за Сулою
звенить слава в Кыеве
трубы трубять в Новеграде
стоять стязи в Путивле».

То есть: возвращаясь из похода, дружина ещё только вступает в русские пределы, а слава уже долетела до великокняжеского Киева; в Новгороде (Северском), столичном городе Игоря, трубы возвещают ликование; а в Путивле, который ближе к границе, уже ждут героев («стоять стязи»). Но жгучая действительность явилась такою: всё войско Игоря перебито, все князья взяты половцами в плен, после разгрома Игоревых дружин половцы бросились на русские земли. Современникам жгло ухо напоминание о бояновых фанфарах в условиях переживавшейся ими горькой действительности. Перевод пятого и шестого фрагментов **ПРЕДДВЕРИЯ:**

*Или так надо было бы воспеть,
вещей Бояне, Велесов наперсник:
«Кони ржут за Сулою. —
Звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новгороде,
подняты знамёна в Путивле»??!*

Этим издевательским полным энергии вопросом к Бояну автор заканчивает ПРОЛОГ и приступает к «*той песни исконными словами горьких повестей о полку Игореве*», о которой предупреждал, что поведёт её «по былинам сего времени а не по замышлению бояню».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «СЕГО ВРЕМЕНИ»

Просмотрим ещё раз ПРЕДДВЕРИЕ. Поскольку речь в нём идёт о «хвалах» Бояна воинствам князей, то каждая такая «хвала» («песь») заключает в себе события, находящиеся в рамках: **начало** похода — **завершение** похода. Прославление начала связано с надеждами, прославление завершения — с конечными успехами. О свитии Бояном слав началу и концу похода говорит автор в строке:

*свивая славы обаполы (обеим концам)
сего времени (времени похода).*

ПРОЛОГ: ПРЕДДВЕРИЕ

Именно после этих слов автор даёт два образца «слав» по Бояну: образец воспетия по Бояну начала похода и образец воспетия по Бояну завершения похода. Перевод ПРЕДДВЕРИЯ закончен:

*О Бояне, соловушко старого времени!
Как бы ты такие воинства ущекотал,
скача соловьём по древу воображения,
возносясь умом под облака,
свивая славы обеим концам сего времени!
Устремляясь в дух боянов, через поля на горы,
петь бы хвалу Игореву того последователю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие
галки стадами бегут к Дону великому...».
Или так надо было бы воспеть,
вещей Бояне, Велесов наперсник:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде,
подняты знамёна в Путивле»??!*

Никто из переводчиков и толкователей не заметил необходимости мощной вопросительной интонации в завершении ПРЕДДВЕРИЯ.

Часть VI. ПРОЛОГ: Заключительное

ПЕРЕСТАНОВЩИКИ СЦЕНЫ СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ.

Рассмотрение ПРОЛОГА закончено. Но вот оказия. Начиная с А.Ф.Потебни (1877 г), образовалась целая линия исследователей, жаждущих переставлять некоторые куски «Слова» с их наличного места в некое другое (*Потебня, Соколовский, Перетц, Гудзий, Дмитриев-Кельда, Рыбаков и другие*). В ПРОЛОГЕ таким куском является сцена солнечного затмения. В мусин-пушкинской рукописи «Слова» она якобы оказалась не там, где была у автора. В итоге такие толкователи выдирают её из ПОЧИНА, оставляя от него только первое предложение:

Почнём же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством; наполнився ратнаго духа, наведе храбрыя свои полки на землю половецькую за землю руськую.

Далее сцена затмения выдрана и сразу переход к:

О Бояне, соловиу старого времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача славиу по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу троянию чрес поля на горы (и так далее).

Отметим, что перестановщики, поэтически глухие, не улавливают, сколь пустозвонным стал шаг от ПОЧИНА, сведшегося к одному предложению, к последующему восклицанию «О Бояне!», которым начинается ПРЕДДВЕРИЕ.

И пошло и поехало. Оставшуюся фразу ПОЧИНА Б.А.Рыбаков, современный глашатай перестановок, объявляет грамматически неуклюжей, потому что ахание «О Бояне, соловиу старого времени, абы ты сиа полкы ущекотал...» (*вспомним, что все переводчики прошли мимо иронии автора — эмоционального стержня ПРОЛОГА*) не может относиться к Игорю. Не может автор, размышляет Рыбаков, захлёбываться восторгом в адрес Игоря, положившего всё своё войско и пересевшего «из седла злата, а в седло кощиеvo» (попавшему в плен половцам); восхваление доблести может быть относимо только к «старому Влади-

ПРОЛОГ: Заключительное

миру», а под «старым Владимиром» в этом случае должен пониматься непременно Владимир Мономах, успешно ходивший на половцев.

Видя, что слова

...иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужеством;
наполнився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя полкы
на землю половецьку за землю руську

относятся грамматически не к «старому Владимиру», а к «нынешнему Игорю», Рыбаков объявляет про них:

добавлено грамматически неуклюже, так что при первом взгляде создаётся впечатление, что хвалебные слова относятся к Игорю, а не к Владимиру.

А как «неуклюжесть» совместить с признанием гениальности поэта? Ответ Рыбакова «прост»:

Не будем винить гениального автора, у которого каждый образ, каждая метафора, каждое слово подчинены величайшей гармонии всей поэмы, а вспомним переписчика летописи Лаврентия (1377 г), писавшего: «И ныне, господа, отци и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая Бого деляя, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод не дошёл».

Короче говоря, оставшаяся от ПОЧИНА единственная фраза писана не автором «Слова», а сплетена каким-нибудь Лаврентием, у которого «ум молод не дошёл».

Подытожим Рыбакова:

восторг автора может относиться только к «старому Владимиру»;
поэтому оставшаяся от ПОЧИНА фраза составлена неуклюже;
потому же «старый Владимир» это Владимир Мономах.

Рыбаков последователен. Перед панегириком («О Бояне, соловию...») ему хотелось бы прочесть *хоть что-нибудь* о славных деяниях Владимира Мономаха, а не только «неуклюжее» «иже истягну умъ... за землю руську». И он заговаривает (тоже не первый) о «потерянной странице»:

Одним из частных вопросов, прямо связанных с проблемой конструкции «Слова о полку Игореве», является трудный вопрос, которому можно дать условное наименование — «утерянная страница»... Об этом ещё в 1853 году писал С.М.Соловьёв: «Здесь с первого взгляда очевиден пропуск, ибо сочинитель обещал начать повесть от старого Владимира; мы необходимо должны предположить здесь рассказы о борьбе Мономаха и по-

200 лет тайны

следующих князей с половцами и потом естественный переход к походу Игоря».

Как выше выясено, словами «от старого Владимира до нынешнего Игоря» автор не обещал начать Владимиром и кончить Игорем. Нет ничего о деяниях Владимира Мономаха ни перед панегириком, ни вообще где-нибудь на протяжении «Слова». Не считать же за описание деяний Мономаха единственное о нём упоминание в «Слове»:

а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове.

Чтобы понять потребность некоторых толкователей убрать сцену солнечного затмения из ПОЧИНА, нужно выйти за пределы ПРОЛОГА. По окончании ПРОЛОГА автор переходит к последовательному описанию событий похода, начиная со сцены, предваряющей выход Игоря в поход:

Игорь ждёт мила брата Всеволода.
И рече ему буй тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорю.
Оба есве Святославлича.
Седлай, брате, свои борзыи комони,
а мои ти готови, оседлани у Курска напереди.
А мои ти куряни сведоми кмети:
под трубами повити,
под шеломы взелеяны,
конець копия вскормлени;
пути имъ ведоми,
яругы имъ знаеми,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени.
Сами скачуть, аки серыи волци в поле,
ищучи себе чти, а князю славе».
Тогда вступи Игорь князь в злат стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше,
нощь стонущи ему грозою птичь убуди,
свист зверин вста...

Содержание: Игорь, готовясь к выходу в поход, ждёт брата Всеволода. Брат, явившись, привносит атмосферу определённости: его воины к походу готовы, они молодцы как на подбор, испытанные и сведущие. Братское тепло обращения Всеволода довершает картину надёжности. Так что вступает Игорь-князь в «злат стремень» и едет по чистому полю. Поход начался. Но путь дружины Игоря изобилует растворённой вокруг тревогой, в том числе случившимся затмением солнца.

Итак, в ПОЧИНЕ автор написал:

ПРОЛОГ: Заключительное

Почнём же, братие, повесть сию... до нынешняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя полки на землю половецкую за землю руськую. Тогда Игорь *возре* на светлое солнце и *виде*: от него тъмою вся своя воя прикрыты.

В обычном переводе:

Почнём же, братие, повесть сию... до нынешнего Игоря, который... навёл свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую. Тогда Игорь *возрел* на светлое солнце и *увидел*: от него тъмою все его воины прикрыты.

Получилось, что в ПОЧИНЕ автор уже начал изложение похода. Поэтому, когда после ПРЕДДВЕРИЯ он вдруг заявляет, что «можно седлать коней в поход», толкователи растерялись. Рыбаков пишет:

Н.К.Гудзий с полной непреложностью показал, что невозможно полагать, будто бы автор сначала говорил о затмении во время похода, а потом сказал о том, что можно седлать коней в поход.

Выше было показано, что в ПОЧИНЕ сцена затмения показана автором как *признак «нынешнего Игоря»*. А после ПРОЛОГА автор повествует о *действиях* Игоря. Из-за непонимания этого разгорелся и держится весь сыр-бор.

Вслед за предшественниками, Рыбаков поместил сцену солнечного затмения, вырванную им из ПРОЛОГА, сразу после речи Всеволода. Получилось:

Игорь ждёт мила брата Всеволода. И рече ему буй тур Всеволод: «Один брат... ищучи себе чти, а князю славе». Тогда Игорь *возре* на светлое солнце и *виде*: от него тъмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино... а любо испити шеломом Дону!» Тогда Игорь князь вступи в злат стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди, свист зверин вста...

То есть: Игорь ждёт брата Всеволода. Явившись, Всеволод произносит тёплую и самоуверенную речь. «Тогда» Игорь смотрит на солнце, видит затмение и произносит молодеческие слова. «Тогда» Игорь вступает в злат стремень и едет по чистому полю.

Перестановщики не заметили скудоумия этих «*тогда*» в лоне произведения, называемого великим? Во-вторых, получилось противоречие соседних текстов: с одной стороны, Игорь увидел затмение и «*тогда*» вышел в поход; с другой стороны, Игорь вышел в поход и *тогда* «солнце ему тъмою путь заступало». Как этого было не заметить!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО.

Итак, двести лет толкования ПРОЛОГА всеми лучшими специалистами древнерусской словесности запутали его понимание до такой степени, что, оставаясь в рамках накопленной ими учёности, можно только изыхать в сопоставлении противоречивых мнений. Обзор этих мнений (однако не всех имеющихся!) предоставляет интересующимся 5-томная «Энциклопедия Слова о полку Игореве» (1995г).

Пример того, как непросто бывает правильно протолковать поэтически выстроенные слова автора, приводит в своих «Воспоминаниях» Афанасий Фет (Шеншин). Приведу полностью этот отрывок его «Воспоминаний»:

Весьма забавно передавал Тургенев в лицах недоумения и споры, возникавшие в кругу моих друзей по поводу объяснений того или другого стихотворения. Всего забавнее выходило tolkование стихотворения:

«О не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык»...

кончающегося стихами:

И не зови, но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу
И за тобой!

Каждый, прислушиваясь к целому стихотворению, чувствовал заключающуюся в нём поэтическую правду, и она нравилась ему, как гастроному вкусное блюдо, составных частей которого он определить не умеет.

— Ну позвольте! Не перебивайте меня! — говорит кто-либо из объясняющих. — Дело очень просто: не зови меня, мне не следует идти за тобою, я уже испытал, как этот путь гибелен для меня, а потому оставь меня в покое и не зови.

— Прекрасно! — возражают другие, — но почему же вы не объясняете до конца? Как же связать «о не зови» с концом:

«я как дитя заплачу
И за тобой!»

Ясно, что эта решимость следовать за нею в противоречии со всем стихотворением.

— Да, точно! — в смущении говорит объяснитель, и всеобщий хохот заглушает слова его.

— Позвольте, господа! — восклицает гр. Л.Толстой. — Это так просто!

Но и на этот раз толкование приходит в тупик, покрываемое общим хохотом.

Как это ни невероятно, среди десятка толкователей, исключительно обладавших высшим эстетическим вкусом, не нашлось ни одного, способного самобытно разъяснить смысл стихотворения; и каждый, раскрыв издание 1856 года, может убедиться, что знатоки, не справившись со стихотворением, прибегли к ампутации и отрезали у него конец. А кажется, легко было понять, что человек влюблённый говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о её власти над ним. «О не зови — это излишне. Я без того, заслышиав песню твою, хотя бы запетую без мысли обо мне, со слезами последую за тобой».

Обратим внимание, что в стихе, приведённом Фетом в качестве примера, все слова, грамматика и стилистические отношения соответствуют эпохе толкователей. Не в разнице эпох оказалось дело, а в глубине личностного различия людей. Никто из друзей Фета не проявил должной способности проникнуть в его личностную логику, проявившуюся в данном поэтическом эпизоде. У редакторов его стиха было больше возможностей углубиться в постижение смысла. Но и они, несмотря на то, что Фет был уже знаменитым поэтом, и несмотря на то, что они держали в руках несомненный авторский текст, не решились выдать публике авторский стих, а предпочли выдать стих лишь в пределах понятого ими.

Выше была прослежена незаурядная поэтическая тонкость в движении авторской логики на протяжении ПРОЛОГА. Достаточным оказывается даже небольшого отступления от авторского высказывания — и толкователь попадает на «наклонную плоскость», катящую его ко всё большему непониманию авторского смысла. Затруднительно приводить отдельные примеры этому, так как каждый шаг анализа, составляющего содержание данной работы, тому свидетельством.

Вот хотя бы перевод слов «*рече Игорь к дружине своей*». Казалось бы, не всё ли равно: перевести эти слова как «*сказал Игорь дружине своей*» или как «*обратился Игорь к дружине своей*». Первое приходит на ум всегда, так как перевод «*рече*» словом «*сказал*» относится к числу обычных. Второе не приходит на ум вовсе, так как единственным ключиком к нему является предлог «*к*» у автора; нет ничего легче, чем списать наличие этого предлога на «древнерусское своеобразие». Так является маленькое искривление авторской поэтики. Следующая фраза «*луче ж бы потяту быти, неже полонену быти*». Если её «перевести» авторскими словами («*лучше ж бы убиту быть, нежели полонёнуть быть*»), то сознанием улавливается шероховатость в прилегании

200 лет тайны

её к предыдущей фразе в обычном её переводе: «**сказал Игорь дружине своей**». Переводчики это слышат и поэтому чуть-чуть, в пределах наивности, подправляют авторскую фразу и переводят: «**ведь лучше убитым быть, чем полонённым быть**». Затем у автора фраза: «*a всядем, братие, на свои борзые комони*». В русле логики, получившейся из перевода двух предыдущих фраз:

(И сказал Игорь дружине своей:
весь лучше убитым быть,
чем полонённым быть)

третья фраза уже не поддаётся толкованию. Тогда переводчики «разрубают гордиев узел», то есть уже не «невинно», а вполне осознанно подправляют автора:

«так всядем, братие, на свои борзые кони»,

глубоко переиначивая строй авторской поэтической мысли. Если реставраторы картин как правило вытравляют из полотен великих живописцев тот дух, что означал великого мастера, то переводчики ПРОЛОГА «Слова о полку Игореве» предоставили читателю, можно сказать, **куклу** оригинала.

Опора на смысловые, стилистические и грамматические отношения дала мне возможность пройти к точному смыслу слов и фраз автора. Этот подход явился главным моим орудием. В русле самого этого орудия мне довелось сделать два важных для перевода наблюдения: во-первых, обнаружить, что «*-ть*» в конце третьего лица *имперфекта* («растекашется», «помняшеть», «пущашеть» и так далее) придаёт глаголу **повышенный оттенок неопределённости**; во-вторых, обнаружить в *аористе* («истягну», «поостри», «наведе», «рече», «виде» и так далее) особенность, позволяющую **действие, им обозначенное, использовать как признак**. Из-за этого обыкновенный перевод аориста глаголом совершенного вида прошедшего времени может повести к искажению стилистики и даже смысла оригинала. Если бы Рыбаков, Гудзий и другие были в курсе указанной особенности аориста, им пришлось бы согласиться, что нет ничего страшного в том, что «автор сначала говорил о затмении во время похода, а потом сказал, что можно седлать коней в поход». Дело в том, что в сцене с затмением **аорист позволил автору подать поход не как действие, а как отличительный признак того Игоря, о котором речь**.

Выше прослежены повороты мысли «перестановщиков». Многие учёные возражали «перестановщикам», утверждая, что в «Слове о полку Игореве» все тексты на своих местах. Назову таких учёных «целостниками». К их числу относится, в частности, ак-к Лихачёв.

ПРОЛОГ: Заключительное

На примере Лихачёва покажу, как на практике осуществляется защита «целостниками» своей позиции. Закончив ПРОЛОГ, автор приступает к собственно рассказу о «полку Игореве», то есть к последовательному описанию событий:

Игорь ждёт мила брата Всеволода.
И рече ему буй тур Всеволод:
«Один брат... ищучи себе чти, а князю славе».
Тогда вступи Игорь князь в злат стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
ночь, стонущи ему грозою, птичь убуди;
свист зверин вста...

Лихачёв в объяснительном переводе пишет:

(И вот) ждёт Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод: «Один брат...». Тогда (после встречи с Всеволодом) вступил Игорь-князь в золотое стремя (выступил в поход) и поехал по чистому полю. (Хотя незадолго до этого) солнце ему тъмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность)...

О какой встрече Игоря со Всеволодом говорит автор «Слова»? Из речи Всеволода следует точно: о встрече, состоявшейся до выхода Игоря в поход из Новгорода-Северского, так как войско Всеволода во время этой встречи находится в своей исходной точке — под Курском («у Курьска напереди»). Братья встречаются, чтобы перед выходом в поход из разных мест окончательно согласовать действия. Согласно летописи, на девятый день похода Игоря, к вечеру, перед переходом его через Донец, случилось затмение солнца.

Лихачёв же в своём «объяснительном переводе» пишет, что солнце Игорю «тъмою затмения путь заграждало» незадолго до его выхода в поход, то есть отсчитывает поход Игоря от встречи войска Игоря и войска Всеволода на Осколе, при его впадении в Донец.

Для чего потребовалось Лихачёву искажение написанного автором? Чтобы заявить, что автор, дескать, последователен: сначала сказал, что Игорь навёл свои полки на землю половецкую и там случилось затмение, а потом описал встречу Игоря со Всеволодом на земле половецкой и, по слухам, вспомнил о затмении, случившемся перед этим.

Из этой подтасовки Лихачёва следует, что, как и «перестановщики», он откровенно видел, что автор «Слова» сначала сказал, что Игорь навёл свои полки на землю половецкую и там стал свидетелем затмения, а потом сказал, что надо седлать коней в поход. Поскольку такого не может быть, Лихачёв пустил

200 лет тайны

ся в переиначивание написанного автором. Какая удобная мишень для «перестановщиков» такие «защитники» целостности!

А вся путаница из-за того, что смысл древнего аориста не понят специалистами по древнерусскому языку. С помощью аориста автор «Слова» подал поведение Игоря в сцене солнечного затмения *не как действие, а как признак «нынешнего Игоря».*

«СТАРЫЙ ВЛАДИМИР»

Вопрос о «старом Владимире» выше уже решён. Всего лишь два раза упоминается в «Слове» «старый Владимир». **Первый** раз — в начале ПОЧИНА:

Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже...

Второй раз — перед «плачем Ярославны»:

О, стонати руской земли,
помянувшe первую годину и первых князей!
того *старого Владимира*
Нельзя бе пригвоздити к горам киевськым...

Остановимся на **первом** упоминании «старого Владимира». Частица **«же»** в этом предложении является усилительной, равноценной по смыслу частице **«так»**:

Так почнём, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря!

В этом предложении, с одной стороны, выражается готовность приступить к «сей повести»; с другой стороны — о временных рамках «сей повести» («от старого Владимира до нынешнего Игоря») говорится как о **предуказанных**.

Где же состоялось это предуказание? Вот: Боян, когда хотел творить песнь кому, обращался памятью к первых времён усобице и поминал в этой связи «старого Ярослава» (ум.1054), «храброго Мстислава» (ум.1036), «красного Романа Святославича» (ум.1079). Фразою «почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира» автор ставит для себя ту же **самую начальную границу** для охватываемых событий, что и Боян. Опять мы видим излюбленный автором приём приравнивания высказываний. В данном случае:

«речь первых времен усобице» = «от старого Владимира».

Отвергая бояново видение текущей истории, автор желает заменить его своим видением той же истории и показать, как горькое настоящее вызревало в недрах прошлого.

ПРОЛОГ: Заключительное

Итак, автор определяет «первые времена» эпохой «старого Ярослава», ставшего великим киевским князем вскоре после смерти Владимира Святославича. Ограничивая себя рамками только тех событий, что происходили после смерти Владимира Святославича, автор сообщает: «повесть сия» будет в рамках от «старого Владимира».

Во-вторых, ранее говорилось, что словами

«повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря»

автор не объявляет, что он начнёт «повесть сию» «старым Владимиром» и закончит её «нынешним Игорем». Автор обещал быть в рамках «от старого Владимира», то есть в охвате событий не идти далее «усобицы первых времён», то есть далее эпохи «старого Ярослава». Это обещание он выполнил.

Обратимся ко второму упоминанию «старого Владимира». Этому упоминанию предшествует большой рассказ о перипетиях Всеслава Брячиславича, выдающегося полоцкого князя. Большое внимание, удалённое ему автором, объясняют тем, что русские князья времени похода Игоря были потомками только двух князей «первых времён»: «старого Ярослава» и Всеслава полоцкого. Закончив рассказ о Всеславе, автор следом восклицает:

О, стонати руской земли,
помянувшe первую годину и первых князей!
Того старого Владимира
Нельзя бe пригвоздити к горам киевьским...!

Иначе говоря, пока автор живописал образ деятельного, предпримчивого, неунывающего Всеслава, князя «первых времён», этот образ так возгорелся перед мысленным взором автора, что у него вздохом вырвалось воспоминание о самом «старом Владимире», которого, подобно незабвенному Всеславу, «нельзя бe пригвоздити» к своему стольному граду.

Рыбаков настаивает, что упомянутый автором «старый Владимир» — **Владимир Мономах**. За этим чувствуется настояще смятение его как историка: Как, мол, так: автор говорит о бедах, понесённых Русью от половцев, призывает русских князей к единению перед лицом половецкой опасности, а имя Владимира Мономаха, прославившегося именно тем, что умел объединить русских князей в борьбе против половцев, успешно половцам противостоявший, всего лишь один раз, и неврачно, упоминается автором?! Вот это единственное упоминание Владимира Мономаха в «Слове»:

Той бо Олег мечем крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.

Ступает в злат стремень в граде Тмуторокане

тоже звон слыша давный великий Ярославъ
сын Всеволожъ а *Владимир*
по вся утра уши закладаше в Чернигове.

В «Слове» упоминается ещё один Владимир. Когда половцы после разгрома дружины Игоря бросились на русские земли, то одного из князей, противостоявших половцам, звали Владимир:

Се у Рим кричат под саблями половецкыими,
а *Володимир* под ранами.
Туга и тоска сыну Глебову!

Как Владимир, известный нам под прозвищем «Мономах», индивидуализирован автором через имя его отца Всеволода, так и этот Владимир уточнён автором через имя его отца Глеба.

Только «старый Владимир» уточняется автором через отношение к историческому времени: этот Владимир предшествовал «первых времён» усобице, как это следует из ЗАЧИНА и первых слов ПОЧИНА. От «старого Владимира» автор отсчитывает историческое время Руси. Из слов

Боян... помняшеть бо речь первых времен усобице

возможно следует, что такое видение было присуще также Бояну, творившему за 100 лет до Игорева похода. Означают ли слова «первых времен усобице», что историческая память автора не простирается дальше времён «старого Ярослава»? Едва ли. Скорее, речь идёт о первых временах после рубежного в государственном отношении события. Под этим событием, может быть, подразумевается введение христианства на Руси.

Итак, Рыбаков «первые времена» жаждет связать с эпохой Владимира Мономаха (**100-60 лет до похода Игоря**).

Лихачёв же по поводу слов

О, стонати руской земли,
помянувшe первую годину и первых князей!

перечисляет князей, живших ДО Владимира Святославича (за 200-250 лет до похода Игоря). Он пишет в «объяснительном переводе»:

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (ещё до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира).

В противоречии с текстом «Слова» Лихачёв перечисляет в качестве «первых князей» не тех князей, которых упомянул автор «Слова» как князей «первых времён усобицы», а тех, которых в качестве *первых князей* перечисляет летописный свод «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ». Отсюда видно, что со взглядаами «Повести временных лет» Лихачёв знаком. А «Слово о полку

ПРОЛОГ: Заключительное

Игореве» Лихачёв читал? Автор «Слова» пишет: «первых времен усобице» и перечисляет в этой связи: «старого Ярослава», «храброго Мстислава», «красного Романа». Автор описывает перипетии Всеслава, *жившего в то же время*, и завершает это описание восклицанием

О, стонати руской земли,
помянувшe первую годину и первых князей!

Если после этого полагать, что в «Слове о полку Игореве» названы «первыми князьями» не князья усобыцы «первых времён», а предшественники «старого Владимира», то как это назвать: «смотреть в книгу видеть фигу»?

Часть VII. НАЧАЛО: Выход в поход

ВСТРЕЧА ИГОРЯ СО ВСЕВОЛОДОМ ПЕРЕД ВЫХОДОМ В ПОХОД

ПРОЛОГ «Слова о полку Игореве» явился неодолимо крепким орешком для толкователей и переводчиков. Дальнейший текст «Слова» кажется гораздо легче для понимания.

Рассказ автора о собственно Игоревом походе начинается описанием встречи Игоря и Всеволода:

Игорь ждет мила брата Всеволода.
И рече ему *буй тур* Всеволод:
«Один брат один свет светлый ты, Игорю;
оба есве Святославличя.
Седлай, брате, свои борзыя комони,
а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни сведоми кмети:
под трубами повити,
под шеломы взлеленияи,
конецъ копия вскормлени;
пути им ведоми,
яругы им знаемы,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изострени,
сами скачут, акы серыи волцы в поле,
ищучи себе чти, а князю славе»

Первое неясное выражение здесь — «буй тур». **Лихачёв** переводит выражение «буй тур Всеволод» словами «буйный тур Всеволод». Однако исторический Всеволод Святославич, брат Игоря, в буйстве или буйнстве замечен не был. Напротив: в летописи сказано о нём с большой симпатией:

Во Ольговичех всих удалее рожаем и воспитаньем и возрастом и всею добротою и мужественою доблестью и любовь имеяще ко всим.

Другие авторы выражение «буй тур» не переводят, оставляя читателя в замешательстве относительно смысла этого эпитета.

НАЧАЛО: Выход в поход

Что же означает «буй тур»? «Тур» — дикий родственник наших быков и коров. В те времена тур был распространённейшим животным Европы. Охота на туров требовала мужества и ловкости. Сейчас это животное стёрто с лица Земли. Последний тур был застрелен в Беловежской Пуще в начале 20 века. Выражение «буй тур» — у автора *лестный* эпитет, им подчёркивается сочетание силы и подвижности, мужества и воинственности.

Для правильного перевода выражения «**буй тур**» присмотримся, каким раскрывается князь Всеволод в словах, обращённых к Игорю. Всеволод предстаёт князем, жаждущим скорейшего выхода в поход, уверенным в себе, в выучке и в преданности своих молодцев. Если бы Лихачёв так подошёл к осмыслинию выражения «буй тур», ему пришло бы на ум не «буйный тур», а нечто иное: «воинственный», «боевитый», «боевой», «боелюбивый», «могутный», «добролестный».

Характеристику Всеволода «буй тур», соотнесённую с его речью к Игорю, автор «Слова» в дальнейшем поднимает, когда показывает самоотверженное упоение Всеволода боем с половцами. Здесь автор называет Всеволода уже не «буй тур», а «яр тур», то есть «яркий», «разъярённый» тур.

Эпитетом «*буй*» автор «Слова» награждает также Игоря при своём обращении к князьям Рюрику и Давыду:

Вступита, господина, в зата стремень
за обиду сего времени, за землю русскую,
за раны Игоревы, *буего Святославлича!*»

Здесь «буого» согласно окружающему тексту имеет смысл: «дерзкого» (от слова «дерзать», а не «дерзить»), «воинственного», «нетерпеливого», «отважного».

«Есве» — *двойственное число* от «есть». Фразу «оба есве Святославичя» переводят как «оба мы Святославичи». Два раза употребляет автор выражение «*a moi ti*». «Ти» означает «те». Однако в первом случае («а мои ты готови») слова «мои ты» резонно перевести не как «мои те», а как «мои-то». «Кмети» переводится как «молодцы» (полновозрастные воины из «хороших семей»). Слова «повити» ныне нет, но сохранились выражения «повивальная бабка», «повитуха» (бабка или женщина, принимающая роды). «Яругы» это «овраги», «балки». Итак:

*Игорь ждёт милого брата Всеволода.
И сказавши был ему доблестный Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорю,
оба мы Святославичи.
Седлай, брате, своих борзых коней.
А мои-то? Готовы, оседланы у Курска напереди.*

*А мои те куряне сведущие молодцы:
под трубами на свет приняты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены.*

*Пути им ведомы,
овраги им знаемы.
Луки у них напряжены,
тулы отворены,
сабли изострены.*

*Сами скачут, что серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы!»*

Фразу «конецъ копия вскормлены» Максимович, Лихачёв в «поэтическом переводе», Рыбаков переводят как «с конца копья вскормлены». За этим стоит непонимание фразеологии русского языка. Авторский образ «конецъ копия вскормлены» имеет в виду не кормёжку воинов с конца копья, а натренированность воинов в нападении копьём и в защите от нападения копьём. Так что воины Всеволода «вскормлены» не с конца копья, а самим концом копья. Примечательно, что поэт Жуковский правильно перевёл: «концом копья вскормлены».

Далее. Я не стал переиначивать исконно русское «тулы» на позднее заимствование из тюркского: «колчаны» (так у Лихачёва). Древнерусское «тула» запечатлено в названии русского города Тула, исконного города-оруженосца. Кроме того, по сию пору существуют слова «притулить», «притулиться», а также «тыл». Всеволод рисует картину готовности своего войска к бою, в том числе говорит: «луци у них напряжены». В этой связи обращу внимание: обычно луки у воинов были расслаблены, приспущенны; только перед боем они натягивались, напрягались.

До какой степени можно верить в историческую достоверность описания автором «Слова» встречи Игоря со Всеволодом перед выходом в поход? Ипатьевская летопись о такой встрече не упоминает, указывает только, что братья вышли из разных мест: Игорь из Новгорода (Северского), Всеволод из Курска. Их дружины соединились лишь в месте впадения Оскола в Донец. Отсюда полагают, что братья сносились перед походом через гонцов. Так это или нет, не столь важно. Автор «Слова» верен исторической канве, а не малозначащим деталям. Автору важно соблюсти последовательность в развитии сюжета и последовательность в психологическом развёртывании лиц и ситуаций. Указанием на условность речи Всеволода является у автора глагол «рече»: Всеволод не «сказал» Игорю (тогда было бы «ркоша»), а «сказавши был», то есть: «сказал нечто, сводимое к следующим словам». После «рече» автор приводит «слова Всеволода».

«ЗБИ ДИВ...»

После речи Всеволода:

Тогда вступи Игорь князь в злат стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь, стонущи ему грозою, птичь убди,
свист зверин *в стазби*,
див кличет верху древа

Текст видится почти понятным. За исключением «*в стазби*» в издании 1800 года. Сначала было понято, что «*в стазби*» надо переделать в «*вста зби*». В этом случае получается осмыщенное предложение: «свист зверин *вста*» («свист зверин поднялся»). Дальше тоже понятно: «див кличет в верху дерева», то есть *на макушке* дерева. Но «*зби*» долго оставалось непонятным. Лихачёв «*зби*» подправил в «*збися*», понял как «забился», перевёл:

Свист звериный встал,
встрепенулся див, кличет на вершине дерева.

По смыслу перевод правдоподобен, но всё-таки: у автора написано «*зби*», а не «*збися*». Опять «ошибка переписчика»? Рассмотрим.

Что такое «див»? Очевидно, что это существо мифическое и по облику див птицеподобен, так как сидеть на макушке дерева и кликать — птичье дело. Теперь обратим внимание: многие птицы перед или во время пения бьют крылами (петух перед «кукареку», скворец во время своих трелей). Так и в случае дива: не «забился» див (у него не падучая болезнь), а «*забил (крылами)*». Незачем, оказывается, подправлять древнерусский текст, у автора написано точно. Перевод:

Свист зверин встал (поднялся),
забил див, кличет в верху дерева.

Выше разъяснено, что означает «*зби див*». Но получившийся перевод этого ясного смысла почему-то не несёт, так что у читателя непроизвольно всякий раз возникает недоумённый вопрос: что такое «забил див»? Переведём поэтому несколько иначе:

свист зверин поднявшись был,
забивши был див, кличет в верху дерева.

Картина ожила, недоумение исчезло. Как видим, опять помог перевод аориста («*зби*») сложной глагольной формой: «*забивши был*».

«И ТЕБЕ, ТМУТОРАКАНСКИЙ БОЛВАН!»

Продолжим:

**Зби див, кличет връху древа,
велит послушати земли незнаеме
Влъзе, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, тъмутораканъский блъван!**

Див велит послушать: Волге, Поморию, Посулию, Сурожу, Корсуню (Сурож на месте нынешнего портового городка Судак в Крыму, Корсунь в черте Севастополя).

Ещё див велит послушать «тебе, тъмутораканъский блъван». Что значит «тъмутораканъский блъван»? Нынешним читателем это выражение воспринимается как пренебрежительное обращение автора к некоей личности, каким-то образом связанной с Тмутораканью (древним городом в районе, полагают, нынешней Тамани, городка близ Керченского пролива). Но вот справка Орлова:

Слово «бъльван», «блъван» часто встречается в юго-славянской и русской книжности, соответствуя греческим словам, обозначающим *столп, статую, идола*.

Слово «болван» сохранилось в нынешнем языке у чехов в значении «глыба камня», у сербо-хорватов — «бревно, брус». В русском языке на заводах употребляется слово «болванка» в значении «заготовка» (сравни: «брёвнышко, бруск»). Перевод слова «**болван**» словами «столп», «истукан», «идол» общепринят.

Орлов и Лихачёв перевели:

Див... велит прислушаться... Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и тебе, Тмутораканский идол!

А ведь не лезет подобный перевод! Когда див кличет в верху дерева, велит послушать «Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню», то по внутреннему смыслу его клик и веление послушать обращены к людям, расположенным на этих землях, с тем, чтобы они, услышавши, предприняли какие-то действия. И вот: череда таких обращений дива ни с того ни с сего завершается обращением к какой-то «глыбе камня». Нелепо! Выражение «тъмутораканъский блъван» надо понимать, очевидно, всё же иначе, а не как «тъмутораканъский столп» или «тъмутораканскую статую».

Пройдём поэтому по слову «**болван**» далее. У того же Орлова можно прочесть, что слово «болван» считают происшедшими от персидского «палаван», означающего «герой, борец, атлет». Это

уже нечто более вразумительное. В этом случае «болван» в значении «глыба камня», «статуя» оказывается образной переработкой исходного значения слова. Кому ставили статуи? — «Героям», баловням судьбы. Из «баловней» вырастают «болваны» — обычная житейская мудрость. Если под «болваном» не иметь в виду столбу или грубого изваяния, а разуметь нечто одушевлённое, то иного смысла, кроме известного нам пренебрежительного, слову «болван» не находится. А теперь прислушаемся к автору «Слова»: что слышится в резком обращении

«и тебе, тмутораканский болван!»?

Неужели к столбу или каменной чушке нужно отнести эти слова, полные живой эмоции? И слова эти поставлены автором как **однородный член предложения в ряду**: «Волге», «Поморию», «Посулию», «Сурожу», «Корсуню». Все эти географические названия несут здесь не прямой неодушевлённый, а **метафорический одушевлённый** смысл.

К кому автор мог приложить ругательное «тмутораканский болван»? Только к Кончаку. Дед Кончака был упоминаемый в «Слове» Шарукан, ходивший на Переяславль и Киев; отец Кончака хан Атрак уходил в Предкавказье и, по истечении долгого времени, снова пришёл на Дон из Тмуторакани. Кончак по рождению был, очень возможно, тмутораканин. Никого из других половецких ханов, кроме Кончака, автор не мог увязать происхождением с Тмутораканью. Итак, слово «тмутороканский» к Кончаку приложимо (чтобы понять автора, вспомним, как иногда обзываются: «ах ты, жулик ростовский» и тому подобное).

А приложимо ли к Кончаку слово «болван»? Не будем решать этого вопроса с точки зрения объективной исторической, а посмотрим на отношение автора «Слова» к Кончаку. Кого автор поносит на протяжении «Слова»? Его «родненького». Вот:

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след правит к Дону великому

красныя девы воспеша на брезе синего морю...
лелеют месть Шароканю

стреляй, господине, Кончака, поганого кашея,
за землю русскую, за раны Игоревы

Так что «**болван**» применительно к Кончаку находится в полном соответствии с заявленной в «Слове» позицией автора. Наконец, Кончак был самым могущественным из половецких ханов и, в этом смысле, был и «герой», и «баловень»... Итак, «болван» не нуждается в переводе: автор употребил это слово именно в его нынешнем эмоциональном смысле.

«ВЕЛИТ ПОСЛУШАТИ ЗЕМЛИ НЕЗНАЕМЕ...»

Ещё раз обратимся к разбираемой фразе:

Див кличет връху древа,
велит послушати земли незнаеме
Влъзе, и Поморио, и Посулио, и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, тъмтораканъскый бльван!

Что означает таинственное «*земли незнаеме*», предстоящее «Волзе», «Поморио», «Посулио», «Сурожу», «Корсуню» и «тъмтораканскому болвану»?

Максимович:

Див... велит послушать чужой земле:
Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню...

Орлов:

Див... велит прислушаться
земле неведомой, Волге, и Поморио, и Посулио,
и Сурожу, и Корсуню...

Лихачёв:

Див... велит прислушаться:
земле незнаемой, Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню...

Понятно, что разумел **Максимович**, когда «*земли незнаеме*» перевёл как «*чужой земле*»: по отношению к русским «Волга» и так далее были **чужими землями**. Вызывает некоторое недоумение при таком переводе, что употреблено единственное число вместо ожидаемого множественного, ведь следом перечисляется несколько «*земель*».

Орлов «*земли незнаеме*» перевёл как «*земле неведомой*». Объяснения, что понимается под «*землēй неведомой*», Орлов не дал. Во всяком случае, этот смысл не сводится к «чужой земле», так как чужая земля может быть очень хорошо ведома (знаема). «Перевод» Орлова (на деле просто замена синонимом) возвращает нас к Максимовичу: понимание слова «незнаеме» (неведома) как «чужая» чревато ошибкой, так как «*знаема*» может быть не только *своя*, но и чужая земля (вспомним речь Всеволода, где он хвастается, что его молодцам в половецкой, то есть в чужой, земле «пути ведомы, яругы знаеми»).

Собственно, смысл «перевода» Орлова заключается не в замене слова «незнаеме» его точным синонимом «неведоме», а в том,

НАЧАЛО: Выход в поход

что «землю неведомую» Орлов поставил в один ряд с «Волгой» и так далее в качестве однородного с ними члена. Неужели автор «Слова» в один ряд с конкретными наименованиями мог поставить «МИСТЕРА ИКС», да ещё на первое в перечислении место?!

Лихачёв, «перевёл» совершенно так же, как Орлов, а в «объяснительном переводе» даёт пояснение:

земле незнаемой (*Половецкой степи*).

Это удивительно, что половецкая степь стала «*землём незнаемой*» на фоне удалённых «Волги», «Помория», «Сурожа», «Корсуня»!

Очевидно, что предложенные переводы не соответствуют мысли автора. Но в чём дело, как выйти к истине понимания? Помимо «*земли незнаеме*» автор употребил в «Слове» ещё выражение «*в поле незнаеме*»:

летят стрелы калёныя,
гримлют сабли о шеломы,
трещат копия харалужныя
 в поле незнаеме,
 среди земли половецкый.

Вот это обстоятельство, что «*поле незнаеме*» автор помещает «*среди земли половецкый*», ещё раз отвергает ужасное лихачёвское приравнивание «*земли незнаеме*» и «*половецкой степи*». Какой смысл несёт здесь выражение «*в поле незнаеме*»? Очевидно тот, что автор не был в курсе точного адреса, на каком именно поле половецкой земли произошло трагическое сражение дружины Игоря с половцами. Он упоминает только, что сражение произошло «на реке на Каяле у Дону великаго». Да вот не находят историки-географы в новых и старых географических сводках реку Каялу, хотя в Ипатьевской летописи, наиболее подробно повествующей об этом походе и сражении Игоря, тоже названа река Каяла. Из-за того, что слово «Каяла» созвучно с «*каяти*» (винить), многие полагают, что название реки «Каяла» у автора «Слова» метафорическое, а не всамделишное.

Итак, не находится иного выхода, кроме как признать, что «*земли незнаеме*» надо понимать как «*земле неизвестной*»:

Див... велит послушать земле неизвестной
Волге, Поморию, Посулию, Сурожу, Корсуню...

Какой знак препинания ни ставь после «*земли неизвестной*» (двоеточие или запятую, так как остальные знаки, тире и точка, заведомо не годятся), всё равно получается нечто неудовлетворительное.

200 лет тайны

Подойдём к рассмотрению с другой стороны. Все переводят слова «земли незнаем» дательным падежом единственного числа. Насколько обосновано такое видение? Древнерусская форма «*земли*» в единственном числе соответствует падежам родительному, дательному и местному (предложному):

Именительный: земля

Родительный: *земли*

Дательный: *земли*

Винительный: землю

Творительный: землею

Местный: *земли*

Звательный: земле

Как видим, в древнерусском «земля» склонялась так же, как сейчас; исключение — дательный падеж: сейчас говорят «земле», тогда говорили «земли». Во множественном числе форма «*земли*» соответствует именительному и винительному падежам (с ударением на первом слоге). Итак, «*земли*» можно понимать как единственное число, а падеж:

Родительный,

Дательный,

Местный (предложный),

и как множественное (при ударении на первом слоге), а падеж:

Именительный,

Винительный.

Чтобы определиться точнее в числе и в падеже слова «*земли*» из выражения «*земли незнаем*», надо осознать ещё грамматическую форму слова «*незнаем*». Это страдательное причастие настоящего времени. В именительном падеже: «*незнаема*» («*земля незнаема*»). По падежам единственного числа:

Именительный: земля незнаема,

Родительный: земли незнаемы,

Дательный: *земли незнаем*,

Винительный: землю незнаему,

Творительный: землею незнаемою

Местный: *земли незнаем*,

Звательный: земле незнаемо.

По падежам множественного числа:

Именительный: земли незнаемы,

Родительный: земль незнаемъ,

Дательный: землямъ незнаемамъ,

Винительный: земли незнаемы,

Творительный: землями незнаемами,

Местный: землях незнаемахъ.

НАЧАЛО: Выход в поход

Выражение «земли незнаеме», оказывается, грамматически может быть не только дательным падежом единственного числа, но также местным падежом единственного числа. В отличие от нынешнего предложного падежа, «местный падеж» мог употребляться без предлога. Так что «земли незнаеме» можно понять как местный падеж единственного числа, а не только как дательный падеж. Перевожу:

Забивши был див, кличет в верху дерева,
велит послушать *о земле незнаемой* Волге,
и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, тмутороканский болван!

Теперь всё становится на свои места. При переводах «земли незнаеме» дательным падежом получалось, что див тем-то и тем-то велит послушать, но что послушать — непонятно, а точнее: послушать птиц, которых беспокойная ночь пробудила, да свист зверин, который встал. Зачем диву велеть послушать дальним сторонам какую-то там заполошную ночь? Вслушивание во фразу

Зби див, кличет верху древа, велит послушати земли незнаеме
Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню...

неизменно вызывает смысловое впечатление родительного падежа от «земли незнаеме» (велит послушать земли незнаемой Волге, Поморию и т.д.). Но родительный падеж древнерусской грамматикой отвергается, а о местном падеже... специалисты оказались не в курсе?

Но что же это за «земля», которую автор отказался назвать по имени, а таинственно обозначил как «*земля незнаема*»?!

«А ПОЛОВЦИ НЕГОТОВАМИ ДОРОГАМИ ПОБЕГОША»

Снова и снова:

Зби див, кличет верху древа, велит послушати земли незнаеме
Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню... и тебе,
тмутораканский болван! А половци неготовами дорогами побегоша
к Дону великому, крычат телегы полунощи рци лебеди
роспущени. Игорь к Дону вои ведет.

Лихачёв выражению «земли незнаеме» дал в скобках пояснение: «*Половецкой степи*». При таком понимании получилось:

Див кличет, велит послушать *половецкой степи*, Волге и т.д.
А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.

Грамотёшно, не так ли? Степь слушает дива, а половцы бегут к Дону. По сему Лихачёв решил подправить автора и его противи-

200 лет тайны

тельный союз «а» (буковку «а») переделал в сочинительный союз «и» (в буковку «и»). Дело в шляпе:

Див велит послушать половецкой степи, и половцы побежали.

Логично? Логичней некуда. Однако у автора всё-таки расстроено написано:

Див велит послушать половецкой степи (по Лихачёву), Волге, Поморию и так далее. И (по Лихачёву) половцы побежали к Дону великому.

«Половецкая степь» послушала дива и половцы побежали. А что же «волжане», «поморцы», «посульцы» и другие — почему они тоже не побежали, хотя див на равных с «половецкой степью» велел им послушать? Это не всё. У Лихачёва в переводе:

И половцы непроложенными дорогами побежали к Дону великому... а Игорь к Дону воинов ведёт!

Всё по полочкам:

Див кличет половецкой степи. И половцы побежали к Дону. А Игорь к Дону воинов ведёт.

«Спокойно, ребятки! Не уподобляйтесь суетливым половцам. Помните: идём ровным шагом». Таков, по мысли Лихачёва, смысл авторского текста. Ради этого смысла Лихачёв вставил отсутствующее у автора «а»: «*а Игорь*» вместо авторского «Игорь».

«РЦИ ЛЕБЕДИ РОСПУЩЕНИ»

Остановимся на последней фразе ещё:

А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; кричать телегы полунощи, рци лебедироспущени. Игорь к Дону вои ведеть.

«Рци» от «речь» так же, как нынешнее «словно» от «слово». Перевод:

А половцы неготовыми (непроложенными, непротеребленными, целинными) дорогами побежали к Дону великому. Кричат телеги в полуночи, словно лебеди распущенные. Игорь к Дону воинов ведёт.

Слово **«роспущени»** древнерусского текста вызывает у толкователей чесотку. Была настойчивая попытка подправить это слово на **«роспужени»**, то есть на **«распуганные»**, хотя видно, что смысл текста иной. Половцы не распуганы, наоборот: из разных мест спешат, чтобы схватиться с русской дружиной. **Лихачёв** оставляет слово **«роспущени»**, но переводит его **«с потолка»** как **«преследуемые»**. Половецкие телеги, «кричащие» в полуночи,

НАЧАЛО: Выход в поход

никем не преследуются. Половцы бегут «неготовыми» дорогами. «Крики» в ночи спешащих половецких телег* отражает переполох в половецком стане: появление крупной военной силы русских в их земле явилось для половцев неожиданностью.

В древнерусском языке слово «*роспущени*» употребляли в таком же понимании, как ныне. Например, чтобы позволить воинам преследовать неприятеля, нужно было позволить воинам сломать военный строй, иными словами: надо было позволить воинам «распуститься». Так, в Ипатьевской летописи за 1150 год написано о воинах: «*а они несмеша по них роспустити*», то есть не смели рассыпать свой строй, чтобы вольной погоне преследовать неприятеля. У автора «*роспущени*» имеет тот же смысл: «*крычат телеги полуночи рци лебеди роспущени*» означает, что телеги «*перекликаются*» подобно свободно рассыпавшимся лебедям.

Да, телеги бегут в беспорядке, их «крики» отражают состояние беспокойства, но они не «преследуются», не «распуганы», не «размётаны», и бегут не от врага, а бегут остановить врага. Весь перевод:

*Тогда вступивши был Игорь-князь в злат стремень
и поехавши по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь, стонучи ему грозою, птиц была пробудивши,
свист зверин поднявшись был.
Забивши был див, кличет в верху дерева,
велит послушать о земле незнаемой
Волге, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню...
и тебе, тмутораканский болван!
А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому,
кричат телеги в полуночи словно лебеди распущенные...*

*Игорь
к Дону
воинов
ведёт.*

Обратим внимание, что фраза «*Игорь к Дону воинов ведёт*» не продолжает предыдущий текст, а oxхватывает его. Лихачёв совершенно не понял этого и перевёл:

див кличет на вершине дерева,
велит прислушаться...

* Б.А.Рыбаков отмечает, что отправляясь на битвы, войска везли на телегах воинское снаряжение, а не домашний скарб и жён с детьми.

и половцы побежали к Дону великому...
а Игорь к Дону воинов ведёт.

Не «див кличет» «и половцы побежали» «а Игорь ведёт», а всю ситуацию движения Игорева войска (затмение солнца, заполошная ночь, пробудившая птиц и зверей, предупреждающий «своих» клик дива, спешка половцев на схватку с Игорем) автор *итожит величественной фразой, преисполненной насмешки над твердолобым Игорем:* «Игорь к Дону воинов ведёт», то есть **ведёт безоглядно**. Наружный пафос этой фразы полон иронии. Это как если перечислять чреду трагикомических событий, связанных с приездом гостей, и в заключение подвести черту: «одним словом ГОСТИ ПРИЕХАЛИ».

«УЖЕ БО БЕДЫ ЕГО ПАСЕТ ПТИЦЬ ПОДОБИЮ, ВЛЪЦЫ ГРОЗУ ВЪ СРОЖАТ ПО ЯРУГАМ»

Игорь вышел в поход, а кругом нарастают знамения беды. Первое — грозное, но символическое: затмение Солнца. Далее более реальное: беспокойная, давящая атмосфера в природе. Ещё реальнее: Игорь обнаружен дивом, так что половцы «неготовыми дорогами побегоша к Дону великому». После фразы «Игорь к Дону воинов ведёт», автор продолжает:

*Уже бо беды его пасет птицъ подобию,
волци грозу в срожат по яругам,
орлы клектом на кости зверей зовут,
лисици брешут на чръленыя щиты.*

Таков древнерусский текст в издании 1800 года. Здесь «брешут» — «лают», «чръленыя» — «красные», «яругы» — «овраги», «балки». Загадкой для переводчиков явились

первая строка,
понимание выражения «в срожат».

Исследователи заменили «в срожат» на «*всрожат*», так как речь должна идти о глаголе, а не о существительном с предлогом. Однако параллелей «всрожат» в средневековой письменности не нашлось, и слово это переводят наугад.

Максимович:

Волки грозу (ужас) вещают по оврагам

Жуковский:

И волки угрою воют по оврагам

Орлов:

волки по оврагам (воем) возбуждают ужас

Лихачёв:

волки грозу подымают по оврагам

Эти переводы основаны на подмене глагола «всрожат» иными древнерусскими глаголами: «вгрожать» (угрожать) и «всрощать» (взъерошивать страх). Такие подмены равносильны внесению правки в древнерусский текст. А с другой стороны: естественно ли вписываются эти переводы в окружающий текст? У Лихачёва перевод вообще теряет смысл. Откажемся от подмен, сомнительных параллелизмов и начнём «с нуля», с ничегонеделания. В нынешнем русском языке ничего ближе к «всрожат», чем выражение «в срок», мне не пришло в голову. А выражение «в срок» имеет такое употребление: «всё исполнится в срок», «уложиться в срок», «выступить (в поход) в положенный срок», «напасть в нужный срок». Для фразы

волци грозу *всрожат* по яругам

видится такой смысл: волки по оврагам и балкам стерегут момент грозы, *поджидают грозу* (*под грозою* здесь и везде автор не двусмысленно понимает сечу, битву, а образ атмосферной грозы служит ему метафорой, средством передачи настроений).

В строке

уже бо беды его пасет птицъ *подобию*

исследователи подвергли исправлению слово «подобию». Такое исправление напрашивалось («пасёт птиц» где? — по...). Отсюда возникла догадка, что надо не «подобию», а «по добию», и что надо «добию» исправить на «дубию». Слово «дубие», означающее дубняк или просто деревья, встречается в русской средневековой литературе. Однако, чтобы с лёгким сердцем исправить «добию» на «дубию», надо ещё правдоподобно объяснить описку. В данном случае: «дубие» писалось как «доубие», притом, возможно, «у» над «о». Такое положение буквы «у» облегчало ошибку. То есть: переписчик не спутал буквы, а всего лишь упустил. После исправления «подобию» на «*по дубию*» строка стала:

уже бо беды его пасет птицъ *по дубию*.

Общий смысл этого предложения ясен: витающее в воздухе ожидание беды Игоря привлекает соответствующих птиц. Но предложение грамматически неправильно. В самом деле: сказуемое «*пасёт*». А где согласованное с этим сказуемым подлежащее, то есть существительное в именительном падеже? Можно

200 лет тайны

предложить «беды». Но тогда глагол должен быть во множественном числе: «беды пасут». А если оставить «пасёт», то надо или «беды» переделать на «беда» («беда его пасёт птиц»), или «птиць» переделать на «птица» («беды его пасёт птица»). Разные переводчики ввели «исправление» на свой вкус. Максимович выбросил это предложение из перевода.

Орлов «исправил» «птиць» на «птица»:

уже, ведь, беды его стережёт *птица* по дубам

Лихачёв «исправил» «пасёт» на «пасут», «птиць» на «птицы», «беды» на «бед»:

уже несчастий его *подстерегают* птицы по дубравам

Существуют ещё более решительные подходы и всеми признаётся, что строка испорчена.

Оставим в стороне переводы, опирающиеся на «исправление» древнерусского текста. Ни один из них не вызывает ощущения художественной истинности. Удивительно другое: в общей связи слов древнерусского текста все слова строки

уже бо беды его пасет птиць по дубию

кажутся несомненно на своём месте. Попытка заменить «беды» на «беда» вносит в образ древнерусского высказывания какую-то ложь. В самом деле: где эта «беда» была выше автором указана? Автор перечислял одно-другое-третье событие, из которых каждое было **обещанием беды, но не бедой**. По тому же самому также изменение «пасёт» на «пасут» вносит ложь в движение образов: получается «беды пасут», а «бед» ведь ещё не было. А что было? Были предзнаменования беды, слывение беды. Образно-точный перевод древнерусской фразы должен выглядеть так:

Уже *слывение* (предзнаменования) беды его пасёт птиц по дубию.

Слово «слывение» стоит здесь на месте многозначной частицы «*бо*». Допустимо ли так перевести «бо»? А вспомним, что однажды «бо» именно так было переведено выше:

«Боян *бо* вещий»=«Боян, *слывший* (слывущий) вещим».

«Бо» во фразе

уже *бо* беды его пасет птиць по дубию

НАЧАЛО: Выход в поход

является не проходной малозначащей частицей, не словом-паразитом вроде не к месту употребляемому «значит», а несёт смысл в данном случае указательного местоимения:

Уже бо (то есть «всё перечисленное»)
беды его
пасет птиц по дубию.

В этом предложении подлежащим является указательное местоимение «бо» или целиком словосочетание «бо беды его», где «беды» — родительный падеж от «беда». Ни в каком исправлении предложение не нуждается, оно точно воспроизводит авторский текст. Весь фрагмент:

*Уже сливение беды его пасёт птиц по дубию,
волки грозу поджидают (секут) по оврагам,
орлы клёктом на кости зверей зовут,
лисицы лают на красные щиты.*

Не тем занимаются волки, что воем ужас нагоняют или «грозу подымают». Речь не о том. «Птицы», волки, орлы ждут кровопролитной битвы, чтобы «уесться» трупами.

Остановимся на слове «гроза». В предыдущем фрагменте говорилось:

Нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди.

Обычно полагают, что речь идёт о ночи с грозою. Нет, речь идёт о беспокойной ночи, обещающей грозу. Притом персонально Игорю: «нощь, стонущи ЕМУ грозою». У автора везде гроза как атмосферное явление является иносказанием сокрушительного военного столкновения.

Ещё замечание: фрагмент

Уже бо беды его пасёт птиц по дубию,
волци грозу всроят по яругам,
орли клёктом на кости звери зовут,
лисицы брешут на чрърлённыя щиты

полагают относящимся к ночи. Вот тебе на! Да ночью птицы кроме сов спят, а не сопровождают войско в надежде на поживу. Также орлы. А лают ли ночью лисицы? А красного цвета ночью не видят ни лисы, ни человек. Так что описывается день, а перевод слов «волци всроят» словами «волки воют» проистекает из общей неразберихи понимания.

«О РУСКАЯ ЗЕМЛЕ, УЖЕ ЗА ШЕЛОМЯНЕМ ЕСИ»

Вслед за приведённым фрагментом автор восклицает:

О руская земле, уже за шеломянем еси!

200 лет тайны

Перевод Жуковского:

О русская земля! Уже ты за горами далеко!

Максимовича:

О русская земля! Ты уже за валом!

Орлова и Лихачёва:

О русская земля! уже ты за холмом!

Единодушие в переводе. Действительно, пословный перевод видится таким:

О русская земля, уже за холмом (валом, курганом, бугром, горой) находишься!

Когда войска Игоря и Всеволода, соединившись при впадении Оскола в Донец, перешли затем вброд Донец (где в него впадала тогда речушка Сальница и где Донец огибает Кременную гору, иначе: «Кременец», «Кермен», «Изюмский курган»), они **перешли из русской стороны на половецкую сторону**. Русская земля осталась за Донцом, или иначе: за находящейся в этом месте горою. Так что вздох «*о русская земля, уже за шеломянем еси*» пережил, возможно, каждый участник похода: раньше опасность была где-то впереди, теперь она восприсутствовала.

Однако автор не был участником похода и не пользуется к тому же приёмом совмещения себя с каким-либо участником похода. Почему же в его произведении вырывается вздох, понятный для непосредственного участника похода, но необъяснимый для человека стороннего?

Налицо какая-то неувязка. В чём дело? Орлов даёт ценнейшую справку:

Что разумеется здесь под «Русской землём»: Русь ли, оставшаяся далеко позади, поэтически заслонённая шеломянем, или русское войско (выделено Орловым), зашедшее за шеломя, возвышавшееся у переправы через Донец, где собственно и начиналась действительная опасность? *Большинство толкователей склоняется здесь к пониманию «Русской земли» как «Русского войска».* Такое значение «Русской земли» допускается фразеологией летописи.

И вот пример из «Поучения Мономаха»:

«Олег на мя приде с Половечькою землею к Чернигову, и биша-ся дружина моя с ним» (1094 год).

Ещё из летописи:

«Приходиша вся Чудьска земля к Пльскому» (1177 год).

Автор «Слова», описывающий движение Игорева войска и сопротивляющий судьбе этого войска, должен был вздохом отметить

НАЧАЛО: Выход в поход

отрыв этого войска от родной земли, а не родной земли от себя как воина. Так что вздох

О русская земле, уже за шеломянем еси!

в устах автора должен иметь такой смысл:

О русские **воины**, уже оторвались вы от родной земли!

а дословнее:

О русские воины, уже за горою пребываете!

или даже:

О русских островок, уже за горою пребываешь!

Действительно, несколько ниже автор пишет:

Дремлет в поле Ольгово хоробре гнездо. Далече залетело.

Ночное становище русских воинов воспринимается здесь как островок «русской земли» среди чужой земли.

ВОЗВРАТИМСЯ К «ЗЕМЛИ НЕЗНАЕМЕ»

Предыдущее открытие, что «земля» может означать не территорию, а людей с этой территории, проливает истинный свет на выражение «земли незнаеме», оставшееся ранее под вопросом:

*Забивши был див,
кличет в верху дерева,
велит послушать пришельцев незнаемых
Волге, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню...
и тебе, тмутороканский болван!*

или:

велит послушать о пришельцах незнаемых.

В связи с прояснением смысла выражения «земли незнаеме» проясняется также смысл «дива». Ак-к Лихачёв высказывал и стремился обосновать положение, что упоминаемый в «Слове о полку Игореве» «див» является оберегом русских. Как видим, это неверно: «див» упоминается в качестве символа половецкой земли как в данном случае, так и в другом:

Уже снесеся хула на хвалу,
уже тресну нужда на волю,
уже връжеся дивъ на землю.

Часть VIII. НАЧАЛО: На половецкой земле

«ДОЛГО НОЧЬ МРЫКНЕТ»

Gледующий по порядку фрагмент:

Долго ночь мръкнет.
Заря свет запала.
Мгла поля покрыла.
Щёкот славий успе,
говор галичъ убуди.

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себе чти, а князю славы.

«Объяснительный перевод» Лихачёва:

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец) щёкот соловьиный уснул, (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю славы.

Перевод Максимовича:

Долго меркнет ночь. Заря-свет занялась. Туман (мгла) поля покрыл. Соловьиный щёкот уснул; галochий говор пробудился. Храбрые русичи загородили широкие поля красными щитами, ища себе чести, а князю славы.

Нетрудно увидеть важную разницу между переводами Лихачёва и Максимовича (перевод Орлова близок Максимовичу): у Лихачёва ночь наступает и *заря вечерняя*, у Максимовича ночь длится и *заря утренняя*. Если проследим перевод Лихачёва, то увидим, что вначале всё идёт к ночному успокоению:

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла.

А затем:

(Наконец и) щёкот соловьиный уснул, (утренний) говор галочий пробудился.

Но ведь щёкот соловьиный утихает не в связи с углублением ночи, а в связи с рассветом! Причём тут «наконец и»? Автор мерно

НАЧАЛО: На половецкой земле

роняет слова, и это предрасполагает видеть во всём коротком фрагменте одну линию развития, а не две.

И всё же заметим, что перевод Лихачёва возник не на пустом месте. Возьмём первое предложение:

Долго ночь мръкнет.

Слово «mrъkнет» понимают как «меркнет», такой перевод видится очевидным. Но вот получается: «ночь меркнет». А так ныне не выражаются. Слово «меркнет» употребляют тогда, когда хотят описать угасание света. Об угасании света в конце дня говорят «вечер меркнет», никто не говорит «ночь меркнет». Ночь — это когда свет уже угас; поэтому выражение «ночь меркнет» звучит несоставимо. Итак, если опереться на слово «ночь», то фразу «долго ночь мръкнет» надо понимать так: «долго ночь длится». Если же за основу взять «меркнет», то фразу надо понимать так: «долго вечер меркнет». Однако почему автор «Слова» употребил слово «ночь», а не слово «вечер», ему прекрасно известное (в другом месте автор говорит: «погасоша *вечеру* зари»)?

Покинем рассуждения и вчувствуемся в выражение «долго ночь мръкнет». Ночи свойственен мрак и «mrъкнет» напоминает о мраке. Так может «mrъкнет» и образовано впрямую от «мрак»? Ведь на лбу этого «mrъкнет» не написано, что его надо переводить непременно как «меркнет»! Но тогда перевод слов «долго ночь мръкнет» должен быть таков: «долг *ночи мрак*». Если же устремиться к дословности передачи авторского текста, то надо как-то от «мрак» образовать глагол. Вот: «мракнет». Не привычно, но грамотно. Получается:

Долго ночь мракнет.

Второе предложение фрагмента тоже загадка. Что означает «заря свет запала»? Воображение рисует такую картину: по ходу течения вечера свет зари всё более уходит за горизонт и, наконец, наступает момент, когда последнее свечение западает за горизонт. Так, очевидно, понял и Лихачёв. Правда, известный нам глагол «запала» (от «запасть») является непереходным, а у автора «Слова» «запала» переходный глагол: «заря запала» что? — «свет». Поневоле возникает сомнение в том, что употреблённый автором глагол «запала» следует понять в том же смысле как нынешний глагол «запала». Но если не так, то как? Если речь в предложении «заря свет запала» идёт о первых проблесках утра, то его нужно понимать так: «заря свет... подала, явила, послала, выбросила и т.п. То есть: заря из-за горизонта «запала» свет в небо.

200 лет тайны

Следующее предложение: «*мгла поля покрыла*». На первый взгляд кажется, что в этом предложении речь идёт о наступлении ночи, потому что ныне слово «мгла» употребляют в значении «беспрозрачная темень». Но посмотрим, как это слово употребляет автор. Вот:

«Прысну море полунощи; идут сморцы *мъглами*»,
«одевавшу его *тёплыми мглами* под сению зелену древу».

Не употребляет автор «мгла» в значении «темень», а употребляет в значении «туман». Замечательно, что в славянских языках, кроме русского, слово «мгла» не только раньше, но и ныне употребляется в одном значении — «туман». Итак:

Туман поля покрыл.

Когда туман покрывает поля — вечером или утром? По опыту скажу: вечером туман застилает низины, утром он поднимается и заволакивает видимость. Летом туманы свойственны только дождливым погодам. В случае похода Игоря речь идёт о месяце мае (первой его половине) на довольно тёплой широте при умеренной континентальности (города: Путивль и Изюм). Дать точную справку о туманах в этих местах может местный климатовед. Автор «Слова» давал художественное описание майского утра своих мест.

Фразу «*щёкот славий успе*» переводят:

щёкот соловьиный уснул.

Всё так. Щёкот соловьиный стихает не при начале ночи (так получилось бы, если бы слова «мгла поля покрыла» мы поняли как начало ночи), а при начале дня, когда уже прилично светло (утренние туманы поднимаются при утреннем свете, а не затемно).

Последнюю фразу «*говор галич убуди*» переводят:

говор галочий *пробудился*.

Неверно. У автора: «*говор галочий пробудил*» (вспомним: «ночь стонущи ему грозою птичь *убуди*» переводят как «ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила»). Чтобы подогнать автора под называемый перевод, его подправляют: вместо «убуди» пишут «убудися»: «говор галочий *убудися*».

Следующее предложение:

русики великая поля чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себе чти, а князю славы.

Очевидный перевод:

русичи великие поля красными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Взятое в таком виде, предложение не слишком ясного смысла: как это «великие поля перегородили»? Горстка воинов, а перегородили «великие поля»... **Лихачёв** в «объяснительном переводе» пишет:

Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю — славы.

Такое разъяснение идёт мимо главной трудности, возникающей при переводе. Ясно, что автор «Слова» пользуется привычным афоризмом, хорошо известным как ему, так и его читателям, — гипербола не вызывает у них недоумения и вопросов. А нынешний читатель? Нужно перевести так, чтобы реальность не утопала в гиперbole. Предлагаю:

русичи великие поля красными щитами заступили,
ища себе чести, а князю славы.

Соединим предложения:

Щёкот соловий уснул.
Говор галочий пробудил:
русичи великие поля красными щитами заступили,
ища себе чести, а князю славы.

Таким образом речь идёт не о том, что пробудился галочий говор, а о том, что **галочьим говором разбужены русские воины**. В целом:

*Долго ночь тракнет,
заря свет подала,
туман поля покрыл,
щёкот соловий утих.
Говор галочий пробудил:
русичи великие поля
красными щитами заступили.*

ПЕРВАЯ СТЫЧКА С ПОЛОВЦАМИ.

Следующий фрагмент:

С зарания в пятъкъ потопташа поганыя полкы половецкыя
и, рассушась стрелами по полю,
помчаша красныя девки половецкыя,
а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.
Орьтмами и япочинцами и кожухы

200 лет тайны

начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом,
и всякими узорочьи половецкими.
Чрълен стяг, бела хоруговъ,
чрълена чолка, сребрено стружие
храброму Святославличу!

Перевод:

*Рано утром в пятницу
потоптали поганые полки половецкие
и, рассеясь стрелами по полю,
помчали красных девок половецких,
а с ними злато, и шелка, и дорогие бархаты.
Покрывалами, накидками и кожухами
начали гати мостить по болотам и грязивым местам,
и всяким убранством половецким.
Красный стяг, белая хоругвъ,
красная чёлка, серебряное древко —
храброму Святославичу!*

Здесь всё ясно, перевод названий «паволока», «оксамит», «орьтма», «япочинца», «стружие» даны мною в пределах общепринятых переводов. «Злато» не стал переиначивать в «золото», так как наверняка за этим словом стоит не золото как таковое, а золотые украшения. «Гать» — слово ныне употребляемое, но не широко известное; можно его заменить менее точным, но понятным словом «проход»: «проходы». «Красные девки» не стал видоизменять в переводе: ранее говорилось, что это выражение указывает не только на красоту, и даже не столько на красоту, сколько на возраст цветущей молодости, на невестин возраст.

Предыдущий фрагмент, в котором описывалось наступление утра, готовил рассказ о первой стычке с половцами. Заметим, что для этого описание утра автору не нужно было начинать с описания вечера, так как этот вечер не следовал за значительным событием и не предшествовал ночному событию. Значительному событию предшествовало утро.

«НЕ БЫЛО НЬ ОБИДЕ ПОРОЖДЕНО»

Следующий фрагмент:

Дремлет в поле Ольгово хоробре гнездо.
Далече залетело.
Не было нь обиде порождено ни соколу, ни кречету*,
ни тебе, черный ворон поганый половчине!

НАЧАЛО: На половецкой земле

«Объяснительный перевод» Лихачёва:

(И вот) дремлет в поле храбрый (птичий) выводок Ольговичей. Далеко залетел! Не был он в обиду порождён ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый (язычник) половец!

Иное объяснение так запутает, что думаешь: лучше бы его не было. Примитивизм художественного восприятия в этом объяснении Лихачёва опошляет авторскую художественную мысль. А вот по существу: что значит «не был он *в обиду* порождён ни соколу... ни тебе, поганый половчанин»? Игорь не держал мысли обижать половцев?

Но также перевёл Орлов (у которого Лихачёв заимствовал):

Не было оно рождено *в обиду* ни соколу, ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон, поганый Половец.

В этом переводе **попутаны два фразеологизма**, включающих выражение «*в обиду*». Один: «*не в обиду будь сказано*». Это выражение говорит о нежелании обидеть. Именно так читается «*не в обиду*» у Орлова и позаимствовавшего у него Лихачёва:

не в обиду тебе оно (Ольгово гнездо) было рождено, поганый половец.

Второй фразеологизм, включающий «*в обиду*»: «*не дать в обиду*». Орлов (плюс Лихачёв) хотел, очевидно, сказать в своём переводе, что Игорь не затем был рождён, чтобы давать себя в обиду половцам. Да вот сказалось не то.

А теперь заметим: все переводы древнерусского текста основаны на очередном его «исправлении». У автора написано:

«Не было *и в обиде* порождено».

Его «исправляют»:

«Не было *ОНО обиде* порождено».

Причина понятна: при глаголе «было» не оказывается подлежащего, так как «*и в*» означает союз «*но*» с устойчивым противительным смыслом. Этому союзу не находят применения, а в местоимении «*оно*» толкователи-переводчики испытывают острую нужду.

Не будем исправлять автора, а лучше основательно подумаем над его речью. Автор пишет:

Дремлет в поле Ольгово хоробroe гнездо.

Здесь нечего ни переводить, ни растолковывать «объяснительным переводом». Надо только погрузиться в этот полножизненный

200 лет тайны

ный образ ночующей в чужой обширной земле полка Игорева. Игорево воинство спит, а автор в тревожном раздумье о нём:

*Далече залетело...
Не было однако обиде порождено...
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин...*

Воинство спит, и, хотя оно «далече залетело», автор размышляет, что эти доблестные воины, вообще говоря, имеют свойство выходить «сухими из воды»...

И вдруг, словно ему присыпалось или привиделось, он уловил то, что происходит в сей момент в степи:

*Гзак бежит серым вльком,
Кончак ему след править к Дону великому!*

Какой художественный бриллиант оказался потерян из-за неумения толкователей вчувствоваться в живой древнерусский текст, добиться уловления его внутренней языковой гармонии и, уловив, упереться в стремлении понять художественный смысл!

«КОНЧАК ЕМУ СЛЕД ПРАВИТ»

После удачного «потопташа» Игорево войско дремлет в половецкой степи. А половцы не дремлют: Гзак бежит серым волком, а также Кончак. Но вот вопрос: *бежит Кончак перед Гзаком или за Гзаком?* Мнения переводчиков разделились.

Лихачёв переводит:

*Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.*

Такое понимание древнерусского текста смехотворно. Гза, будучи одним из самых могущественных половецких ханов, нуждался в Кончаке, чтобы тот ему, как несмышлёнышу, поводырём был?! Орлов к этой фразе даёт важное пояснение:

«Ему след правит» можно понять в том смысле, что Кончак, как более опытный вождь, протаптывает, намечает Гзаку путь к Дону, так как половцы двигались не постоянной дорогой («шляхом»), а целикою («неготовами дорогами»). В.Ф.Миллер считает переводы: «Кончак ему след прокладывает или путь кажет» неверными и сам переводит: «Кончак ему *во след* направляется или держит к Дону великому». При этом Миллер поясняет, что «слово «след» употреблялось как предлог и без сложения с другими предлогами». То, что в приведённых Миллером примерах «след» управляет родительным падежом, а не дательным («след

НАЧАЛО: На половецкой земле

мене», «след него текатъ»), исследователя не затрудняет: «вместо родительного «след его» в нашем месте дательный «ему» по известному свойству древнерусского языка». Не входя в синтаксический разбор, мы примыкаем к смыслу, принятому Миллером.»

Иначе говоря, предложение

Кончак ему след правит к Дону великому

следует читать не так:

Кончак ему
след правит
к Дону великому

а так:

Кончак
ему след
правит к Дону великому.

В переводе:

Кончак *ему вслед* правит к Дону великому.

Вопрос исчерпан:

*Гзак бежит серым волком,
Кончак ему вслед правит к Дону великому!*

Заглянем теперь в перевод, который даёт Орлов (в этой же книге!):

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след прокладывает к Дону великому.

Каково! В примечаниях присоединяться к одному мнению, в переводе придерживаться другого мнения. Вспоминаю напутствие школьного учителя по русскому языку накануне экзамена на аттестат зрелости:

«Если не уверены в написании какого-нибудь слова, то в черновике пишите один вариант, а в чистовике — другой. Комиссия в случае неправильного написания в чистовике будет сверяться с черновиком, и если там написание правильное, то ошибка не будет засчитываться».

Будущие академики, очевидно, в мастьстве крепко намотали на ус это правило, потому что подобные разнотечения в разном обличии не однажды встречаются и у Орлова, и у Лихачёва. И у иных.

«О РУСКАЯ ЗЕМЛЕ, УЖЕ НЕ ШЕЛОМЯНЬЕМ ЕСИ!»

Следующий фрагмент:

Другого дни велми рано кровавые зори свет поведают;
черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца,
а в них трепещут синии молнии.
Быти грому великому!
Итти дождю стрелами с Дону великаго!
Ту ся копием приламати,
ту ся саблям потручиши
о шеломы половецкыя
на реце на Каяле, у Дону великаго.
О русская земле, уже не шеломянем еси!

Мой перевод:

*На другой день
весьма рано кровавые зори свет несут.
Чёрные тучи с моря идут,
хотят прикрыть 4 солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут вот копиям взыграть,
тут вот саблям потручиши о шлема половецкие,
на реке на Каяле у Дону великого!*

Смысль ясен, соответствие древнерусскому тексту налицо. Я не стал переводить древнерусского «потручиши». Слишком уж *звучит* его смысл. В «потручиши» очень привлекательно слышание ударов сабель о шлемы. «Шеломы» в несоответствии с литературной нормой я перевёл как «шлема» (множественное число), будучи уверен в художественной оправданности здесь этого варианта. «Копием приламати» Лихачёв перевёл как «копьям изломиться». Да нет же, нет же! Выше уже говорилось об этом! Четыре солнца — 4 князя, участвовавших в походе: Игорь, Все-волод (брать), Владимир Игоревич (сын), Святослав Ольгович (племянник).

Но что означает заключительная фраза:

«О русская земле, уже не шеломянем еси!»?

Ранее автор воскликнул:

«О русская земле, уже ЗА шеломянем еси!»

НАЧАЛО: На половецкой земле

Теперь он восклицает:

«О руская земле, уже НЕ шеломянем еси!»

Если под «русская земле» подразумевать русскую землю, то невозможно дать осмысленного перевода фразе

О руская земле, уже не шеломянем еси!

так как получается смысловая чушь:

О русская земля, уже не горою пребываешь!

Ранее автор вздохнул, что русская земля «уже за горою пребывает», а теперь он вздохнул, что русская земля «уже не горою пребывает». Пойми кто может! Поэтому толкователи давно категорично исправили «не» на «за» без правдоподобных объяснений этой «ошибки» в древнерусском тексте, но ссылаясь на предыдущий рефрен («О руская земле, уже за шеломянем еси») и добавляя, что автор повторяет свои рефрины. Неверно! Автор всегда чуть-чуть видоизменяет их при повторении!

Рассматриваемая фраза получает смысл, если под «русская земле» понимать не русскую землю, а **русскую дружину**, «залетевшую» в половецкие пределы. Если в первый раз автор воскликнул:

О русских островок, уже за горою пребываешь!

то во второй раз он восклицает:

О русских островок, уже не горою пребываешь!

то есть уже там пребываешь, откуда этой горы («Изюмского кургана») не видно. Почему автор это воскликнул? Потому, что собирается такая «гроза», что этому «островку русских» не сдобрить. Если бы дружины Игоря находилась близ русских пределов, она могла бы своевременно уйти на русскую сторону и этим значительно обезопасить своё положение. Но ей уже не уйти, и половцы полные хозяева положения.

«РУСКИЯ ПОЛКЫ ОТСТУПИША»

Последний фрагмент НАЧАЛА:

Се ветри, Стрибожи внуци,
веют с моря стрелами на храбрыя полки Игоревы.
Земля тутнет,
реки мутно текут,
пороси поля прикрывают,
стязи глаголют:
половци идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Рускыя полки отступиша.

200 лет тайны

*Дети бесовы кликом поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.*

Мой перевод:

*Вот ветры, Стрибожьи посланцы,
веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.*

*Земля гудёт,
реки мутно текут,
пыли поля прикрывают,
знамёна гласят:
половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон!*

Русские полки отступили.

*Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи преградили красными щитами.*

В противоположность «Даждьбогу», «богу дающему», «Стрибог» — это «бог стригущий», бог войны и невзгод. Важное отличие приведённого перевода от известных в том, что я отказался «исправлять» слово «*отступиша*», присутствующее как в издании 1800 года, так и в Екатерининской копии, на «*оступиша*». По поводу такого «исправления» в «Энциклопедии Слова о полку Игореве» написано:

Обычно исправляют на оступиша; ошибка могла произойти из-за написания буквы «от» вместо омеги в начале слова.

За разрешением вопроса, как правильно: «*отступиша*» или «*оступиша*» — обратимся к древнерусскому тексту:

*Стязи глаголют
половци идуть
от Дона, и от моря, и от всех стран
русцыя плъкы отступиша.*

Здесь три предложения: «стязи глаголют», «половци идуть», «русцыя полкы отступиша». Какие могут быть возражения? Грамматически — никаких. Возражения возникли идеологические: не могла, дескать, у автора подняться рука написать: «*русские полки отступили*». Вопрос: а про поражение русского войска поднялась рука написать? Или наши «сокола»-толкователи этого не заметили?

Орлов перевёл:

Стяги говорят, — Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили.

Лихачёв в точности повторяет этот перевод, *стилистически нелепый*:

Стяги говорят: половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон русские полки обступили.

НАЧАЛО: На половецкой земле

Автор «Слова» перечисляет:

«идут от Дона, и от моря, и от всех стран».

Автора переиначивают, вводя при этом даже не одно «исправление», а зараз два: «*отступиша*» переделывают в «*оступиша*» и «*от всех стран*» (сторон) переделывают в «*со всех стран*» (сторон). У автора три однородных члена:

от Дона,
от моря,
от всех стран.

Грамматическая конструкция автора точна, а фраза его полна реального смысла.

Далее. Автор пишет первый раз «прегородиша», во второй раз — «преградиша». Очень маленькая разница в написании, на которую плюют толкователи-переводчики. А разница смыслов явная: «*прегородиша*» означает «заступили», «перекрыли», «*перегородили*», что свойственно нападающим; «*преградиша*» означает «*преградили*», «удержали», что свойственно обороняющимся. Так что предложение

«рускыя полкы *отступиша*»

находится во внутренней связи с последующей фразой

«храбрии русици *преградиша* чрълеными щиты».

Вслед за констатацией

Дети бесови кликом поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты

автор восклицает:

**Яръ туре Всеволоде!
Стоиши на борони, прыщени на вои стрелами...**

В переводе Лихачёва:

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты на обороне...

Совершенно верно. Летописью описано, что в виду несомненного превосходства половецких сил русские полки сразу начали отступать, отбиваясь от наседающих половцев. Всеволод, очевидно, прикрывал это отступление. Как же можно было «исправлять» авторское «*отступиша*» на какое-то противоречащее грамматике предложения «*оступиша*», имея продолжение, которое прямо описывает попытку отступления русского войска?!

200 лет тайны

На этом заканчиваю перевод НАЧАЛА «Слова о полку Игореве». Следующая часть (описание рокового боя и его последствий) начинается описанием подвигов Всеволода:

Яръ туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрелами,
грэмлеши о шеломы мечи харалужными!
Камо тур поскочяше,
своим златым шеломом посвечивая,
тамо лежат поганыя головы половецкыя!
**Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя
от тебе, яръ туре Всеволоде!**

В моём переводе:

*Ярый туре Всеволоде!
Стоиши на обороне,
прыщешь в противника стрелами,
грэмлеши о шлема мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие!
**Поскепаны саблями калёными шлемы оварские
от тебя, ярый туре Всеволоде!***

Часть IX. Экскурс в историю

«НЫНЕШНИЙ ИГОРЬ»

Б.А.Рыбаков основательно возражает против героизации Игоря. Но сначала истории.

Последние 20 лет княжения Ярослава Мудрого, когда после смерти брата Мстислава он стал единовластным правителем Киевской Руси (Полоцкое княжество сюда не входило), были годами полного мира. В завещании Ярослав поделил Русь между сыновьями (Изяславом, Святославом и Всеволодом) и завещал им жить в мире и дружбе. Однако через несколько лет этот мир оказался нарушен Святославом, прадедом «нынешнего Игоря». Святослав отобрал киевский великий (главенствующий) стол у старшего брата Изяслава. Однако Святослав скоро умер (в 1076). Изяслав вернулся в Киев. Сыновья же Святослава (Глеб, Роман, Олег и другие), лишившись могучего отцовского покровительства, перешли в ряд второстепенных князей.

Олег, гостивший в Чернигове у дяди Всеволода, вскоре после смерти отца (в 1078) бежал к своим братьям, Глебу и Роману, в Тмуторокань, русское княжество на берегу Керченского пролива (город Тамань полагают на этом месте). В Тмуторокане собралась обиженная княжеская молодёжь. Договорившись с половцами о совместных действиях, князь Олег вместе с другим «сиротой», Борисом Вячеславичем, двинул на Чернигов русско-половецкое войско. Так начались «полчи Олговы».

Олегово русско-половецкое войско одержало победу над Изяславом и Всеволодом. Тогда Изяслав вызвал себе в помощь сына Святополка из Новгорода, а Всеволод — сына Владимира (будущего «Мономаха») из Смоленска. Перевес сил оказался на стороне Изяслава и Всеволода. Олег решил не вступать в новое сражение. Но его напарник Борис Вячеславич проявил военную спесь. Битва состоялась. В этом сражении на Нежатиной Ниве войска Олега и Бориса были разбиты. В этом сражении Борис был убит, а великий князь Изяслав был убит вне сражения копьём в плечо, когда стоял среди спешенных воинов. Кем был подослан убийца, мнения разнятся. В «Слове» так повествуется об этих событиях:

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля;
были полцы Олговы, Ольга Святославичя.
Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше.
Ступает в злат стремень в граде Тьмуторокане
(тои же звон слыша давный великий Ярославь),
а сын Всеволожь Владимир
по вся утра уши закладаше в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд приведе
и на канину зелену паполому постла
за обиду Олгову, храбра и млада князя.
С тоя же Каялы Святополк повелея отца своего
междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву.

Трижды наводил Олег половцев на русские земли. Владимир Всеволодович («Мономах»), благодаря личным достоинствам (а не старшинству) выдвинувшийся в ведущего деятеля среди князей, добился в 1097 году княжеского съезда, состоявшегося в Любече. Мономах настоял на прибытии также Олега, главного смутьяна и разорителя русских земель. Съезд был посвящён «устройению мира» между князьями и увенчался успехом. В решении съезда говорилось:

Почто губим руськую землю, сами на ся котуру деюще? А половци землю нашу несут розно и ради суть, оже межю нами рати.
(Зачем губим русскую землю, друг на друга напраслину возводя? А половцы землю нашу грабят по частям, и всё оттого, что между нами противоборства).

Так закончились «полци Олговы». Олег умер в 1115 году. В 1125 году умер Владимир Мономах. После смерти Мономаха политику распрай и наведения половцев на русские земли возобновили сыновья Олега («Ольговичи») и в первую очередь Святослав Ольгович, отец «нынешнего Игоря»*.

Военный союз Олега с половцами был скреплён также брачным союзом. Так что дети Олега были по матери потомками половецких ханов. Ольговичи регулярно уклонялись от совместных с русскими князьями походов на половцев. Игорь, сын Святослава Ольговича, в этом отношении был типичным «Ольговичем». Он, в частности, уклонился от совместного похода русских князей на половцев в 1184 году, предпочтя грабёж в оголённом половецком тылу (ибо половецкое войско ушло на войну с русскими объединёнными князьями). А до этого с половецким ха-

* Игорь родился в 1151 году, перед пасхой. Летопись Поликарпа: «Не дожда велика дня [пасхи], но пойде в понедельник святой [страстной?] неделе, а во вторник [3 апреля] родился у него [Святослава] сын и нарекоша имя ему в святом крещении Георгий, а миръскии — Игорь». Цитировано по кн. «Пётр Бориславич», стр. 36 и 230. Обращаю внимание, что дата рождения здесь не переведена в григорианский стиль.

ном Кончаком Игорь делал набег на Полоцкое княжество. А ещё с тем же Кончаком ходил на Киев и, потерпев поражение, в однной лодке с Кончаком удирал от преследования.

Поход Игоря и Всеволода на половцев весной 1185 года был предпринят втайне от великих киевских князей (Святослава и Рюрика) и подразумевал грабёж чужих Кончаку половецких земель. В поход Игорь взял своего 12-летнего сына Владимира, уже обручённого с дочерью Кончака. Не только «Слово», но также летописи не упоминают о каких-либо враждебных действиях Кончака против Игоря. Кончак прибыл на поле битвы, когда участь русского войска была уже решена. Но Кончак добился, чтобы Игорь был отдан ему (Кончак был одним из самых могущественных половецких ханов), и создал наилучшие условия пленённому Игорю: свобода передвижения, свита из юношей знатных половецких семей, возможность охоты, из Руси по желанию Игоря был выписан поп. Бегство Игоря из плена, возможно, не противоречило желанию Кончака, у которого оставался зять, 12-летний сын Игоря Владимир. Через два года, в 1187 году, Владимир Игоревич вернулся на Русь с женой Кончаковной и с ребёнком.

Неизменно дружественное отношение Кончака к Игорю проявилось также в том, что он отказался от нападения на Игорево Северское княжество (Посемье) после разгрома (уничтожения) Игорева войска. Новгород-Северское княжество, лишившись защиты, становилось желанной добычей для половцев. Но грабить его бросился Гзак, а Кончак отказался. Вместо этого Кончак пошёлвойной на Переяславль.

Вернувшись из плена на Русь, Игорь отправился в Киев. Великие киевские князья (в эту пору в Киеве был дуумвират, то есть правили одновременно два князя: Святослав и Рюрик) обещали Игорю помочь.

В 1187 году состоялся совместный поход Мономашичей и Ольговичей на половцев. Князь Игорь также принял в нём участие. После этого похода киевский великий князь Рюрик («Мономашич») отдал свою дочь за 10-летнего сына Игоря Святослава. В 1198 году умер черниговский князь Ярослав, Игорь стал черниговским князем (получил повышение в княжеской иерархии). Умер черниговским князем.

АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ПЁТР БОРИСЛАВИЧ

В литературе по «Слову о полку Игореве» ещё с 19 века обсуждается вопрос об авторе этого произведения. Кандидатур вы-

200 лет тайны

двинуто много, вплоть до князя Игоря. Каково моё мнение на основании собственного впечатления о произведении?

Во-первых, «Слово о полку Игореве» — произведение высочайшего литературного мастерства. Во-вторых, мне кажется, оно принадлежит человеку преклонного возраста. В-третьих, это произведение человека общественного темперамента, высокого положения, большой исторической осведомлённости и жизненной школы. Наконец, взгляды этого человека киево-центричны. Поэтому гипотеза **Б.А.Рыбакова** о киевском боярине Петре Бориславиче как авторе «Слова о полку Игореве» мне кажется пока единственной правдоподобной. **Пётр Бориславич**, происходивший из знатнейших киевских бояр, был дипломатом, военным писателем, киевским тысяцким (предводителем киевского боярства), самым выдающимся великокняжеским летописцем 12 века и единственным летописцем-мирянином. В момент Игорева похода ему было, по оценке Рыбакова, примерно 65 лет. Умер он, по оценке Рыбакова, в 1196 году, примерно 76 лет.

Своим «Словом о полку Игореве» Пётр Бориславич решал сложнейшую дипломатическую задачу ликвидации векового раскола между «ольговичами» и «мономащичами». Небывалый разгром тайного от киевских князей похода «ольговичей» на половцев и то сложное положение, в котором оказался князь Игорь в результате разгрома и нашествия половцев на русские земли, давало редкостный козырь опытному в политике и искуснейшему в писательстве боярину-летописцу. Он поставил себе, очевидно, целью извлечь из сложившейся ситуации максимум дипломатического успеха.

По мнению **Б.А.Рыбакова**, «Слово о полку Игореве» сыграло немалую роль в примирении «мономащичей» с «ольговичами» и, тем самым, содействовало укреплению могущества Руси.

ИНОЙ ВЗГЛЯД НА ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ

Выше история взаимоотношений «мономащичей» и «ольговичей» освещена на основе общепринятых взглядов ак-ка **Б.А.Рыбакова**. Однако существует иной взгляд, возлагающий ответственность за распри между «мономащичами» и «ольговичами» не на Олега Святославича, а на Всеволода Ярославича и его сына Владимира («Мономаха»). Этот взгляд основательно защищает историк и археолог **А. Никитин**. Он иначе видит также поход князя Игоря в половецкую степь в мае 1185 года. Несмотря на то, что это видение не соответствует выраженному в «Слове о полку Игореве», картина отношений русских князей между собой и с половецкими ханами начертана Никитиным

очень живо. Обычные наши сведения и представления об этом времени явно однобоки. Приводимая ниже выписка «из Никитина» призвана расширить взгляд на взаимоотношения русских князей со «Степью» (небольшие сокращения указаны как [...]):

Вже давно ставится вопрос о прямой связи событий, воспетых в поэме, с женитьбой сына Игоря Святославича, Владимира Игоревича, на дочери Кончака. Упоминание «сватов» в «Слове» особенно ярко перекликается с рассказами Ипатьевской летописи, что после боя «Кончак поручился по своего свата Игоря, зане бяшеть ранен». И не только поручился, то есть взял на поруки. Кончак настойчиво отговаривал Гзака идти «воевать Посемье», принадлежащее Игорю, и не пошёл туда сам. Больше того, можно думать, что именно Кончак организовал « побег » Игоря, уведя погоню Гзака по ложному следу.

Уже сам факт поручительства плохо согласуется с привычным представлением, что Игорь «пошёл войной на половцев», тем более на Кончака. [...]

Прежде чем аппелировать к логике и здравому смыслу, обратимся к текстам, которыми располагаем. Здесь мы находим два факта, которые нельзя игнорировать, анализируя события 1185 года: многолетнюю предшествующую дружбу Игоря с Кончаком и ожесточённую усобицу Игоря с Переяславским князем Владимиром Глебовичем.

Впервые Ипатьевская летопись сопрягает имена Игоря и Кончака под 1174 годом: молодой князь нагнал в степи Кончака и Кобяка и отобрал у них полон. По-видимому, произошло какое-то недоразумение, поскольку инцидент разрешился быстро: как пишет летописец «была рать мала», тем всё и кончилось. Вряд ли то была их первая встреча. Половчанками были мать Игоря и бабка по отцу, так что «русский князь» был на 3/4 половцем (как и его брат Всеялод). В Степи были у них многочисленные родственники, а кровное родство, свойство и просто дружба чтились степняками свято. Подтверждает такой вывод и следующее наблюдение. Начиная с 1180 года Кончак и другие половецкие ханы, приходя на помощь Святославу Всеялодовичу, испрашивают себе в начальники Игоря, по-видимому отдавая должное его опыту и таланту.

Именно предыдущая дружба с Кончаком приводит в феврале 1183 года Игоря к размолвке с Переяславским князем Владимиром Глебовичем. В отместку тот учинил такой же безжалостный разгром земель Игоря в Посемье, как это сделал два года спустя Гзак. Игорь не остался в долгу, «взяв на щит» «город Глебов». С этого момента усобица между «мономашичем» (то есть потом-

200 лет тайны

ком Владимира Мономаха), каким был Владимир Глебович, и «ольговичем» (потомком Олега Святославича), каким был Игорь, разгоралась всё жарче и к весне 1185 года грозила охватить всю русскую землю, приводя на память ситуацию столетней давности, о чём повествовал в своих поэмах Боян. Союзниками «мономашичей» выступили торки и берендеи, «ольговичей» — половцы, с которыми они были связаны многолетними узами родства и дружбы.

Естественно, в такой ситуации поход Игоря против половцев и Кончака оказался бы сплошным безумием. Только был ли этот поход?

Напомним, что предприятие это кончилось, всё же, не плением Игоря и его спутников, а браком сына Игоря с дочерью Кончака. И здесь следует подчеркнуть нюанс, который упускают из виду многие исследователи. В отличие от нашего времени, в ту эпоху, особенно между князьями и ханами, каждому такому браку предшествовали многолетние переговоры. Следы их можно найти и в данном случае: Игоря и Всеволода сопровождает некий Ольстин Олексич, который незадолго перед тем был «в половцах» с какой-то официальной миссией.

Но обратимся к самому походу и к тому, что говорят о нём летописи.

Давно замечено, что рассказы летописных сводов (которые мы только для простоты называем «летописями») о событиях 1185 года резко отличаются друг от друга и по объёму фактов, и по их освещению. Рассказ Лаврентьевской летописи, являющейся апологией «мономашичей», изображает поход в саркастических тонах. Наоборот, интересом и сочувствием к Игорю проникнуто повествование Ипатьевской летописи, позволяя видеть в нём сокращённую, значительно переработанную самостоятельную повесть, только позднее включённую в состав свода.

И здесь нам открывается любопытная картина.

В Ипатьевской летописи нет ни слова о причинах похода. О том, что черниговские князья решили себе «добыть славы», говорит только автор Лаврентьевской летописи, причём говорит с издёвкой. В Ипатьевской это предприятие «походом» не названо. Игорь не «выступил», не «исполчился», а всего только «поехал» из Новгорода (Северского), «взяв с собой» своего брата, племянника и старшего сына. Ехали они, как подчёркивает автор повести, «не спеша», отнюдь не заботясь о том, что об их поездке могут проведать половцы.

Ещё более странным выглядит приведённый автором эпизод со «сторожами», то есть разведкой, которая сообщила Игорю, что «видехомся з ратными нашими, с доспехомъ ездять», поэто-

му надо или поспешить — куда? — или возвратиться домой, ибо «не наше есть время».

Не правда ли, странная дилемма для собравшихся в грабительский набег?

Между тем, основания для опасения действительно были, и весьма серьёзные. Незадолго до этого «мономашичи», при участии Владимира Глебовича и киевских соправителей, Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, ходили на половцев и взяли большой полон, который всё ещё ждал в Киеве выкупа или обмена. Гзак, сыгравший трагическую роль в судьбе Игоря, как можно полагать, шёл именно за «обменным фондом». Вот почему, согласно сообщениям Лаврентьевской летописи, сразу же после победы он послал с проходившими купцами весть князьям в Киев: или вы приходите меняться с нами, или мы придём к вам... Но это произошло уже в мае, а в апреле все ожидали набега, и в степь Игорем были высланы дозоры, «ратные», поскольку его земли граничили и со степью и с Переяславским княжеством.

Примечателен здесь и ответ Игоря, возразившего, что, не столкнувшись с опасностью, повернуть назад — «срам пуще смерти», то есть вернуться с дороги можно только в случае неизбежности боя. Это значит, что бой не был целью экспедиции, его пытались избежать всеми силами.

Вместе с тем, ни опасность встречи с врагом, ни зловещее солнечное затмение 1 мая 1185 года не остановили Игоря и его спутников. Причина поездки оказывалась столь важной, что предостережениями и знамением следовало пренебречь.

Самое удивительное, что возможность бескровной победы подтвердила уже на следующий день, в результате так называемого «первого боя», одинаково описанного как в «Слове о полку Игореве», так и в Ипатьевской летописи. Особенно важен, на мой взгляд, тот факт, что в описании этого «боя» согласны все три столь разноречивых источника: памфлет Лаврентьевской летописи, не скрывающей своей неприязни к «ольговичам», «Слово», воспевшее победу князей над бежавшим врагом, и текст Ипатьевской летописи, сохранивший наиболее обстоятельное описание происходившего.

Именно поэтому постараемся перечитать его возможно внимательнее.

Русский отряд подошёл к реке Сюурлий в полдень. Половцы ожидали на противоположном берегу, выстроившись в боевые порядки. За ними стояли их «вежи» — просторные юрты на огромных платформах с колёсами, запряженные десятками волов. [...]

200 лет тайны

Русские князья не успели «ополчиться», то есть построиться и подойти к воде (стоит сказать, что здесь впервые названы «полки» — раньше упоминалась только «дружина», а это далеко не одно и то же), как из рядов половцев выскочили лучники, пустили по стреле «в сторону русских» и тотчас ударились в бегство. «Поскакали и те половцы, которые стояли далеко от реки» — пишет летописец. Иным словами, не приняв бой, а лишь «отсалютовав» своими стрелами, половцы бежали, бросив на произвол судьбы свои дома и семьи! Русские, перебредя реку, бросились к вежам, бросились в погоню, но боя так и не было.

Не правда ли, странно? И это — те половцы, которые разбивали наголову войска византийских императоров, уничтожили страшных печенегов, разбили в 1068 году объединённые силы русских князей и спасли Грузию от вторжения турков-сельджуков?

Естественно, предположить в таком случае можно только одно: был не бой, а всего лишь инсценировка боя, после которой начался «пир победителей» — радостный, продолжавшийся весь вечер до рассвета, совершенно беспечный. Последнее представляется совершенно невероятным. Во-первых, это было не в обычаях того времени, а, во-вторых, никто не отменил опасности, о которой предупреждали «сторожа». Наконец, почему забыли о бежавших половцах? И всё же русские князья почему-то были настолько уверены в безопасности, что на следующее утро «изумились», увидев себя окружёнными врагами.

А на что другое они могли рассчитывать?

И тут возникает ещё одна странность. В руках русских князей находился богатый полон, которым они могли обеспечить свою свободу. Набеги и войны того времени преследовали лишь две цели: совершение «подвига» и захват пленных, чтобы потом обменять их на своих или получить выкуп. В данном случае вопрос о выкупе, похоже, не поднимался, как если бы Игорю и его спутникам нечего было предложить в обмен. А как же «вежи», как же «кожухи, яPOCHИНцы и драгие оксамиты», как же «красные девки половецкие»? Или они обмену почему-то не подлежали?

Может быть, именно здесь искать ключ к разгадке?

«Слово о полку Игореве» в ряде мест оказывается удивительно точным, как того и требовала рыцарская поэзия. В перечне трофеев, захваченных на берегу реки Сюурлий, мы не находим ни рабов, ни детей, ни стариков. Никого, кто должен был находиться в вежах. В поэме перечислены только одни молодые половчанки. И, что особенно интересно, здесь же приведён обширный список одежд, материй и различного рода драгоценностей,

прямо связанных с красными девками, которых нападающие «помчаша по полю».

До последнего времени «красные девки» не привлекали особого внимания исследователей. И — напрасно. В тексте «Слова» многие слова и сочетания употреблены дважды, как бы раскрывая смысл предыдущего. Второй раз словосочетание «красная девка» оказывается синонимом дочери Кончака в устах её отца, убеждающего Гзака не беспокоиться о выкупе за Игоря, поскольку он его всё равно получит. [...]

Загадочная сшибка на берегу Сюурлия предстаёт реалистической картиной обычного «умыкания» невесты: с инсценировкой боя, со скачками за невестой и её подружками (кстати, тоже невестами), с «грабежом» приданого и с последующим свадебным пиром, который в первый день совершался обязательно без родителей невесты. Последние должны появиться только на следующий день, когда невеста уже стала женой похитителя, чтобы потребовать калым «за бесчестие».

Такое объяснение, на мой взгляд, хорошо согласуется с теми фактами, которыми мы располагаем.[...] Дело шло о женитьбе Игорем старшего сына на дочери его друга и союзника, и в уловленном месте их ждала невеста в сопровождении своих подруг и служанок под надёжной охраной родственников. Подтверждением тому, что женитьба Владимира Игоревича была делом решённым, служит тот факт, что он выехал не из Новгорода Северского с отцом, а из Путинля, столицы его собственного княжества, выделение которого княжичу всегда предшествовало его женитьбе. [...]

Стоит заметить, что по своим родственным связям и происхождению невеста занимала гораздо более высокое положение, чем пограничный путинльский князь. Кончак был прямым внуком и наследником Шарукана, «великим ханом» донского объединения половцев, а его сестра (или тётка?) — женой грузинского царя Давида IV (Строителя). Таким образом, сын Игоря женился на половецкой принцессе и, если верить грузинским источникам, — на племяннице или внучке грузинской царицы.

Вот почему два года спустя Владимир с женой были торжественными гостями на двойной свадьбе — младшего сына Игоря, женившегося на дочери Рюрика Ростиславича, и сына Рюрика Ростиславича, женившегося на дочери владимиро-суздальского князя Всеолода Юрьевича.

Здесь стоит сказать несколько слов вообще о русско-половецких отношениях, которые предстают в работах современных историков слишком тенденциозно, если не сказать резче. Причин этому много: личные симпатии или антипатии к тому или друго-

200 лет тайны

му князю, буквальное прочтение русских летописей, многократно переписывавшихся, искажавшихся и фальсифицированных, как и вся русская история, в угоду тому или иному венчаному деспоту, отсутствие подлинно исторического анализа и вольное обращение с фактами в угоду очередной политической концепции. Так сложилось впечатление, что с середины XI века до начала XIII века постоянной и грозной опасностью для Руси были половцы, на борьбу с которыми она тратила все свои творческие силы. Мы читаем о половецких набегах, о планах похода «всей Степи» на Русь, о желании половцев захватить русские города и «пополнить» всю землю Русскую...

Ничего подобного не было, достаточно лишь внимательно прочесть летопись и — посчитать.

В этом случае окажется, что не спровоцированных князьями было только два половецких прихода на Русь — в 1061 и в 1068 годах. Остальные столкновения вызваны походами половцев на торок, которых они упорно считали своими беглыми рабами, местью за предательски убитых послов и обиженных русских родственников. Об этом уже давно писал ак-к А.С.Орлов, подчеркнувший, что в XII веке половцы приходили на Русь почти исключительно по приглашению своих русских родственников.

Действительно, утверждая постоянную «конфронтацию» Руси и Степи, мы не поймём ни симбиоза двух культур, ни настойчивости русских князей, которые женились на половчанках. Ни печенеги, ни торки, ни берендеи, ни хазары, ни готы, ни волжские болгары не удостаивались этой чести. В летописи мы найдём более полутора десятков браков русских князей с половчанками, в результате которых большая часть русских князей к концу XII века наполовину или даже на три четверти оказываются по крови половцами.

Русь и Половецкая Степь были связаны самыми тесными узами кровного родства. Следует подчеркнуть — родства священного для тюркских народов! Вот почему половцы регулярно присыпали гонцов к своим русским родственникам с вопросом: «Здоровы ли? Не нужно ли прийти на помощь?»

Мы не знаем, выдавали ли замуж за половцев княжеских дочерей. Летописи об этом молчат, но христианские имена половцев второй половины XII века, похоже, прямо свидетельствуют об этом. Как сами русские княжны относились к половцам, показывает история дочери городенского князя Всеиволодко Давыдовича. В 1151 году, после гибели своего первого мужа, черниговского князя Владимира Давыдовича, вместе с малолетним сыном Святославом она бежала в Степь, чтобы выйти замуж за половецкого хана Башкорда. Тот не только вырастил пасынка,

но добился для него княжения на Руси, а впоследствии неизменно приходил со своим отрядом к нему на помошь...

Наконец, половцы были христианами. Не буду приводить все имеющиеся факты и аргументы, их нетрудно найти. Достаточно сказать, что ни о каком крещении половецких княжён летописи не говорят. Торки исповедывали несторианство и манихейство, отрицая поклонение иконам и нужду в специальных помещениях (храмах), а потому для ортодоксального духовенства Константинополя были более «поганы», чем действительные язычники или мусульмане. И здесь мы находим ответ на вопрос, почему монах-летописец так яростно обрушивается на «поганых агарян», как он именует половцев.

Русская церковь, во главе которой стоял присылаемый из Константинополя грек-митрополит, направляя перо летописца, активно вмешивалась во внутреннюю и внешнюю политику князей. С самого начала возникновения митрополии в Киеве, после 1037 года, Константинополь видел в русских князьях только сторожей его северных границ. Русь обязана была служить заслоном на пути половцев, подавлять восстания болгар на Дунае, посыпать отборных воинов для защиты Византийской империи от арабов.

Чтобы прочнее привязать киевских князей к константинопольскому двору, за них выдавали племянниц императора, жаловали им придворные чины и посыпали подарки. Первым «проповедником» русским князем стал Всеволод Ярославич, женатый на «цесаревне». Ещё более рьяно проводил политику Константинополя на Руси его сын, полугrek Владимир Мономах, а позднее — его внук, Мстислав Владимирович. Половцы были врагами Византии и союзниками болгар. Поэтому, исключая Юрия Долгорукого, женатого на половчанке, и его сына Андрея Боголюбского, «мономашичи» были врагами половцев.

Между походами половцев на Дунай, болгарскими восстаниями против Византии и походами русских князей грабить половецкие стада и кочевья прослеживается прямая зависимость. [...]

Иную позицию занимали «ольговичи». Их территорией было левобережье Днепра, лесостепь, уходившая на северо-восток к Оке и Волге. Черниговские (а до убийства Андрея Боголюбского и владимиро-суздальские) князья стояли за мир и дружбу со Степью, за симбиоз культур, за противостояние Византии и её традиционной политике натравливания друг на друга народов и княжеств. Отсюда непримиримая рознь между двумя ветвями рюриковичей, борьба северо-восточных князей с Киевом, который стал оплотом константинопольского двора. Отсюда и истоки

конфликта, который с такой силой разгорелся к весне 1185 года между Игорем Святославичем и Владимиром Глебовичем.

Такова подоплёка событий, в центре которого оказался брак Владимира Игоревича и Кончаковны. Он ещё раз должен был укрепить традиционные родственные связи черниговских князей и обезопасить южные и восточные рубежи княжества, охрану которых теперь должны были нести их степные родственники. Естественно, этот союз был направлен, в первую очередь, против Владимира Глебовича, чьи владения подступали с юга к самому Путивлю.

Но вернёмся к утру того дня, когда русские князья и новобрачные увидели себя в руках Гзака. [...] Эпический «трёхдневный бой», конечно же, не имеет ничего общего с действительностью. [...] Вопреки расчётом некоторых исследователей, ничем не обоснованных, с Игорем была только его дружина, несколько десятков человек, и столько же со Всеволодом. Между тем, даже самые крупные сражения того времени никогда не продолжались дольше одного светового дня. То же подтверждает и Лаврентьевская летопись, на факты которой можно полагаться хотя бы потому, что она пытается представить события в самом невыгодном для Игоря свете.

Как мы помним, она сообщает, что Гзак тотчас же послал весть о плenении Игоря в Киев. Полон он взял, хлопоты кончились, надо было скорее произвести обмен пленных. Из Ипатьевской летописи мы узнаём, что в Посемье он пошёл уже после того, как Кончак взял Игоря на поруки. Факт немаловажный. Он означает, что Гзак оказался с пустыми руками, ему надо было добывать новый полон. Тем самым выясняется, что между плenением Игоря и появлением Кончака прошло определённое время, когда и была послана весть в Киев.

Выходит, что известие Ипатьевской летописи, будто бы на поле сражения Кончак появляется вместе с Гзаком, не соответствует действительности. Такое освещение событий было сделано много позже в силу тенденциозной переработки текста, включённого в летопись, благодаря чему поход Игоря стал выглядеть военным предприятием, направленным против половцев. На самом деле сват Игоря опоздал. Ему пришлось выручать из плена дочь и зятя, выручать весь полон, который никто не стал бы отдавать задаром даже «великому хану».

(А.Л.Никитин «Слово о полку Игореве (Тексты. События. Люди)», М., 1998. С. 158–167)

Часть X. ПРОЛОГ и НАЧАЛО

«Слова о полку Игореве»

синхронно

древнерусский текст и перевод

Ниже с целью точного сопоставления приведены параллельно два текста ПРОЛОГА и НАЧАЛА: древнерусский и мой перевод. Древнерусский текст приводится по Первому изданию (1800 г). Главное отличие его от древнерусского оригинала, приобретённого Мусиным-Пушкиным, в том, что там не было разбиения на отдельные слова, а было только разбиение на словосочетания.

Разбиение на слова Первыми издателями зависело от того, как они осмысливали текст. Нынешнее осмысление далеко ушло от Первых издателей. В связи с этим в некоторых случаях изменилось деление на слова. Вот:

- 1) леполи — лепо ли,
- 2) луцежъ — луце жъ,
- 3) чили — чи ли,
- 4) на переди — напереди,
- 5) къ мети — къмети,
- 6) въстазби — въста зби,
- 7) по морию — Поморию,
- 8) по Сулию — Посулию,
- 9) въ срожатъ — въсрожать,
- 10) небылонь — не было нъ,
- 11) съморя — съ моря.

Необходимость этих исправлений вполне очевидна. Совсем не очевидным явилось введённое мною исправление:

- 12) по хоти и жалость — по хотии жалость,

потому что в данном случае пришлось перейти от известного древнерусского слова «хоти» к неизвестному древнерусскому слову «хотие».

В приводимый ниже древнерусский текст Первого издания внесены все эти 12 исправлений.

Есть ещё другая группа вносимых исправлений, суть которых — затрагивающее смысл вмешательство в буквенный состав

200 лет тайны

древнерусского текста. То есть исправляют не Первых издателей, а сам пропавший древнерусский оригинал. Вот:

- 1) речь — рече,
- 2) песь — песнь,
- 3) зби — збися,
- 4) подобио — по дубию,
- 5) убуди — будися,
- 6) уже не шеломянемъ еси — уже за шеломянем еси,
- 7) отступиша — оступиша.

На протяжении книги было доказано, что из всех этих исправлений только исправление

«подобио» на «по дубию»

оказывается неложным. С другой стороны, я обосновал необходимость исправления в ПРОЛОГЕ

«мыслию» на «мысию»,

«трянью» на «бояню».

В нижеследующем древнерусском тексте я **точно воспроизвожу буквенный состав Первого издания «Слова о полку Игореве»** («ять» передано буквой «е», «и» буквой «и», числа переданы цифрами, буквы «й» в древнерусском тексте быть не могло и она заменена буквой «и», прописные буквы Первого издания не сохранены).

Знаки препинания древнерусского текста Первого издания не воспроизведены, так как знаки препинания целиком зависят от толкования.

В древнерусском тексте мною в скобках указаны **исправленные варианты** (**«мысию»**, **«Ярославу»**, **«бояню»**, **«по дубию»**); жирным курсивом выделены те слова, которые зря **«исправлялись»** предыдущими толкователями (**«песь»**, **«речь»**, **«спала»**, **«зби»**, **«роспущени»**, **«бо беды его пасет птицъ»**, **«верожать»**, **«убуди»**, **«нъ»**, **«не»**, **«отступиша»**) и простым курсивом выделены слова, которые **обрели иное понимание и (или) иной перевод** (**«не лепо ли»**, **«старыми словесы»**, **«трудных»**, **«былинам»**, **«бояню»**, **«бо»**, **«усобице»**, **«преди»**, **«красному»**, **«же от старого Владимира»**, **«истягну»**, **«поостри»**, **«рече к»**, **«а»**, **«похоти и»**, **«жалость»**, **«приломити»** и **«приложити»**, **«а любо»**, **«сия»**, **«полкы»**, **«ущекотал»**, **«по мыслену древу»**, **«летая»**, **«славы»**, **«оба полы»**, **«сего времени»**, **«в тропу»**, **«внуку»**, **«буй тур»**, **«конецъ копия»**, **«повити»**, **«грозою»**, **«див»**, **«земли незнаеме»**, **«тмутороканский болван»**, **«роспущени»**, **«бо»**, **«верожат»**, **«русская земле»**, **«мркнет»**, **«запала»**, **«ему след»**, **«преградиша»**). Глаголы, которым я дал иную, чем принято, форму перевода, выделены жирным шрифтом.

синхронно древнерусский текст и перевод

Перевод следует древнерусскому тексту «слово в слово», то есть каждому слову древнерусского текста соответствует слово перевода (исключение: «помняшеть бо»=«воспомнивал», «повити»=«на свет приняты»). **Порядок слов в переводе точно соответствует порядку слов в древнерусском тексте.** В некоторых случаях для ясности смысла предпочтён менее художественный перевод из представлявшихся.

Обращает на себя внимание интонационное богатство речи древнего автора.

**СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.**

Не лепо ли ны бяшеть, братие,
начати
старыми словесы
трудныхъ повестии о пълку Игореве,
Игоря Святъславича?
Начати же ся
тѣи песни по былинамъ сего времени а не по замышлению бояню!
Боянъ бо вещии,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется
мыслию (мысию) по древу,
серымъ вѣлкомъ по земли,
шиzymъ орломъ подъ облакы,
помняшеть бо речь първыхъ временъ усобице.
Тогда...
пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедei.
Которыи дотечаше —
та преди песь пояше старому Ярослову (Ярославу),
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ пѣлкы касожскими,
красному Романови Святъславичю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедei пущаше,
нъ своя вещиа прѣсты на живая струны вѣскладаше,
они же
сами
княземъ
славу
рокотаху.

Почнемъ же, братие,
повесть сию отъ старого Владимира до нынешняго Игоря,
иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
напльнився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя пѣлкы
на землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь вѣзре на светлое солнце и виде:
отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь къ дружине своей:
«Братие и дружино!
луче жъ бы потяту быти,
неже полонену быти...»

**СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
(ИГОРЯ СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА).**

Не достойно ли нам было бы, братие,
начать
исконными словами
горьких повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же
той песни по памятамъ сего времени а не в духе бояновом!
Боян, слывший вѣщим,
если кому хотел песнь творить,
то словно бы растекался:
белкой по дереву,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака,
вспомнивал речь о первых времён усобице.
Тогда...
пускавал 10 соколов на стадо лебедей.
которую досягали —
та прежде хвалу пела старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю перед полками касожскими,
благолепному Роману Святославичу.
Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пускал,
но свои вещиа пальцы на живые струны воскладал:
они же
сами
князям
славу
рокотали.

Почнём же, братие,
повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря,
что вдохновивши был ум крепостью своею
и отточивши сердца своего мужеством;
наполнившись ратного духа,
наведши был храбрые свои полки
на землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь возврэзвши был на светлое солнце и видевши:
от него тьмою все его воины прикрыты.
И обратившись был Игорь к дружине своей:
«Братие и дружино...
лучше ж бы убиту быть,
нежели полонёну быть...»

А! Всядемъ, братие, на свои бѣрзыя комони
да позримъ синего Дону!»
Спала князю умъ *по хотии жалость*:
ему знамение заступи искусити Дону великаго.
 «Хощу бо, — рече, —
копие приломити конецъ поля Половецкаго!
Съ вами, русици, хощу главу свою *приложити*,
а любо испити шеломомъ Дону!»

О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сиа плѣкы ущекоталъ,
скача славию *по мыслену древу*,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени!

Рища вѣ тропу троянью (бояню), чресъ поля на горы,
петь было *песь* Игореви *того внуку*:
 «Не буря соколы занесе.
Чрезъ поля широкая
галици стады бежать къ Дону великому!»
 Чи ли въспети было,
вещей Бояне, Велесовъ *внуче*:
 «Комони ржуть за Сулою —
— звенить слава въ Кыеве,
трубы трубять въ Новеграде,
стоять стязи въ Путивле»??!

Игорь ждеть мила брата Всеволода.
 И рече ему *буи туръ* Всеволодъ:
 «Одинъ братъ, одинъ светъ светлыи ты, Игорю,
оба есве Святъславлича...
 Седлаи, брате, свои бѣрзыи комони.
А мои ти? Готови, оседлани у Курьска напереди.
 А мои ти куряни сведоми къмети:
 подъ трубами *повити*,
 подъ шеломы възлелеяны,
 конецъ копия въскормлени;
 пути имъ ведомы,
 яругы имъ знаемы;
 луци у нихъ напряжены,
 тули отворени,
 сабли изъстрени;
 сами скачютъ, аки серыи вльци въ поле,
 ищучи себе чести, а князю славе».

Тогда *въступи* Игорь князь въ златъ стремень
и *поеха* по чистому полю.
 Солнце ему тѣмою путь заступаше;
 ноцъ стонущи ему грозою, птичъ убуди;

А!.. Всядем, братие, на свои борзые кони
да позрим синего Дону!»
Вспала князю в ум *по хотимому жалость* —
ему знамение *заступивши* было искусить Дону великого...

«Хочу-таки, — *сказавши был*, —
копиѣ испытать о конец поля Половецкого!
С вами, русици, готов голову свою *положить*,
а любо испить шлемом Дону!»

О Бояне, соловушко старого времени!
Как бы ты *такие воинства ущекотал*,
скача соловѣм *по древу воображения*,
возносясь умом под облака,
свивая славы обеим концам сего времени!

Устремляясь в традицию боянову, через поля на горы,
петь бы *хвалу* Игореву *того последователю*:
 «Не буря соколов занесла.

Через поля широкие
галоччи стада бегут к Дону великому!
 Или так воспеть надо было бы,
вещей Бояне, Велесов *наперсник*:
 «Кони ржут за Сулою —
— звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новгороде,
подняты знамёна в Путивле»??!

Игорь ждёт милого брата Всеволода.

И *сказавши был* ему *добрестный* Всеволод:
 «Один брат, один свет светлый ты, Игорю,
оба мы Святославичи...
 Седлай, брате, своих борзых коней.

А мои то? Готовы, оседланы у Курьска напереди.

А мои те куряне сведущие молодцы:

под трубами *на свет приняты*,
 под шлемами взлелеяны,
 концом копия вскормлены;
 пути им ведомы,
 овраги им знаемы;
 луки у них напряжены,
 тулы отворены,
 сабли изострены;
 сами скачут, что серые волки в поле,
 ища себе чести, а князю славы».

Тогда *вступивши* был Игорь-князь в злат стремень
и *поехавши* по чистому полю.

Солнце ему тѣмою путь заступало,
ночь, стонущи ему грозою, птиц была *пробудивши*,

свистъ зверинъ въста!
Зби дивъ,
 кличетъ връху древа,
 велить послушати земли незнаеме
 Влъзе, и Поморию, и Посулию,
 и Сурожу, и Корсуню,
 и тебе, тъмтораканъский блъванъ!
 А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому,
 кричатъ телеги полунощы рци лебеди *роспущени*.

Игорь
 къ Дону
 вои
 ведетъ.

Уже бо беды его пасетъ птицъ по добио (по дубию),
 влъци грозу *въсрожатъ* по яругамъ,
 орли клектомъ на кости звери зовутъ,
 лисицы брешутъ на чръленыя щиты.
 О руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мракнетъ.
 Заря светъ запала,
 мъгла поля покрыла,
 щекотъ славий успе.
 Говоръ галичъ *убуди*:
 русичи великая поля чрълеными щиты *прегородиша*,
 ищучи себе чти, а князю славы.

Съ зарания въ пяткъ потопташа поганыя плътки половецкыя
 и, рассущясь стрелами по полю,
 помчаша красныя девки половецкыя,
 а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.
 Орътъмами и япочинцами и кожухы
 начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ,
 и всякими узорочьи половецкими.
 Чръленъ стягъ,
 бела хоругвовъ,
 чрълена чолка,
 сребрено стружие —
 храброму Святъславличу!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо.
 Далече залетело...
 Не было *нъ* обиде порождено
 ни соколу,

свист зверин поднявшись был!
Забивши был див,
 кличет в верху дерева,
 велит послушать пришельцев незнаемых
 Волге, и Поморию, и Посулию,
 и Сурожу, и Корсуню,
 и тебе, тъмтораканский болванъ!
 А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому,
 кричат телеги в полуночи словно лебеди *распущенные*.

Игорь
 к Дону
 воинов
 ведёт.

Уже сливение беды его пасёт птиц по дубию,
 волки грозу *подждают* по оврагам,
 орлы клёктом на кости зверей зовут,
 лисицы лают на красные щиты!
 О русских островок, уже за горой пребываешь!

Долго ночь мракнет.
 Заря свет подала,
 туман поля покрыл,
 щёкот соловий утих.
 Говор галочий *пробудил*:
 русичи великие поля красными щитами *заступили*,
 ищучи себе чести, а князю славы.

Рано утром в пятницу потоптали поганые полки половецкие
 и, рассеясь по полю стрелами,
 помчали красных девок половецких,
 а с ними злато, и шелка, и дорогие бархаты.
 Покрывалами, накидками и кожухами
 начали проходы мостить по болотам и грязивым местам,
 и всяким узорочьем половецким.
 Красный стяг,
 белая хоругвь,
 красная чёлка,
 серебряное древко —
 храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово хороброе гнездо.
 Далече залетело...
 Не было *однако* обиде порождено
 ни соколу,

ни кречету,
ни тебе, чрънъи воронъ поганыи половчине!
Гзакъ бежитъ серым влькомъ,
Кончакъ
ему следъ
правитъ къ Дону великому.
Другаго дни
велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ.
Чрънъя тучя съ моря идутъ —
хотятъ прикрыти 4 солнца;
а въ нихъ трепещутъ синии млънии.
Быти грому великому!
Итти дождю стрелами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ *приламати*,
ту ся саблямъ потручиши
о шлемы половецкыя
на реке на Каяле у Дону великаго!
О руская земле, уже *не* шеломянемъ еси!
Се ветри, Стрибожи *внуци*,
веютъ съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля *тутнетъ*,
рекы мутно текуть,
пороси поля прикрывають.
Стязи глаголють:
половци идутъ отъ Дона,
и отъ моря,
и *отъ* всехъ стран!
Рускыя плъкы *отступиша*.
Дети бесови кликомъ поля перегородиша,
а храбрые русичи *преградиша* чрълеными щиты.
Яръ туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщеши на вои стрелами,
гремлеши о шлемы мечи харадужными!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шлемомъ посвечивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя!
Поскепаны саблями калеными шлемы оварьскыя
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!

ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон поганый половчанин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак
ему вслед
правит к Дону великому.
Следующим днём
очень рано кровавые зори свет несут.
Чёрные тучи с моря идут —
хотят прикрыть 4 солнца;
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут вот копиям *взыграть*,
тут вот саблям потручинь
о шлема половецкие,
на реке на Каяле у Дону великого!
О русских островок, уже *не* близ горы пребываешь...
Вот ветры, Стрибожки *посланцы*,
веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.
Земля *гудёт*,
реки мутно текут,
пыли поля прикрывают.
Знамёна гласят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и *отъ* всех сторон!
Русские полки *отступили*.
Дети бесови кликом поля перегородили,
а храбрые русичи *преградили* красными щитами.
Ярый туре Всеволоде!
Стоишь на обороне,
прыщешь в противника стрелами,
гремлешь о шлема мечами булатными!
Куда, тур, поскочешь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие!
Поскепаны саблями калёными шлемы оварские
от тебя, ярый туре Всеволоде!

Послесловие

Работа по «Слову о полку Игореве» была начата в 1987 году. Однажды, ожидая пригородного поезда, я подошёл к книжному прилавку, увидел и взял в руки небольшую книжицу «Слово о полку Игореве» с рубрикой «Классики и современность». Творцами этой книжицы были крупнейшие специалисты: ак-к Д.Лихачёв и чл-кор. Л.Дмитриев. Она содержала подготовленный Лихачёвым древнерусский текст, «поэтический» и «объяснительный» переводы Лихачёва, обзор Дмитриева «Поэтическая жизнь Слова о полку Игореве в русской литературе» и составленные им комментарии. Прилагались лучшие поэтические переложения «Слова о полку Игореве»: Вас. Жуковского и Н.Заблоцкого. Все мы в школе учили непонятное «не лепо ли ны бяшеть», и было интересно познакомиться с «последним словом» на этот счёт. С крайним разочарованием прочёл я начало «поэтического перевода» ак-ка Лихачёва:

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?

Дальше можно было не читать. Автор «Слова о полку Игореве», если это действительно великий поэт, не мог быть автором этой выспренной белиберды. Открыл «объяснительный перевод» Д.Лихачёва. Читаю:

Не пристало ли нам, братья, начать старинными выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича?

Как говорится, «хрен редьки не слаше». Открываю переложение Василия Жуковского:

Не прилично ли нам будет, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!

Послесловие

Ну не мог творец «Слова» быть автором подобных застольно-салонных строк! Читаю переложение Н.Заболоцкого:

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?

Здесь всё — типичные бойкие вирши сталинского времени. Поэтически это, разумеется, совсем не «Слово о полку Игореве».

Вот всё, чем смогла меня «порадовать» книга. Озадаченный, я её приобрёл. Попытался самостоятельно вчувствоваться в древнерусский текст. Первый лихой наскок был — попытка по интуиции, минуя любые справочники, «перевести» всё произведение. Со временем уяснил, что надо существенно укоротить задачу. В итоге, отодвинув в сторону весь массив произведения, решил добиться ясности в переводе хотя бы одного ЗАЧИНА.

Путь мой был долг и извилисто. Единственным моим орудием было предельное вчувствование в динамику речи автора «Слова». Так отыскивались опорные точки мышлению, которые часто оказывались не окончательными. Затем к ЗАЧИНУ подсоединил рассмотрение ПОЧИНА, потом — ПРЕДДВЕРИЯ.

В этих рамках замкнулись границы моего предельного интереса, так как ЗАЧИН, ПОЧИН и ПРЕДДВЕРИЕ явили собою, как оказалось, завершённое целое, « увертюру » произведения. В этой « увертюре » сосредотачивалась вся основная масса трудностей. Дальнейший текст виделся гораздо более простым для понимания.

У «Слово»-ведов до сих пор нет единого мнения, где автор «Слово о полку Игореве» заканчивает своё Вступление и где начинается собственно рассказ о походе Игоря на половцев. Правильный перевод даёт исчерпывающий ответ на этот вопрос. Вступление охватывает то, что я назвал ПРОЛОГОМ.

ПРОЛОГ написан в очень стройной музикально-поэтической форме. Нетрудно видеть, что ПРЕДДВЕРИЕ, развивает тему ПОЧИНА, а с другой стороны — является возвратом к теме ЗАЧИНА. Так что с точки зрения формы ПРОЛОГ состоит из: « экспозиции », « второй контрастной части » и « репризы ».

В упомянутой книжице Лихачёва и Дмитриева древнерусский текст **без каких-либо оговорок** оказался дан не по Первому изданию, а с введением в него целого ряда « поправок ». Когда я потом случайно обнаружил этот подвох, это вызвало ощущение научной нечистоплотности авторов (Д.Лихачёва). Как показано в моей работе, почти все « поправки », введённые в древнерусский текст его толкователями, оказались неверны.

200 лет тайны

С таким же ощущением завуалированной нечистоты столкнулся при чтении ак-ка Б.А.Рыбакова, который то и дело свои «реконструкции событий» без оговорок излагает в одном ряду с событиями, реально описанными летописями.

Бойкий язык свойственен А.Л.Никитину, обширная выдержанка из которого приведена в главе «Экскурс в историю». Мой опыт показывает, что за бойким языком часто не стоит чистота преподносимых сведений. Так что, отдавая должное каждому автору, приходится помнить о необходимой осторожности.

К переводу НАЧАЛА я обратился тогда, когда анализ и перевод ПРОЛОГА был уже практически завершён. Исходно я полагал, что при переводе НАЧАЛА не встретится серьёзных трудностей. К моему удивлению, они оказались, и не в малом числе. Мне их все удалось решить.

Начиная с момента главной битвы Игоря с половцами, требуется переориентация исследующего мышления. Так что эту работу я отложил на другой этап. Фраза

Кая раны дорога, братие, забыв чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая

вызывает у меня чувство неясности. Именно перед нею я остановил свой перевод.

Задаваясь вопросом, почему целые поколения маститых «Слово»-ведов не решили задачи перевода ПРОЛОГА и НАЧАЛА, отмечаю такие особенности: слишком многим были заняты эти люди, и им было недосуг осознать фундаментальную важность определённого «малого пятака» для решения многих вопросов толкования. А может быть и не умели упереться всеми силами на этом «малом пятаке». Во-вторых, поражает обрывочность их подхода к каждой частности. Осознавать глубокую связность в движении чувств и эмоций научает занятие поэзией, и не случайно лучший поэт 19 века дал лучшие догадки по переводу некоторых «тёмных мест». Учёные «Слово»-веды, методически занимаясь созданием переводческих клише словам и языковым формам древнерусского языка, при переводе «Слова о полку Игореве» выявили неспособность мыслить чувствами и оказались беспомощными пленниками своих клише.

Язык «Слова о полку Игореве» удивительно полновесен, округлён и динамичен. Современный русский язык сравнительно с языком того времени обладает гораздо большей дробностью понятий, очерченностью смыслов, синтаксическим усложнением. А вместе с тем иногда не отыскивается хорошего способа выражения того содержания и чувства, что кратко и полноценно выражено в древнерусском подлиннике. Так что иногда желателен,

Послесловие

после полного усвоения смысла текста, обратный переход от «перевода» к языку древнерусского подлинника. Приведённый в конце перевод нацелен на чёткую передачу смысла древнерусского подлинника, хотя художественность от этого иногда страдает. В тексте книги дано больше вариантов возможного перевода и, во всяком случае, последовательно раскрыто содержание каждого фрагмента ПРОЛОГА и НАЧАЛА.

В ходе работы над ПРОЛОГОМ мне пришлось наблюдать удивительное явление: чем более я приближался к истине понимания, тем более мой перевод начинал совпадать слово в слово с древнерусским подлинником. Так что в итоге сама проделанная работа оказывалась как бы несуществующей. По этому случаю пришёл в голову забавный вопрос: а что если бы Первые издали совершенно точно, правильно перевели ПРОЛОГ? Да тогда, наверное, и сам Пушкин не догадался бы об их Сизифовом труде. Ведь собственно «перевода» не оказалось бы, а только чуть-чуть правка древнерусского под нынешний русский.

Ещё замета. В книге «Новая хронология Руси» (М., 1997) математики-историки А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский высказывают мысль, что Киевской Руси, видимо, не было. Относясь с великим уважением к математическому методу анализа хронологии истории, хочу заметить, что в данном пункте доводы, приводимые ими в пользу своей гипотезы, очень-очень худосочны. В частности, они избегли высказать свой взгляд на подлинность и древность «Слова о полку Игореве». А ведь содержание этого произведения — весомейший довод в пользу реальности Киевской Руси. Можно подделывать данные и даты в летописях, но настоящее поэтическое произведение оставляет мало возможностей для незаметного вмешательства в него. Точный, полноценный перевод ПРОЛОГА и НАЧАЛА, возвращающий нам не только смысл, но и саму поэтическую интонацию автора, свидетельствует, что в пределах ПРОЛОГА и НАЧАЛА текст «Слово о полку Игореве» — несомненно авторский, никем целенаправленно не искажавшийся.

ЛИТЕРАТУРА:

Библиотека великих писателей. 6-томное собрание сочинений А.С.Пушкина под ред. С.А.Венгерова. Пятый том. Санкт-Петербург, 1911. По этому изданию цитированы **заметки А.С.Пушкина по «Слову о полку Игореве»**.

«Слово о полку Игоря». — Петроград, 1917. — (Русская классная библиотека. 14-е изд.). По этому изданию цитирован **перевод Максимовича М.А.** Однако это перевод не собственно Максимовича, а «уточнённый» его перевод.

Орлов А.С. «Слово о полку Игореве». — М.; Л., 1946. По этому изданию цитирован **перевод Орлова А.С.**

«Слово о полку Игореве». — М., 1987. — (Классики и современники. Поэтическая библиотека.). По этому изданию цитирован **перевод Жуковского В.А. и перевод Лихачёва Д.С.**

«Слово о полку Игореве». — Свердловск, 1985. По этому изданию цитирован **перевод Творогова О.В.**

«Слово о полку Игореве» и его время. — М., 1985.

Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М., 1991.

Никитин А.Л. Слово о полку Игореве (Тексты. События. Люди) — М., 1998.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Т. 1—5. — СПб., 1995.

Виноградова В.Л. Словарь-справочник по «Слову о полку Игореве». — В шести выпусках. — Л., 1965—1984.

Горшков А.И. Старославянский язык — М., 2002.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Часть I. Вступление	7
Отклик Пушкина на публикацию «Слова о полку Игореве»	11
Датировка рукописи, приобретённой Мусиным-Пушкиным	12
Содержание «Слова о полку Игореве»	13
Часть II. Первые два предложения «Слова о полку Игореве».....	15
Взгляд Пушкина на переводы первых двух предложений	16
Предложение Пушкина по переводу первого предложения	18
Академические переводы первых двух предложений.	20
Введение к осмыслению первых двух предложений «Слова...»	23
«Старыми словесы трудных повестий» = «по былинам сего времени» .25	
«Трудные повести» = «былины сего времени»	27
«По былинам сего времени» = «не по замышлению бояню»	29
«Старые словесы» = <i>язык</i> «былин сего времени» =	
= <i>язык</i> «трудных повестей о полку Игореве»	30
Заключение по первым двум предложениям «Слова...»	33
О частице «же» во втором предложении «Слова...»	35
Часть III. ЗАЧИН	37
«Растекашется мыслию по древу...»	48
«Боян бо веций...»	54
«Помняшеть бо речь...»	55
«Тогда пущашеть 10 соколовъ...»	57
«Которыи дотечаше — та преди песь пояще...»	64
«Боян же, братие, не 10 соколовъ...»	67
Часть IV. ПОЧИН	71
«Почнем же, братие...»	71
«Тогда Игорь возре...»	77
«И рече Игорь к дружине своей...»	80
«Спала князю умь похоти...»	84
«Спала князю умь <i>похоти</i> <i>жалостъ</i> ...»	88
«Хощу бо рече копие приломити...»	93
Часть V. ПРЕДДВЕРИЕ	100
«О Бояне, соловию старого времени...»	100
«Рища в тропу троянию...»	107
«Не буря соколы занесе...»	117
«Чи ли воспети было...»	120
«Комони ржуть за Сулою...»	121
Возвращение к «сего времени»	126
Часть VI. ПРОЛОГ: Заключительное	128

Перестановщики сцены солнечного затмения.	128
Продолжение предыдущего.	132
«Старый Владимир».....	136
Часть VII. НАЧАЛО: Выход в поход.....	140
Встреча Игоря со Всеволодом перед выходом в поход.	140
«Зби див...»	143
«И тебе, тмутораканский болван!»	144
«Велит послушати земли незнаеме...».....	146
«А половци неготовами дорогами побегоша...»	149
«Рци лебеди роспущени».....	150
«Уже бо беды его пасет птицъ подобию, вльцы грозу въ срожат по яругам»	152
«О руская земле, уже за шеломянем еси!»	155
Возвратимся к «земли незнаеме»	157
Часть VIII. НАЧАЛО: На половецкой земле.....	158
«Долго ночь мръкнет...»	158
Первая стычка с половцами.....	161
«Не было нъ обиде порождено...»	162
«Кончак ему след правит...»	164
«О руская земле, уже не шеломянем еси!»	166
«Рускыя полки отступиша»	167
Часть IX. Экскурс в историю	171
«Нынешний Игорь».....	171
Автор «Слова о полку Игореве» Пётр Бориславич	173
Иной взгляд на поход князя Игоря	174
Часть X. ПРОЛОГ и НАЧАЛО «Слова о полку Игореве» (синхронно древнерусский текст и перевод	183
ПОСЛЕСЛОВИЕ	194
Литература:	198

Сдано в печать 01.04.2003. Подписано в печать 23.12.2004.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Sans. Формат 62x84/16.

Издательство «Свет», 630090 Новосибирск, а/я 131. Заказ № 018. Тираж 1000 экз.

Типография ИЦ «Свет», п. Краснообск, НСО, СибНИИЗХим.

Это итог фундаментальной работы. Обилие результатов налицо. Небольшое «Слово о полку Игореве» и французская «Песнь о Роланде» — знаменитейшие произведения европейского Средневековья. Но «Слово о полку Игореве», явившееся обращением автора к своим современникам по случаю животрепещущих событий, художественно сложнее и загадочнее. ПРОЛОГ — особенно загадочная часть «Слова о полку Игореве». В данной книге впервые даётся полноценное раскрытие ПРОЛОГА и всего НАЧАЛА произведения. Читатель впервые услышит действительную поэтическую интонацию древнего автора.

Такая книга ценна особенно потому, что «Слово о полку Игореве» является неотъемлемой частью школьной и вузовской программ по литературе, а педагоги не могут преодолеть неинтерес учеников к *поддельным красотам* «научных» и «поэтических» переводов великого произведения.

* * *

Одновременно с данной книгой издательство «СВЕТ» выпустило другую книгу Ярослава Кивалина: поэтический сборник **«НОВОЕ СОЛНЦЕ»**.